

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1913.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

Рѣчь, въ день исполнившагося десятилѣтія служенія на Харьковской кафедрѣ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Преосвящен. Феодора, Епископа Сумскаго.	I—II
Празднованіе десятилѣтія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. П. Воинна	III—VIII
Слово въ день преподобнаго Антонія Великаго. Протоіерей Н. Стеллецкаго	277—281
Слово въ недѣлю по просѣщеніи. Прот. Д. Попова.	282—286
Гдѣ рай? Священ. І. Дмитревскаго	287—308
Положеніе новгородскихъ владыкъ отъ крещенія Новгорода (991—92) и до подчин. его Москвѣ (1478). (Окон.). П. Фруантова	309—322
Церковныя древности Харьков. края. Прот. П. Воинна	323—336
Познаніе сверхчужествен. міра. (Продол.). И. С. Продана	337—355
Вѣра безъ твердой почвы. Священ. Г. Н. Корсуна.	356—370
Факты и воспоминавія изъ жизни герцогиница на службѣ по духовно-учебному вѣдомству. (Продолженіе). Прот. І. Пичеты	371—384

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ и ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ о состояніи Харьк. Епарх. жен. училища. (Продолженіе).—II. Трехсотлѣтній юбилей царствованія на Руси Дома Романовыхъ.—О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьк. епархіи. Архимандрита Афанасія.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 385—418).

ХАРЬКОВЪ.

«Епархіальная Типографія», Каплуновская ул., д. № 2.

1913.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковско епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прох-де всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію в этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годично издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р съ пересылкою.

Разсрочка въ уплату не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнал. «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавны; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя комплекты изданія за 1912 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίσται νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Февраля 1913 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Толминъ.

Р Ъ Ч Ъ

Преосвященнѣйшаго Теодора, Епископа Сумскаго,

въ день исполнившагося десятилѣтія служенія на Харьковской кафедрѣ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, 8-го февраля 1913 года.

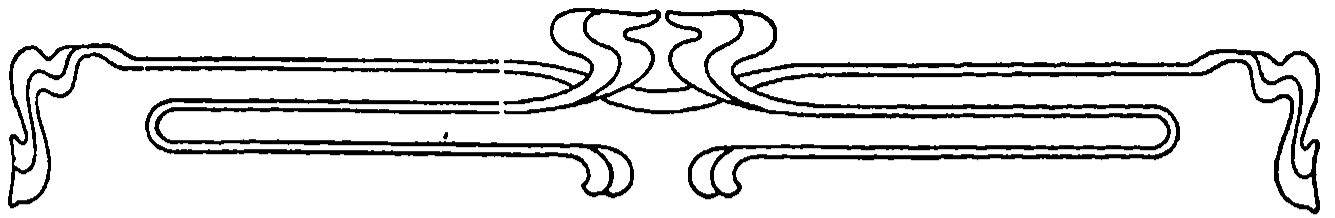
*Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архипастырь и Отець!*

Сегодняшній день исполнилось 10-лѣтіе Вашего Архипастырскаго служенія на Харьковской кафедрѣ. Възвѣренная Вамъ Харьковская паства, съ духовенствомъ во главѣ, отмѣтила въ своей жизни этотъ великій и знаменательный день Вашего служенія повсемѣтнымъ совершеніемъ въ епархіи божественной литургіи и молебнаго пѣнія о здравіи и благоденствіи Вашего Высокопреосвященства, усердно благодаря Господа Бога за Его великія милости и щедроты, которыя изливались за это время на Вашу жизнь и служеніе и какими преисполнялась духовная жизнь самой паствы въ дѣлѣ ея благодатнаго возрожденія, нравственнаго совершенствованія и спасенія. Сейчасъ только окончилось свѣтлое, церковно-молитвенное, торжество наше. И, вотъ, непосредственно изъ храма Божія, мы, духовная паства Ваша, сыновне преданные, беззавѣтно любящіе и благодарные Вамъ, съ радостью спѣшимъ къ Вамъ, какъ дѣти къ любящему Отцу, чтобы наполнить сердце и душу Вашу „въ сей нареченный и святой день жизни Вашей“ теплотою и радостью великаго сегодняшняго духовнаго торжества. Прежде всего, просимъ Васъ: Святителю Христовъ, великій и мудрый нашъ Вождь-Архипастырь, примите отъ насъ наши сыновнія, усерднѣйшія и почтительнѣйшія поздравленія съ исполнившимся 10-лѣтіемъ Вашего Святительскаго служенія Харьковской паствѣ.

Десять лѣтъ исполнилось Вашей славной, разносторонней, многоплодной-церковно-общественной, просвѣтительной и миссіонерской Святительской дѣятельности на благо Харьковской паствы. Вспоминать, подробно исчислять и дѣлать оцѣнку всѣхъ Вашихъ трудовъ и заслугъ на пользу Харьковской паствы, за минувшій 10-лѣтній періодъ вре-

мени, едва-ли нужно сейчасъ и возможно, чтобы не утомить такою сложною работою Васъ и многочисленное собраніе Вашихъ почитателей, явившихся принести Вамъ свои поздравленія. Полагаю, что и безъ того хорошо извѣстно не только Харьковской паствѣ, но и всему обширному Отечеству нашему „Ваше служеніе Святой Церкви Православной, въ которомъ Вы всегда являли высокій примѣръ Архипастыря благостнаго, ревностно хранящаго завѣты правословія, учительнаго словомъ и дѣломъ и неослабно пекущагося о благѣ ввѣренной Вамъ паствы“ (Высочайшій Рескриптъ). Такое служеніе Ваше Церкви Божіей и ввѣренной Вамъ Харьковской паствѣ, не смотря на краткій періодъ времени его, два раза обращало на себя особое Монаршее вниманіе, отмѣчалось съ высоты Царскаго Престола въ Высочайшихъ рескриптахъ на Ваше имя и стязало Вамъ въ современной церковной іерархіи, по способностямъ и дарованіямъ, заслугамъ и отличіямъ, имя старѣйшаго и выдающагося іерарха Церкви. Памятуя эти безцѣнные заслуги Ваши на благо Харьковской паствы, Ваше высокое и святое служеніе спасенію этой паствы, Ваше мудрое, строго-правдивое, истинно-отеческое, растворенное любовью и милостью, просвѣщенное отношеніе къ намъ, Вашимъ ближайшимъ помощникамъ по служенію ввѣренной Вамъ паствѣ, собравшееся духовенство Ваше во главѣ со мною, вмѣстѣ съ поздравленіемъ своимъ, приносить Вамъ, въ сей знаменательный для Васъ день, и чувства сыновней, сердечной своей благодарности за Ваши истинно-апостольскіе труды и болѣзни, заботы и попеченія по управленію и благоустроенію Харьковской паствы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усердно молимъ Господа Бога, чтобы Онъ, Премилосердный Господь нашъ, излившій на васъ всю полноту благодатныхъ даровъ своихъ и такъ недавно благословившій Васъ радостно, во здравіи и благополучіи, встрѣтитъ и освятитъ молитвою 30-лѣтнюю годовщину Святительскаго, полнаго апостольскаго подвига, служенія Вашего Церкви Божіей и дорогому Отечеству, продлилъ дни дорогой жизни Вашей еще многіе и многіе годы, даровалъ Вамъ крѣпость и силы въ великомъ служеніи Вашемъ спасенію душъ ввѣренной Вамъ паствы и сохранилъ Васъ на всѣхъ стезяхъ жизни и служенія въ вождѣлѣнномъ здравіи и благополучіи!

ПРАЗДНОВАНИЕ ДЕСЯТИЛѢТІЯ

Святительствованія на Харьковской Каѳедрѣ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, 8 февраля 1913 года.

Десять лѣтъ тому назадъ 8 февраля 1903 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о назначеніи Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Казанскаго и Свѣяжскаго, на Харьковскую каѳедру, каковое назначеніе вполнѣ совпадало съ желаніемъ Владыки Арсенія перейти на службу въ одинъ изъ южныхъ городовъ для поправленія здоровья, расшатаннаго тяжелымъ климатомъ Казанскаго края. Назначеніе это было встрѣчено въ Харьковѣ съ живѣйшею радостію и чувствомъ удовлетворенія, ибо здѣсь хорошо знали о кипучей дѣятельности его, строго-церковномъ характерѣ, простотѣ и доступности и его проповѣдническихъ дарованіяхъ. Истекшія десять лѣтъ его управленія Харьковскою паствою болѣе чѣмъ оправдали первоначальныя ожиданія и надежды. Десять лѣтъ его дѣятельности здѣсь были неустаннымъ и поистинѣ кипучимъ подвигомъ на благо Харьковской церкви. Онъ всегда былъ человѣкомъ труда, самъ не любилъ оставаться безъ дѣла и всѣхъ вокругъ себя побуждалъ работать и трудиться не покладая рукъ. Искренно и усердно относясь къ своему святительскому долгу, онъ того же требовалъ отъ другихъ. Хозяйственное благоустройство всѣхъ епархіальныхъ учреждений и духовноучебныхъ заведеній, ремонтъ и переустройство этихъ послѣднихъ, окончаніе постройки Консисторскаго дома чиновниковъ, устройство Епархіальнаго Дома, учрежденіе въ немъ Епархіальныхъ Ц-арх. Общества Музея, библиотеки и типографіи, закладка и устройство въ епархіи и въ г. Харьковѣ новыхъ прекрасныхъ храмовъ, разнообразныя

мѣры къ поднятію въ епархіи церковно-богослужебной истинности, широкая и цѣлесообразная организація епархіальной миссіи, расширеніе дѣятельности по епархіи Озерянского церковно-просвѣтительнаго Братства, широкія и неустанныя разъѣзды для обозрѣнія епархіи, строгая хозяйственная организація монастырской жизни, направленіе монастырей къ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности, пастырское сближеніе съ епархіальнымъ духовенствомъ посредствомъ своихъ замѣчательныхъ бесѣдъ съ благочинными, Епархіальными Съѣздами, собраніями духовенства во время объѣздовъ, ревностное и великолѣпное совершеніе богослуженій и крестныхъ ходовъ, неустанное проповѣдничество, выразившееся въ изданіи 6 томовъ сборника его проповѣдей,—это еще не полный перечень его замѣчательныхъ трудовъ на Харьковской кафедрѣ. Въ радостные и трагическіе моменты жизни паствы онъ всегда былъ на высотѣ своего призванія: мудрый, сильный, непоколебимый патріотъ, ревнитель Церкви, самоотверженный и вѣрнопопанный Государевъ слуга. Эта сила святителя въ пережитыя тревожныя дни 1905—1906 г.г. вдохновляла и духовенство и паству. Это незабвенная историческая заслуга Святителя для Харьковской паствы. При всемъ этомъ живой, кипучій, рабочій духъ Владыки отпечатлѣвался въ обаятельныхъ чертахъ его личнаго характера.

Прямой, откровенный, чистосердечный, искренній, горячій и воодушевленный Харьковскій Владыка всѣхъ непроизвольно нравственно подбодрялъ и поднималъ. Строгій въ дѣлахъ Церкви и службы, отечески добрый и жалостливый, онъ всѣхъ невольно располагалъ къ себѣ и заставлялъ любить, боясь его, и бояться, любя его.

За истекшіе десять лѣтъ Харьковская паства вполне узнала своего Архипастыря, искренно привязалась къ нему и духовно сблизилась съ нимъ настолько, что онъ сталъ истиннымъ центромъ и душой церковно-религіозной жизни народа. Особенно г. Харьковъ, непосредственно близкій къ Владыкѣ, глубоко любилъ его церковныя службы, его сердечное Архипастырское слово поученія, его видъ величественнаго Архіерея-отца, его личную и непритязательную скромность и простоту; привыкъ часто видѣть совершающимъ службы Божіи въ Кафедральномъ Соборѣ и Покров-

скомъ монастырѣ, выступающимъ во главѣ величественныхъ церковныхъ процессій и крестныхъ ходовъ, быть близко къ нему, тѣсниться къ нему, получая святительское благословеніе...

Десятилѣтіе служенія въ г. Харьковѣ Высокопреосвященнаго Владыки какъ то естественно и само собою, по чувству глубокаго духовнаго общенія съ нимъ всеѣхъ его пасомыхъ, сложилось въ торжество празднованія 8 февраля сего 1913 года, ознаменовалось церковными службами и выраженіями глубокой любви и уваженія къ маститому Архипастырю Харьковской паствы. По всей епархіи этотъ день было рѣшено ознаменовать служеніемъ наканунѣ всенощныхъ бдѣній, а въ самый день десятилѣтія—божественной литургіи и благодарственныхъ Господу Богу молебствій за благодатныя милости Всевышняго къ Владыкѣ Арсенію. Естественно, что особою торжественностію это празднованіе сопровождалось въ г. Харьковѣ. Предварительно въ мѣстныхъ газетахъ были помѣщены краткія оповѣщенія о десятилѣтнемъ юбилеѣ святительствованія Архіепископа и статьи о трудахъ и заслугахъ его предъ паствою и Церковію. Наканунѣ съ 6 ч. вечера по всеѣмъ городскимъ церквамъ и въ монастырѣ были совершены всенощныя бдѣнія. 8-го же февраля самъ Владыка пожелалъ совершить раннюю божественную литургію въ своей домовой Крестовой церкви. Въ кафедральномъ Соборѣ съ 9 ч. утра началась величественная архіерейская служба Бож. литургіи, привлекавшая множество молящихся, совершенно наполнившихъ Соборъ. Здѣсь присутствовали и представительныя лица отъ городскихъ учрежденій разныхъ вѣдомствъ. Богослуженіе совершалъ преосвященный Теодоръ, Епископъ Сумскій, изъ сослуженія двухъ архимандритовъ, настоятеля Ахтырскаго монастыря и Епарх. Миссіонера, профессора богословія, Ректора Семинаріи, Соборнаго клира и благочинныхъ, двухъ городскихъ и одного иногородняго о. М. Согина. Пѣлъ полный хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ подъ управленіемъ М. С. Ведринскаго. Въ придѣльныхъ алтаряхъ собралось въ тоже время почти все наличное городское, приходское и безприходное духовенство во главѣ съ составомъ Духовной Консисторіи. По окончаніи бож. литургіи Преосвященный Теодоръ обратился къ народу съ краткимъ словомъ, въ которомъ ука-

заялъ важность празднуемаго событія какъ въ жизни Архипастыря, такъ и паствы и призвалъ всѣхъ вознести горячія молитвы благодарности Всевышнему за благодатное подкрѣпленіе Архипастыря въ совершеніи подвиговъ служенія и молитвенное прошеніе къ Нему объ осѣненіи тою же благодатію и дальнѣйшей его дѣятельности во благо св. Церкви и паствы. Потомъ Преосвященный Теодоръ въ сопровожденіи всего духовенства вышелъ на средину Собора для молебствія. Многочисленное духовенство въ золотыхъ ризахъ стало двумя тѣсными рядами отъ амвона до престола.

По совершеніи молебна было провозглашено установленное многолѣтіе Государю Императору съ Царствующимъ Домомъ, Св. Синоду, Высокопреосвященному Владыкѣ Арсенію и Державѣ Россійской. Богослуженіе окончилось въ половинѣ 1-го часа дня.

Всенощныя бдѣнія, божественныя литургіи и молебны въ этотъ день были совершены и во всѣхъ духовно учебныхъ заведеніяхъ. По распоряженію же Попечителя Учебнаго Округа молебны были также совершены и во всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ города Харькова.

Преосвящ. Теодоръ, Соборный клиръ и городское духовенство изъ собора отбыли въ покои Архіепископа для принесенія поздравленія ему лично. Здѣсь уже въ это время приносили поздравленіе ему представители города и разныхъ учреждений: управляющій губерніей вице-губернаторъ д. с. с. Н. П. Масальскій, и. д. городского головы г. Дорофеевъ, Попечитель Учебнаго Округа д. с. с. Соколовскій, окружные инспектора и директора учебныхъ заведеній, д. с. с. С. А. Раевскій и многіе др. свѣтскіе лица. Въ пріемной залѣ Владычныхъ покоевъ собралось все духовенство, монашествующіе, а въ первой гостинной—полный хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Изъ внутренней гостинной вышелъ въ сопровожденіи свѣтскихъ лицъ Владыка, а соборный клиръ началъ чинъ обычной церковной встрѣчи Архипастыря. По исполненіи ектеніи и отпуста протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе Владыкѣ, а хоръ пропѣлъ троекратно „многая лѣта“. Затѣмъ Преосвященный Теодоръ обратился къ Высокопреосвященному Архіепископу отъ лица духовенства и всей Харьковской паствы съ живымъ и одушевленнымъ словомъ—при-

вѣтствія съ исполнившимся десятилѣтіемъ его плодотворной и славной службы на Харьковской кафедрѣ. Въ этомъ привѣтствіи были отмѣчены глубокія заслуги Архіепископа, мудрость, строгость и сердечность его въ отвѣтственномъ служеніи и высказывалось самое искреннее пожеланіе ему еще долгихъ лѣтъ столь же славной службы св. Церкви, родинѣ и Харьковской паствѣ¹⁾. Тронутый этимъ привѣтствіемъ, Владыка Арсеній отвѣчалъ сердечными словами, глубоко взволновавшими присутствовавшихъ: „Благодарю отъ всей души Васъ, Преосвященнѣйшій, и васъ, духовные отцы, за принесенное мнѣ поздравленіе и совершенныя молитвы о мнѣ. Вѣрю въ ихъ искренность. Я не ожидалъ празднованія вами этого дня... Да, онъ для меня очень важенъ: день этотъ для меня—священный: я безконечно радъ, что и вы всѣ одновременно со мною освятили этотъ день молитвою. Десять лѣтъ святительства — сравнительно короткій срокъ жизни. Но это десятилѣтіе моей службы пришло въ годы истощенія моихъ силъ, годы глубокой старости, когда я уже не тотъ, что былъ, когда я такъ нуждаюсь въ содѣйствіи и помощи... Вы свидѣтельствуете, что не даромъ мною прожито это десятилѣтіе, что не мало мною сдѣлано за это время для Харьковской епархіи. Не своимъ я силамъ это приписываю, а божественной благодати и вашимъ молитвамъ о мнѣ. О, молитва вѣры и любви—всесильна! Вѣрю, глубоко вѣрю, что и сегодня ваша торжественная, соборная молитва достигла небесъ, достигла Престола Божія, что она преклонитъ ко мнѣ Милость Божію и въ дальнѣйшіе пути моей жизни... Благодарю же васъ всѣхъ и съ своей стороны молю Господа о благословеніи васъ всѣхъ и всей моей паствы!“... Затѣмъ отъ лица соборнаго клира и старости принесъ поздравленіе Владыкѣ Настоятель Каѳедральнаго Собора Протоіерей І. Гончаревскій, въ тепломъ и задушевномъ привѣтствіи своемъ отмѣтившій черту истовой церковности Владыки, его усердіе въ совершеніи торжественныхъ службъ въ кафедр. Соборѣ въ соучастіи съ клиромъ соборнымъ, и его постоянную заботливость о возвышеніи благолѣпія и значенія собора въ жизни Харьковской паствы. Въ знакъ глубочайшей любви и признательности,

¹⁾ Рѣчь Преосв. Теодора печатается здѣсь отдѣльно.

и въ ознаменованіе дня 8 февраля 1913 года, о. Протоіерей просилъ Владыку принять отъ соборянъ на память благолѣпный образъ Христа Спасителя. Владыка еще разъ благодарилъ всѣхъ и затѣмъ преподавалъ благословеніе каждому изъ поздравлявшихъ. Хоръ пѣвчихъ въ это время стройно и художественно исполнилъ духовный концертъ.

Отпустивъ монашествующихъ и духовенство, Высокопреосвященный Архіепископъ пригласилъ всѣхъ высшихъ особъ, духовныхъ и свѣтскихъ, въ свою парадную столовую, гдѣ предложена была маститымъ хозяиномъ скромная трапеза. Искренно и задушевно гостя отпраздновала день 8 февраля, какъ свой домашній и семейный праздникъ. День этотъ вполнѣ отвѣчалъ сердечной любви каждаго къ своему Архипастырю и непротворной молитвѣ всѣхъ о немъ, да исполнитъ Верховный Пастыреначальникъ ему силы и счастливый успѣхъ въ великихъ трудахъ святительства еще на долгіе годы!..

Протоіерей П. Оминъ.

С Л О В О

въ день преподобнаго Антонія Великаго¹⁾.

(Въ чемъ состоитъ истинное величіе человѣка?)

„Иже сотворить и научить, сей велиій наречется въ царствѣи небесныхъ“. (Мт. 5, 19).

Эти слова Господа нашего Иисуса Христа весьма близки къ настоящему торжеству нашему. Въ день *Великаго* человѣка, какимъ названіемъ почтенъ отъ Церкви небесный Покровитель нашего храма, слово о величїи, доступномъ человѣку,—самое естественное слово.

Воздавая должное величію прославляемаго нынѣ св. подвижника Тивайдскаго и благоговѣнно преклоняясь предъ величіемъ Самого Бога, „дивнаго во святыхъ Своихъ“, въ общее назиданіе наше, братіе, размыслимъ о томъ, въ чемъ состоитъ *истинное величіе человеческое*?

Люди міра сего обыкновенно полагаютъ свое величіе въ богатствѣ, въ знатности рода и происхожденія, въ высокомъ мѣстѣ и положеніи среди общества, въ земной славѣ и мудрости. Но дѣйствительно ли велики такіе люди? Велико ли предъ Богомъ и на самомъ дѣлѣ всё то, что великимъ называютъ люди?

Богатство, напр., само по себѣ такъ же мало можетъ сообщить достоинства человѣку, какъ и тому мѣсту, въ которомъ оно хранится. Оно не въ состояніи утолить жажды богоподобной души человѣческой (Ис. 48, 7—9). Соломонъ, царь израильскій, по его собственнымъ словамъ, „сдѣлался

¹⁾ Сказано въ церкви Императорскаго Харьковскаго Университета 17 января 1913 года.

богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде него въ Иерусалимѣ“ (Екклес. 2, 9); рѣдко кто могъ и можетъ имѣть въ такомъ изобиліи всё то, что почитается обычно богатствомъ (—ст. 1—10). И тѣмъ не менѣе что оказалось въ концѣ концовъ? „Огряднулся я“,—съ грустью признается пресыщенный богатствомъ царственный мудрецъ,—„на всё богатства мои..., и вотъ всё—суета и томленіе духа, и бѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ!“ (—ст. 11). А если пріймемъ во вниманіе, какъ иногда приобрѣтаются богатства и на что употребляются, то они скорѣе, быть можетъ, будутъ свидѣтельствовать не о *величіи*, а, наоборотъ, о *низости* своего обладателя. Потому и сказано: „да не хвалится богатый богатствомъ своимъ“ (1 Цар. 2, 10).

Простой земледѣлецъ, по суду міра, не отличается *знатностію рода и происхожденія*, но и между ними не встрѣчаются ли люди *великіе* по своимъ способностямъ и дѣламъ? Сколько бы кто не величался знатностію своего происхожденія, оно не придаетъ ему никакихъ *внутреннихъ* достоинствъ и преимуществъ, которыхъ онъ не имѣетъ. Родъ самъ по себѣ не дѣлаетъ человѣка ни умнымъ, ни честнымъ, ни вообще добродѣтельнымъ. Никто не рождается *великимъ*. Царь и рабъ одинаково наследуютъ общія человѣческія немощи (Притч. 7, 1—6). Того и другого въ младенчествѣ носятъ, а въ старостѣ „водятъ, а може не хочетъ“ (Іоан. 21, 18); того и другого жизнь—дуновеніе,—и это ли величіе? И тѣмъ менѣе человѣку величія, если, исходя отъ знатныхъ предковъ, онъ не уподобляется имъ своими совершенствами, а, напротивъ, унижаетъ свой родъ нравственными недостатками.

Точно также никакое само по себѣ *высокое положеніе* на ступеняхъ общественнаго служенія не можетъ составить истиннаго величія человѣку. Не даромъ говорятъ: не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто. Если высокому мѣсту, нами занимаемому въ обществѣ, мы равняемся своими высокими внутренними качествами, въ такомъ случаѣ наше величіе всё же зависитъ отъ этихъ нашихъ качествъ, а не отъ мѣста. А если мы ниже своего мѣста по внутреннимъ достоинствамъ, тогда отъ высоты мѣста тѣмъ замѣтнѣе наше ничтожество.

И мірская слава, за которою такъ гоняются люди, не

можетъ сдѣлать ихъ истинно великими. Ибо что такое слава? Это мнѣніе о насъ другихъ людей. А всегда ли справедливо мнѣніе людское и можетъ ли оно что нибудь существенное прибавить намъ? Въ обыкновенной горѣ не заведется золото отъ того, что будутъ называть её золотою. И карликъ не выростетъ отъ того, что будутъ считать его великаномъ. Слава—наша тѣнь. Тѣнь отъ предметовъ постоянно измѣняется, въ зависимости отъ положенія солнца; иногда и отъ великихъ предметовъ бываетъ малая, и отъ малыхъ великая, но никогда не можетъ измѣнить самихъ предметовъ—изъ малыхъ сдѣлать великими и изъ великихъ малыми. Такова и наша слава. И если мы малы по внутреннимъ достоинствамъ, то сколько бы насъ не прославляли, мы не сдѣлаемся отъ того великими. Вотъ почему ап. Петръ говоритъ: „всякая слава человѣческая—цвѣтъ на травѣ; сохнетъ трава и цвѣтъ отпадетъ“ (Петр. 1, 24). Есть ли въ такой славѣ дѣйствительное величіе человѣческое?

Наконецъ, иные думаютъ находить для себя величіе въ мудрости человѣческой. Мы отнюдь не отрицаемъ этого величія, мы охотно признаемъ его и готовы даже преклониться предъ нимъ. Всего осязательнѣе открывается величіе мудрости человѣческой въ ея владычествѣ надъ виѣшнимъ міромъ. Изучая болѣе и болѣе силы и законы природы, подмѣчая и разгадывая ея тайны, умъ человѣка почти съ каждымъ днемъ совершаетъ въ ней новыя завоеванія и одерживаетъ надъ нею новыя побѣды. Въ настоящее время человѣкъ опускается на дно морское и подымается въ заоблачныя выси, подчиняетъ своей волѣ электричество, паръ и силу водопадовъ, извлекаетъ изъ вѣдръ земли ея сокровища, прорѣзываетъ горы желѣзными дорогами, узнаетъ составъ отдаленныхъ планетъ. Но отдавая должное величію ума человѣческаго, признавая его *великою* душевною силою, возвышающею насъ надъ всеми земными тварями и уподобляющею насъ Самому Творцу, будемъ однакожъ безпристрастны въ своихъ сужденіяхъ объ его *величии*. Скажите, какъ далеко простирается наше умственное величіе во власти надъ виѣшнимъ міромъ? Если уже значительна область, которую покорилъ себѣ человѣкъ въ этомъ мірѣ, то безконечно обширѣе та область, которой онъ еще не покорилъ. И если иногда онъ торжествуетъ надъ силами и стихіями природы, застав-

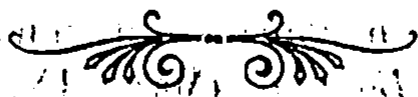
ляя ихъ служить своей пользѣ, то несравненно чаще онъ повергается въ прахъ предъ грозными ея явленіями и трепещетъ за самую свою жизнь; почему давно сказано: „да не хвалится премудрый премудростію своею“ (1 Цар. 2, 10), и мудрость — „томленіе духа“ (Екклез. 1, 17). Не забудемъ также, что уместенное величіе есть величіе одностороннее, неполное, простирающееся собственно на одну только способность души, а не на всё существо человѣка. Бываютъ люди великаго ума, но далеко не великіе по своей нравственности. Развѣ нѣтъ и такихъ людей, которые въ своемъ многознаніи находятъ, можно сказать, отраву для себя, впадая въ мрачное настроеніе и смотря на жизнь вообще, какъ на зло? Не это ли явленіе имѣлъ въ виду и библейскій мудрецъ, когда въ проповѣди своей о суетѣ мірской говорилъ: „приложивый разумъ, (т. е. умножающій познанія) приложитъ болѣзнь“ (т. е. увеличитъ внутреннія душевныя скорби свои) (Екклес. 1, 18)? Не ясно ли, что у такого человѣка, при самомъ обширномъ образованіи ума, не воспитаны остальные стороны души, человѣческой? Природа даетъ себя знать; значить, величіе не полно.

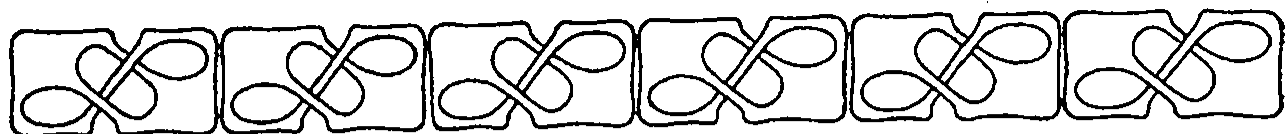
Но гдѣ же истинное величіе человѣка, если его нѣтъ ни въ богатствѣ, ни въ знатности, ни въ почестяхъ, ни въ славѣ, ни даже въ мудрости? „Иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствіи небеснѣхъ“ (Мат. 5, 19). „О семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати Господа и творити судъ и правду посредѣ земли“ (1 Цар. 2, 10; 1 Петр. 1, 81). Итакъ, не величіе умственное, ни тѣмъ болѣе всякое величіе, вышнее, но величіе *нравственное*, о которомъ мало говорятъ въ мірѣ, но которое всегда существовало въ Церкви Христовой: вотъ подлинный видъ истиннаго величія. Ни въ комъ съ такою ясностію и чистотою не отражается образъ Совершеннѣйшаго Отца нашего Небеснаго (Мат. 5, 48), какъ въ душѣ нравственно-совершеннаго христіанина, объ истинномъ величіи котораго можно сказать тоже самое, что сказалъ Архангелъ Гавріиль объ Іоаннѣ Крестителѣ: „будетъ бо великій предъ Господомъ“ (Лук. 1, 14). Богъ есть любовь, и христіанинъ, мало по малу, проникаясь духомъ Божиимъ, весь воспламеняется огнемъ любви Христовой, такъ, что нинто въ мірѣ не можетъ отлучить его отъ любви Божіей „во Христѣ Іисусѣ“ (Рим. 8, 39), и онъ

готовъ бываетъ, по примѣру Спасителя, положить самую „душу свою за други своя“ (Іоан. 15, 13). И замѣчательно, что нравственное величіе христіанина свободно отъ тѣхъ недостатковъ, какіе мы замѣтили въ величіи умственномъ. Для нравственнаго величія человѣческаго,—не такъ какъ для умственнаго,—не положено никакихъ границъ даже въ настоящей жизни. Вступивъ на лѣстницу христіанскихъ добродѣтелей, человѣкъ можетъ восходить по ней выше и выше, пока не „достигнетъ въ мѣру возраста исполненія Христова“ (Ефес. 4, 13), пока не „вообразитъ“ въ себѣ всего „Христа“ (Гал. 4, 19). Нельзя видѣть въ нравственномъ величіи христіанскомъ и величія односторонняго: возникая въ области свободы человѣческой, оно обнимаетъ всю душу со всѣми ея силами и дѣлаетъ богоподобнымъ всё ея существо. Это величіе полное и, особенно на высшихъ степеняхъ своихъ, чрезвычайно способствуетъ и умственному величію человѣка. Были великіе праведники, подобные св. Антонію, которые не учились ничему, но, постоянно наблюдая за собственною душою, при помощи Божіей, лучше ученыхъ проникали въ тайны видимой природы, но въ самое сердце человѣческое.

Итакъ, желаете ли, братіе, быть истинно великими людьми? Будьте истинно благочестивыми, будьте истинными христіанами. Представляя себѣ образъ ублажаемаго нынѣ Подвижника Египетскаго, не увлекайтесь суетными видами величія человѣческаго, которое сводится, по боговдохновенному выраженію ап. Павла, къ одному „плотскому мудрованію“ (Рим. 7, 5). Помните слова Христовы, что тайны царствія Божія утаены „отъ премудрыхъ и разумныхъ“ и открыты „младенцамъ“ (Мѡ. 11, 25). Не забывайте, что наша народно-русская сила возникла изъ „сѣмени святого“ (Ср. Пс. 118, 15). А посему помолимся, чтобы среди насъ „не оскудѣвалъ преподобный“ Аминь.

Проф.-Протоіерей Н. Стеллецкій.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ ПО ПРОСВѢЩЕНІИ.

О необходимости покаянія для вступленія въ Царство Христово ¹⁾.

„Покайтесь, приблизися бо Царство небесное“ (Матѣ. IV, 17).

Такими словами, слышанными нами, бл. сл., въ нынѣшнемъ Евангельскомъ чтеніи, Господь нашъ Іисусъ Христосъ началъ свое общественное служеніе спасенію человѣческаго рода, состоявшее, прежде всего, въ наученіи людей Божественной истинѣ (Іоан. VIII, 32), въ сообщеніи имъ всего того, *яже потребна къ животу и спасенію* (Іоан. I, 18; IX, 16—18; Лук. IV, 18—21; II Тимоѣи III, 16; Тит. II, 11—14). Истинное ученіе о Царствіи Божіемъ, о Царствѣ небесномъ, — настоятельная проповѣдь о вступленіи въ него единственныиъ путемъ — путемъ покаянія составляли главное содержаніе проповѣди какъ Предтечи Господня, св. Іоанна Крестителя, такъ и Самого Господа Іисуса Христа. — *„Уготуйте путь Господень, и правы творите стези Его“*; и зывалъ въ пустынь, гдѣ въ своихъ обличеніяхъ и суровый по своему, внѣшнему облику и жизни св. Пророкъ Іоаннъ Предтеча (Марк. I, 3); *„Кто внушилъ вамъ божать отъ будущаго гнѣва? Сотворите же плодъ достойный покаянія; и не думайте говорить въ себѣ: отецъ у насъ Авраамъ; ибо говорю вамъ, что Богъ можетъ изъ камней сихъ воздвигнуть дѣтей Аврааму“* (Матѣ. III, 7—9). — Самъ Господь І. Христосъ въ теченіи трехъ съ половиной лѣтъ ходилъ по землѣ Іудейской и словомъ и жизнью *„проповѣдывалъ Евангеліе Царствія Божія“* (Матѣ. IX, 35). И посылая свя-

¹⁾ Произнесено въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ 13 января 1913 г.

тыхъ Своихъ Апостоловъ на дѣло проповѣди Евангелія, Господь сказалъ имъ: „Ако тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу... и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцехъ“ (Лук. XXIV, 46—47). И св. св. Апостолы, послѣ проповѣди св. Евангелія, обращаясь къ тѣмъ, кто умилялся ихъ благовѣстіемъ и вопрошалъ: „Что сотворимъ?“ неизмѣнно предлагали: „Покайтесь, и да крестится кѣждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ, и примете даръ св. Духа“ (Дѣян. II, 37—38).

Очевидно, человѣчество нуждалось въ столь настойчивой проповѣди о покаяніи, какъ единственномъ условіи для вступленія въ Царство Божіе. Богоизбранный народъ Еврейскій, сбившій съ пути истины своими недостойными учителями—книжниками и фарисеями, дошелъ до крайней степени нравственнаго паденія. Забылъ онъ завѣты своихъ предковъ и ученія пророковъ о Царствѣ Мессіи. Возгордившись своимъ происхожденіемъ отъ Авраама (Іоан. VIII, 33), онъ мало обращалъ вниманія на свои грѣхи. Мечтая лишь о земномъ царствѣ Мессіи и обладаніи чрезъ Него всею міромъ, этотъ народъ заразилъ себя гордостію и лицемѣріемъ, столь отличавшими книжниковъ и фарисеевъ (Матѣ. XXIII, 5, 6 и др.).—Въ столь же печальномъ, если не въ худшемъ, состояніи нравственнаго паденія пребывали и языческіе народы. Такъ какъ они, „разумѣвши Бога, не яко Бога прославиша... и осуетишася помысленіи своими“, то они, и доиди до крайней степени извращенія всѣхъ чувствъ и потребностей, человѣческой природы и исполнились „всякия неправды, блужденія, лукавства, злобы, зависти, убійства и злоуправія“ (Рим. I, 21, 29 и др.).

Такимъ образомъ, столь „настойчивая и неизмѣнная проповѣдь покаянія какъ изъ устъ Самого Господа, І. Христа, такъ и Его пророковъ и Апостоловъ, для вступленія въ благодатное Царство Христово вызывалась состояніемъ глубокаго паденія и безотраднaго нравственнаго состоянія какъ іудеевъ, такъ и всего человѣческаго рода, особенно ко времени пришествія на землю Сына Божія.

Но „Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки“ (Евр. XIII, 8); Онъ есть „свѣтъ міру“, „путь, и истина и жизнь“ (Іоан. VIII, 12; XIV, 6); Онъ имѣеть „глаголю

вѣчной жизни" (VI, 68), и потому слова Его: „покайтесь, приблизится бо царство небесное“ (Матв. IV, 17),—„покайтесь, и вруйте во Евангеліе“ (Мар. I, 15),—имѣють вѣчное, непреходящее значеніе на всѣ времена и для всѣхъ народовъ. Призывъ къ покаянію, какъ къ первой и неизбѣжной ступени для вступленія въ благодатное Царство Христова и для пріобрѣтенія плодовъ этого Царства: „правды, мира и радости о Дусѣ Святѣ“ (Рим. XIV, 17), во всей силѣ приложимъ, бл. ел., и къ намъ—нынѣшнимъ христіанамъ. Занятыя мірскими дѣлами, погруженные въ заботы о мірскомъ благополучіи, мы, подобно древнимъ евреямъ, надѣявшимся получить отъ Мессіи одни лишь земныя блага, мало заботимся о своемъ душевномъ состояніи. Будучи возрождены въ жизнь духовную въ таинствѣ св. Крещенія, мы не стараемся воспользоваться полученными въ немъ благодатными дарами и съ своей стороны не прилагаемъ усилій къ тому, чтобы „спогребаться Христу крещеніемъ въ смерть“ и, по подобію Христа воскресшаго изъ мертвыхъ, и самимъ намъ „ходить во обновленіи жизни“ и чрезъ это „не быть уже рабами грѣху“ (Рим. VI, 4, 6).

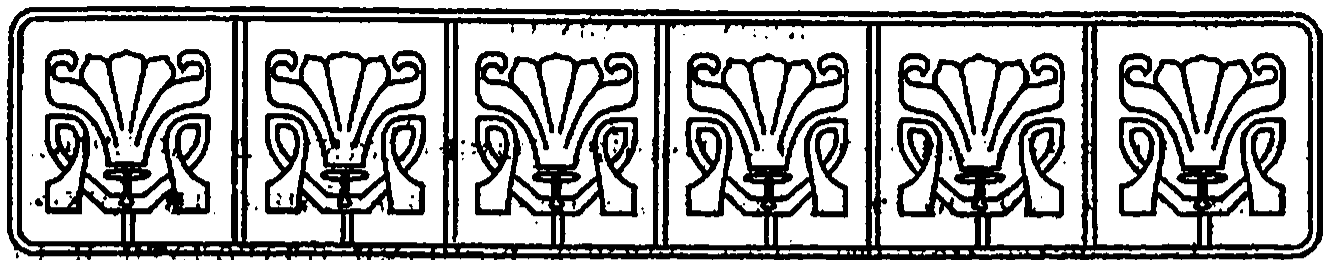
Проповѣдь о покаяніи, о необходимости „распинанія плоти со страстьми и похотьми“ (Гал. V, 24), о непрестанномъ „трезвеніи и бодрствованіи“ надъ собою (I Петр. V, 8), съ живымъ и постояннымъ сознаніемъ опасности пасть и погубить свое спасеніе (I Кор. X, 12),—такая проповѣдь христіанства для большинства людей, даже христіанскаго упованія, кажется по меньшей мѣрѣ устарѣвшею и неприложимою къ современнымъ запросамъ и условіямъ жизни. Мы, при этомъ, не имѣемъ въ виду тѣхъ, кто совершенно утратилъ завѣты Христа и стремится устроить жизнь помимо христіанскихъ началъ. Наше слово къ тѣмъ, кто въ жизненныхъ задачахъ и устояхъ „храмлетъ на обѣ плеснѣ“ (III Цар. XVIII, 21), и, не порывая въ конецъ съ христіанствомъ, силится обратить его всецѣло на службу земнымъ интересамъ и достигнуть при его помощи исключительно внѣшняго благополучія. Многие изъ такихъ христіанъ утратили истинное понятіе о Царствѣ Божіемъ, Царствѣ Христовомъ на землѣ, понимая его только въ смыслѣ обладанія наибольшею суммою внѣшнихъ благъ и устроенія земной жизни, въ смыслѣ достиженія равенства, братства и свободы на землѣ, и дошли

до того, что самое христіанство и его проповѣдь о равенствѣ и братствѣ *во Христѣ* (Гал. III, 26—28), о свободѣ *отъ грѣха и заблужденій ума* (—Гал. V, 13; Іоан. VIII, 32) понимаютъ въ смыслѣ современныхъ многочисленныхъ теорій, отождествляющихъ христіанство съ коммунизмомъ, социализмомъ и другими чисто-земными, политическими ученіями. Такимъ, и подобнымъ имъ, христіанамъ потребно напомнить, что христіанство, не исключая заботъ о внѣшнихъ формахъ земной жизни, признавая за государственными и общественными учрежденіями значеніе *условіи* къ устроенію и раскрытію Царства Божія на землѣ и—*пособниковъ* къ достиженію „*почести вышняго званія*“ (Филип. III, 14),—стремясь проникнуть и одухотворить эти учрежденія любовью, высшею правдою и вѣрою въ загробную жизнь,—предшсывая должности не только меньшихъ и подчиненныхъ въ отношеніи старшихъ и начальствующихъ (Исх. XX, 12; Рим. XIII, 1—7; Евр. XIII, 17; I Тимое. V, 1—2), но и обязанности послѣднихъ къ слабымъ, меньшимъ и подчиненнымъ (Матѣ. XVIII, 6; Ефес. VI, 4; I Петр. V, 2—3; Колос. IV, 1),—христіанство при этомъ ставитъ первую и главною цѣлю жизни „*исканіе Царства Божія и правды его*“ (Матѣ. VI, 33), т. е. живое и сердечное стремленіе христіанина *ко спасенію* и къ *оправданію* посредствомъ вѣры въ Господа Іисуса Христа и участія въ его искупительной жертвѣ (Евр. XI, 39—40; XII, 22—24; Дан. IX, 24). Посему и Царство Божіе, Царство Христово оно (христіанство) понимаетъ не какъ способъ къ устроенію: лишь внѣшнюю благоденствія въ этой земной жизни, не какъ условіе къ обладанію одними земными благами и удобствами жизни (Матѣ. VII, 13), но какъ сферу или среду, которая, обнимая всю духовно-тѣлесную жизнь христіанина отъ колыбени до могилы, содѣйствуетъ прежде всего и главнымъ образомъ его возрожденію, оправданію и спасенію (Іоан. III, 5; Мар. XVI, 16; Іоан. VI, 54; XX, 24) и преображаетъ людей изъ чадъ гнѣва и гибели въ сыновъ любви и благоволенія Отца небеснаго (Гал. IV, 6—7), ибо люди такъ согрѣшили, такую обнаружили крайнюю степень испорченности (Рим. I, 21—32) и неспособности на что-либо благое (—V, 15—20), что оказались „*всеи непотребными*“ (Псал. XIII, 3). И потому: пути и средства къ возвращенію себѣ любви и благоволенія Отца небеснаго (Гал. IV, 6—7),

къ достиженію истиннаго блага и истинной свободы (Матѣ. XI, 28—30; Іоан. VIII, 32), ко вступленію въ благодатное Царство Христово (Матѣ. XVI, 18) и къ обладанію его плодами и высокими, неземными благами (Рим. XIV, 17), а отсюда—и къ возможному устроенію своего временнаго благополучія (Матѣ. VI, 33).—заключаются всецѣло и неизбѣжно лишь въ томъ, чтобы каждому изъ насъ „облечися въ новаго челоуѣка, созданнаго по Богу въ правотѣ и въ преподобіи истинны“ (Ефсс. IV, 24),—чтобы каждому изъ насъ въ личной своей жизни претворить черствость и самолюбіе—въ любовь и милосердіе, гордость и раздражительность—въ смиреніе, самоотверженіе и терпѣніе (—ст. 25. 32), ибо пока каждый изъ насъ остается „ветхымъ челоуѣкомъ“ (—ст. 22), пока не произойдетъ въ насъ благотворнаго внутренняго перерожденія и исправленія сердца, то никакія блага міра, никакое—самое богатое и блестящее устроснѣ внѣшней, земной жизни не дадутъ намъ ни счастья на землѣ, ни тѣмъ болѣе вѣчной, блаженной жизни за гробомъ (Матѣ. XVI, 26).

Такъ, бл. сл., проповѣдь Господа нашего Іисуса Христа, Его Предтечи и св. св. Апостоловъ о покаяніи для вступленія въ благодатное Царство Христово приложима и къ намъ во всей силѣ! Великъ грѣхъ евреевъ, не внявшихъ голоосу Іоанна Крестителя и Самого Господа Іисуса и не исправившихъ /развращенныхъ путей своихъ для припятія въ /своемъ /сердца Христу; но несравненно будетъ большій грѣхъ намъ-христіанамъ, если мы, именуясь лишь христіанами, останемся глухи къ этой проповѣди о покаяніи и исправленіи /развращенныхъ /путей своихъ, —если мы, въ заботахъ лишь о мірскомъ благополучіи, разучились вникать въ /глубь своихъ сердець и искоренять изъ нихъ все нечистое и /сверное, /возбраняющее намъ /входъ въ Царство Божіе (Откр. XXI, 27), /уготовимъ же /путь для /вселенія Христа въ /сердца наши! Наполнимъ /долю нашихъ грѣховъ добродѣтелію /покаянія! Замѣнимъ /горы и холмы /гордости и /высокомѣрія /смирненіемъ, и /соананіемъ /своей /грѣховности! (Лук. III, 5)! Паче же /всего не будемъ /непечкнй, о /тѣхъ /превращать въ /пещины! (Рим. XIII, 14). Аминь. (102 — 61 — 117) — 102 — 61 — 117

Прот. Данилъ Поговъ

ГДѢ РАИ?

(О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ).

Опытно-богословское, философское изслѣдованіе вопроса.

4-го Сентября поза-прошлаго года въ г. Бѣлгородѣ открылся великій источникъ духовной жизни,—волею Божіей открылись мощи новоявленнаго угодника Божія Св. Іоасафа. Среди пустыни современнаго невѣрія и маловѣрія обильно забилъ фонтанъ благодатной силы и жизни! И потекли воды этой благодатной жизни изъ Бѣлгорода по всеѣмъ направленіямъ, неся съ собою умиротвореніе, радость, чудесныя исцѣленія. Недалеко мы живемъ отъ Бѣлгорода, несомнѣнно, волны благодати захватили и нашъ городъ. Но гдѣ-жь онѣ, эти волны? Гдѣ эта благодать, сила оживляющая, умиротворяющая, обновляющая? Я думаю, у многихъ возникаетъ этотъ вопросъ; добавлю: онѣ возникаетъ не только у насъ, живущихъ за 70-верстѣ отъ Бѣлгорода, но и у многихъ жителей самаго Бѣлгорода; бояѣе всего, я не вижу ничего невѣроятнаго въ томъ, что тотъ-же вопросъ можетъ стоять предъ сознаніемъ даже тѣхъ, которые присутствуютъ при самой ракъ святителя, которые служатъ проводниками этой благодати для другихъ. Да, и это можетъ быть! Это очень странно, но и очень обыкновенно. Я былъ на открытіи мощей св. Іоасафа и самъ наблюдалъ это явленіе: я видѣлъ лицъ, которыя горѣли огнемъ религіознаго восторга, радости и умищенія, находясь за югравой храма, и видѣлъ холодъ, виѣшій только интересъ и утомленіе на многихъ изъ тѣхъ, которые тѣнились около самой гробницы святителя. Таковъ законъ духовной жизни; здѣсь подобное воспринимается подобнымъ; здѣсь не существуетъ преградъ виѣш-

нихъ, препятствій отъ разстоянія, равно какъ и внѣшняя близость сама по себѣ вовсе не ведетъ къ близости духовной. Человѣкъ можетъ быть залитъ волнами благодати и не замѣчать ея, если у него закрыта, не развита та сторона его существа, которою онъ можетъ воспринимать прикосновеніе жизни духовной.

Въ этомъ причина того, что чудесное многими считается невѣроятнымъ и отвергается съ предвзятой точки зрѣнія; въ этомъ причина того, что о многочисленныхъ чудесахъ, совершающихся отъ мощей св. Іоасафа, совершенно ничего не говорить, тенденціозно замалчиваетъ извѣстная часть прессы, какъ будто-бы ихъ и нѣтъ совсѣмъ. Съ одной стороны факты устанавливаемые съ соблюденіемъ всѣхъ условій, самой придирчивой критики, съ другой стороны апріорное отрицаніе этихъ фактовъ! Такъ было во времена Іисуса Христа, такъ бываетъ и доннѣ: здѣсь не тенденція только и пріемъ враждебной церкви агитаціи, а и показатель основной природы духовныхъ явленій; они не могутъ быть восприняты, ихъ нѣтъ для тѣхъ, у кого нѣтъ соответствующихъ органовъ для ихъ воспріятія. „Душевный человѣкъ, говоритъ объ этомъ Апостоль, не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть; потому что о семъ надобно судить духовно“ (1 Кор. 2, — 14).

Обращу ваше вниманіе и на другое обстоятельство. — Обращали-ли вы, вниманіе на то, что когда вы чѣмъ-либо съ интересомъ занимаетесь, то то, что нужно вамъ какъ-то попадаетъ подъ руки, какъ-бы, само собою, что вѣрующему попадаетъ подъ руки повѣсти о чудесахъ и вѣрѣ, а невѣрующему болѣе то, что враждебно вѣрѣ?

Здѣсь тотъ-же законъ: подобное воспринимается подобнымъ и *привлекаетъ* подобное, здѣсь то, о чемъ сказалъ Іисусъ Христосъ; кто имѣетъ, тому дано будетъ и приумножится, а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что имѣетъ“ (Мат., 13, — 12).

Но въ чемъ-же однако дѣло? Что такое духовная жизнь? Въ чемъ ея сущность и какова ея природа? Что это за міръ опытно, *ощутительно познаваемый* одними и *недоступный* *познаю* другихъ? Обелѣдуемъ вопросъ о духовной жизни обстоятельнѣе.

Часть 1-я практическая.

Факты духовной жизни (переживанія) и свидѣтельства о ней. Духовная жизнь—жизнь во Христѣ.

Міръ гораздо сложнѣе, чѣмъ думаетъ естествознаніе и человѣкъ гораздо загадочнѣе, чѣмъ полагаетъ физиологія и „научная“ психологія. За внѣшнюю видимостью всегда скрывается внутреннее, невидимое; за міромъ фактовъ и явленій скрывается міръ идей. Идеи—души предметовъ, первообразы образовъ, сущности явленій и не трудно замѣтить, что онѣ именно живутъ и движутся, а формы имъ только повинуются.— Вы сидѣли на мѣстѣ, а потомъ встали и пошли, почему?— Потому что у васъ явилась мысль, идея, которая подняла ваше тѣло и повлекла его туда, куда захотѣла. И такъ во всемъ.—Вотъ растеніе поднимающееся изъ земли;—что это значитъ, что оно растетъ, всегда закономѣрно, цѣлесообразно, какъ, говоритъ Библия, всегда „по роду своему“? Что это?— Это опять разумная идея развивающая свою земную форму въ условіяхъ пространства и времени. Предъ вами неодушевленный предметъ, — лампа, чернильница, что угодно; и ихъ форма непремѣнно цѣлесообразна и въ нихъ вы увидите непремѣнно идею, реализованную во-внѣ. И замѣтите: вещи исчезаютъ, разрушаются, а идеи—нѣтъ,—чернильница можетъ разбиться, но душа ея—мысль о чернильницѣ чрезъ это не уничтожится, а возродится вновь, въ новой формѣ. Травка, какъ форма засохнетъ, но та жизнь, идея, которая развивалась въ ней, не засохнетъ, а проявится вновь, въ новой формѣ.

Формы, явленія, разрушаются, исчезаютъ, но не разрушаются идеи, души! Дѣйствительно то, что невидимо, ибо видимое есть только временная форма невидимаго!.. .)

Но это только притворъ того храма, въ который хочу ввести я васъ; за нимъ будетъ еще средній храмъ и святое святыхъ.—За царствомъ разума, несознающаго себя, разли- таго въ мірѣ, начинаются царство разума въ собственномъ смыслѣ, сознательнаго; а за этимъ царствомъ—тайнственная область *духа, жизни духовной*. Моя задача, по мѣрѣ силъ, освѣтить предъ вами именно эту послѣднюю.

Кто хочетъ понять меня, того приглашаю войти внутрь

себя, въ глубочайшій центръ своей личности, туда, гдѣ корни нашего бытія, гдѣ совершается величайшее таинство нашего рожденія отъ Бога и Богообщенія.

Господа! Это величайшее сокровище, это святое святыхъ есть у каждаго изъ насъ, хотя и не каждый бываетъ въ немъ часто, а иной, быть можетъ, даже и никогда не бываетъ. Войдите-же въ него съ благоговѣніемъ, такъ, какъ ветхозавѣтный первосвященникъ входилъ во Святое Святыхъ скинии.

Но такъ какъ видѣть эту таинственную область можно только просвѣщенными очами сердца (Ефес. I,—18), а наши сердца грязны, то поступаемъ тѣхъ, которые имѣли чистыя сердца и созерцали эту таинственную область *опытно, оцущительно*.

„Живу уже не я, и живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. 2,—20), говоритъ о себѣ Св. Ап. Павелъ. Вотъ, *ощущеніе* Апостола въ моментъ вступленія его таинственную область духовной жизни! Что-же это значитъ? „Я умеръ“; изъясняетъ это мѣсто еп. Теофанъ,¹⁾ „но не съ тѣмъ, чтобы мертво быть, а чтобы жить иною жизнью, совершеннѣйшею. Я сораспялся Христу; и Христосъ, живой и въ распятіи, *жизнью Своею меня исполнилъ, оталъ жить во мнѣ*. Теперь уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ. Это не нравственно только, въ томъ смыслѣ, что я Ему всецѣло преданъ и все Ему посвящаю—и мысли, и чувства, и дѣла, и слова, внѣшнее все мое, какъ и внутреннее; такъ что меня будто нѣтъ, а есть только Онъ во мнѣ, и угождать Ему единственная моя забота; но и самымъ дѣломъ, существенно Онъ во мнѣ“²⁾. И такъ бываетъ не съ Апостоломъ только, но можетъ быть и со всякимъ Христіаниномъ, овладѣвшимъ этимъ дѣломъ жизни.

„Да дастъ вамъ“ (Отецъ Господа Іисуса Христа) „вселитися Христу въ сердце ваше“ (Ефес. 3,—16—17), высказываетъ свое пожеланіе Апостолъ Христіанамъ Ефеса.

И мы понимаемъ, что оно такъ и быть должно, когда вспомнимъ обѣщаніе Господа: „любяи Мя“, „скавалъ Онъ; „возлюбленъ будетъ Отецъ Мой, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ“ (Іоанн. 14, 21). Господу являюся, и явлюся Ему.

„Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдеть, и Отецъ“

¹⁾ См. у Новоселова: „Забитый путь“, с. 43.

Моїи возлюбить его, и къ нему придемъ и обитель у него сотворимъ“ (Іоан. 14,—23). „Когда векоренитесь въ васъ любовь, тогда проявится въ васъ полнота вселенія Христови.—(Онъ исполнитъ васъ, какъ огонь преисполняетъ желѣзо. И все узримъ живущаго въ насъ Христа. — Этого желаю вамъ; объ этомъ, преклоняя колѣна, молюсь къ Отцу Небесному“¹⁾). Такъ излагаетъ мысль Евангелиста еп. Теофанъ.

Вспомнимъ съ какою жаждою искалъ этого зрѣнія лица Божія Моисей: „аще обрѣтохъ благодать предъ Тобою, молился онъ Богу, „яви ми Тебе самого, да разумно вижду Тя“ (Исх. 33,—13). Съ какимъ страхомъ взывалъ къ Господу Пророкъ Давидъ: „не отвержи мене отъ лица Твоего“ (Пс. 50,—13), зная, что „удаляющіе себе отъ Него погибнутъ“ (Пс. 77,—27), Съ какимъ желаніемъ устремлялся онъ всегда къ Богу: „возжада душа моя къ Богу“ (Пс. 62,—2); „имъ-же образомъ жаждетъ елень на источники водныя, сиче жаждетъ душа моя къ Тебѣ, Боже“ (Пс. 11,—2). Съ какою тѣплотою упоковивался въ Немъ единомъ: „мнѣ-же прильнятися Богови благо есть“ (Пс. 72,—28).

„Но не въ этомъ одномъ устремленіи всѣхъ желаній къ Богу—наше благо“, говоритъ по этому поводу еп. Теофанъ „Жажда безъ утоленія, алчба безъ насыщенія, потребность безъ удовлетворенія есть скорбь, болѣзнь, мученіе. Ища Бога, мы хотимъ обрѣсти Его, хотимъ обладать Имъ и быть обладаемыми) отъ Него, пріискренно пріобщитъя Его, быть въ Немъ и Его шить въ себя. Въ этомъ-то живомъ, внутреннемъ, непосредственномъ общеніи Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ и есть его послѣдняя цѣль“... „Но не подумалъ-бы кто, что, когда Богообщеніе поставляется послѣднею цѣлію человѣка, то человѣкъ сподобится его послѣ, въ концѣ, напр. всѣхъ трудовъ своихъ. Нѣтъ, рѣшительно заявляетъ еп. Теофанъ, оно должно быть вседашнимъ, непрерывнымъ состояніемъ человѣка, такъ что, коль скоро нтъ общенія съ Богомъ, коль скоро оно не ощущается, человѣкъ долженъ сознаться, что стоитъ внъ своей цѣли и своего назначенія. Состояніе, въ которомъ человѣкъ сознаетъ, что Богъ истинный есть его Богъ, и самъ онъ есть Божій, т. е. говоритъ въ сердцѣ своемъ Богу: Господь мой и Богъ мой (Іоан. 20,—28),

¹⁾ См. у Новоселова: „Забытый путь“, с. 44.

какъ апостолъ Фома, и къ себѣ: Божій есмь, Божій есмь (Ис. 44,—5)—такое состояніе, есть *единое истинное* состояніе человѣка, есть *единый рѣшительный* признакъ присутствія въ немъ начала истинно-нравственной и духовной жизни“ 1).

Ту же мысль Апостолъ выражаетъ въ такихъ словахъ: „испытайте самихъ себя, въ вѣрѣ-ли вы? Самихъ себя испытывайте. Или не знаете самихъ себя, что *Иисусъ Христосъ въ васъ?* Развѣ только вы не то, чѣмъ должны быть“ (2 кор. 13—5).

Итакъ, вотъ что такое духовная жизнь въ ея существѣ: это—внутреннее, таинственное *ощущеніе Господа Иисуса Христа въ сердце* человѣка, это *вселеніе Бога въ* человѣка и чрезъ это *обоженіе* человѣка, какъ прямо называетъ это состояніе, напр. Св. Григорій Богословъ 2).

Итакъ, я не сказалъ ничего лишняго, когда назвалъ духовную жизнь святымъ святыхъ въ человѣкѣ.

1. Что-же происходитъ въ душѣ человѣка при вселеніи въ нее Господа, что она чувствуетъ, какъ живетъ?

Отъ свидѣтельства слова Божія перейдемъ теперь къ повѣсти, лицъ, имѣвшихъ духовный опытъ въ этомъ отношеніи.

Начнемъ съ описанія состоянія, такъ называемаго, „обращенія“, когда человѣкъ въ первый разъ входитъ въ опытное познаніе Господа, и видитъ открытымъ предъ собою новый, до сихъ поръ ему невѣдомый міръ. Беру примѣръ изъ книги В. Джемса: „Многообразіе религіознаго опыта“ 3). Рѣчь идетъ объ обращеніи въ католичество одного атеиста, французскаго еврея, Альфонса Ратисбонна, въ Римѣ въ 1842 году. „Если-бы, за нѣсколько минутъ до моего обращенія, говорилъ упомянутый еврей, кто-нибудь сказалъ мнѣ: „Альфонсъ, черезъ четверть часа ты увидишь въ Иисуса Христа, какъ въ твоего Господа и Спасителя; ты падешь ницъ предъ алтаремъ твоей церкви и положишь ногу католическаго священника на свою грудь... откажешься отъ міра, отъ всего прелестей и наслажденій; откажешься отъ карьеры, отъ надеждъ, отъ любимой не-вѣсты, если это будетъ нужно; отъ семьи отъ близкихъ

1) См. у Новоселова *ibidem.* с. 45—47.

2) См. у Новоселова *ibidem.* с. 47.

3) См. с. 211—18.

друзей, отъ привязанности къ еврейскому народу: у тебя не будетъ другихъ желаній, кромѣ жажды слѣдовать за Христомъ и нести его крестъ до смерти“; если-бы говорю я, какой-нибудь пророкъ пришелъ ко мнѣ съ такимъ предсказаніемъ, я бы подумалъ, что безуміе его можетъ быть только тотъ, кто повѣрилъ-бы его безмысленному пророчеству. Однако теперь это безуміе—моя единственная мудрость, моя единственная радость.

Выходя изъ кофейни, я встрѣтилъ коляску г. Б. (того самаго, который уговаривалъ его креститься). Онъ остановилъ экипажъ и предложилъ мнѣ проѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но попросилъ подождать, пока онъ выслушаетъ службу въ церкви san Andrea delle Fratte. Вмѣсто того, чтобы ожидать въ экипажѣ, я вошелъ въ церковь съ цѣлью осмотрѣть ее. Она оказалась бѣдной, маленькой и почти пустой; кажется, что кромѣ меня въ ней никого не было. Ни одно произведеніе искусства не привлекло моего вниманія, ни одна мысль не шевелилась во мнѣ, и я равнодушно оглядывалъ внутренность церкви. Мнѣ помнится теперь только какая-то черная собака, вертѣвшаяся предо мною, пока я былъ въ этомъ полузабытій. Но вдругъ собака пропала, *исчезла вся церковь и я больше не видѣлъ ничего...* вѣрнѣе я видѣлъ только одно.

„Господи! какъ смѣю я говорить объ этомъ! Человѣчскія слова не могутъ выразить невыразимаго. Всякое описаніе, какъ-бы возвышенно оно ни было, можетъ лишь оскорбить невыразимую истину.

„Я лежалъ ницъ на землѣ, обливаясь слезами, и сердце мое трепетно билось, когда Б. вновь вызвалъ меня къ жизни. Я не былъ въ состояніи отвѣчать на вопросы, которыми онъ осыпалъ меня. Наконецъ я нашелъ въ себѣ силы взять медальонъ, висѣвшій у меня на груди, и поцѣловать изображенный на немъ образъ сіяющей благодатію Богородицы, вложивъ въ этотъ поцѣлуй всю мою душу. О, это была Она! (Видѣніе, представшее ему въ церкви въ минуту обращенія, былъ образъ Богородицы).

„Я не зналъ, гдѣ я нахожусь, не зналъ, Альфонсъ-ли я, или другой человѣкъ. Я зналъ только, что я измѣнился, и чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Я искалъ себя въ себѣ, и не находилъ. *Въ глубинѣ души я ощущалъ величайшую*

*радость; я не былъ въ состояніи говорить, и даже не хотѣлъ
выяснить себѣ, что произошло со мной. Но я почувствовалъ
въ себѣ торжественный и святой голосъ, велѣвшій мнѣ при-
знать священника. Меня подвели къ нему, и только послѣ
прямого приказа съ его стороны, я смогъ кое-какъ говорить,
преклонивъ колѣна и съ трепетомъ въ сердцѣ. Я не могъ
дать себѣ отчета въ той правдѣ, познание которой я обрѣлъ
и въ которую вѣрилъ. Я знаю только, что въ одно мгновеніе
мелена спала съ моихъ глазъ, и не одна мелена, а цѣлое множество
ихъ, которыя закрывали отъ меня свѣтъ. Я какъ-бы вышелъ
изъ гробницы, изъ бездны тьмы, живымъ и невредимымъ.
Но я плакалъ, ибо на днѣ пронасти видѣлъ то жалкое со-
стояніе, отъ котораго меня спасло безграничное милосердіе
Бога... Произшедшую во мнѣ перемѣну могу уподобить только
пробужденію отъ глубокаго сна и себя могу сравнить съ слѣпо-
рожденнымъ, глаза котораго открылись и узрѣли Божій день.
Онъ видитъ, но не понимаетъ свѣта, который ослѣпляетъ его
и благодаря которому онъ видитъ предметы, вызывающіе его
изумленіе. Если мы не умѣемъ объяснить физическій свѣтъ,
то какъ можемъ мы объяснить тотъ свѣтъ, который есть сама
истина? И я думаю, что не погрѣшу противъ правды, если
скажу, что не обладая знаніемъ буквы религіознаго ученья,
я теперь инстинктивно постигаю его смыслъ и духъ. Я вѣрю, что
эти истины должны оставаться подъ завѣсой тайны и для
меня лучше не видѣть ихъ лицомъ къ лицу, Но я чувствую
ихъ по тѣмъ необъяснимымъ дѣйствіямъ, которыя онъ произво-
дятъ во мнѣ... Я выражаюсь плохо и неясно. Но захочешь-ли
Ты, Боже, чтобы я передавалъ бѣдными и нечестивыми сло-
вами тѣ чувства, которыя могутъ быть поняты только
сердцемъ?»*

Другой рассказъ ¹⁾).

„Душевный подъемъ во мнѣ былъ такъ силенъ, что я
бросился въ уединенную комнату, чтобы помолиться. Въ
этой комнатѣ не было огня, и свѣтъ не проникалъ въ нее;
тѣмъ не менѣе она показалась мнѣ ярко освѣщенной. Я за-
крылъ дверь за собой; мнѣ показалось, что я встрѣтился ли-
цомъ къ лицу съ Господомъ Иисусомъ Христомъ. Ни тогда, ни
позже мнѣ не приходило въ голову, что это только обман-

¹⁾ Джемсъ, *ibidem* с. 241—2.

чивое видѣніе. Наоборотъ, мнѣ казалось, что я Его видѣлъ такъ-же, какъ и всякаго другого человѣка. Онъ не говорилъ ничего, но такъ смотрѣлъ на меня, что я повергся къ Его ногамъ. Мое состояніе казалось мнѣ чудомъ, такъ какъ я былъ убѣжденъ, что Онъ дѣйствительно стоитъ предо мной, и что я дѣйствительно палъ къ Его ногамъ и открылъ предъ Нимъ мою душу. Я плакалъ громко, какъ ребенокъ, и исповѣдывалъ предъ Нимъ мои грѣхи, насколько позволялъ мнѣ это мой сдавленный волненіемъ голосъ. Мнѣ казалось, что я обливалъ Его ноги слезами, хотя я не могу припомнить впечатлѣнія отъ прикосновенія къ Нему... Когда я успокоился и овладѣлъ собой, я вернулся въ контору, гдѣ увидѣлъ, что толстыя полѣнья дровъ положенныя мною предъ моимъ уходомъ въ огонь, уже почти совсѣмъ сгорѣли. Въ ту минуту, когда я повернулся, чтобы сѣсть противъ огня, я получилъ крещеніе Духомъ Святымъ. И хотя у меня не было ни малѣйшаго представленія о томъ, что это можетъ случиться, никакого воспоминанія о подобномъ случаѣ, происшедшемъ съ кѣмъ-бы то ни-было, Духъ Святой спускаясь на меня и овладѣлъ моею душой и тѣломъ. У меня было ясное ощущеніе, какъ-бы электрической, волны пробѣжавшей по всему моему существу. Волны любви затопляли меня одна за другой,— не умѣю иначе выразить того чувства. Мнѣ казалось, что это дыханіе Самого Бога. Ясно вспоминаю вѣяніе незримыхъ крыльевъ надо мною. Никакія слава не могли-бы выразить ни съ чѣмъ несравнимую любовь, вливающуюся въ мое сердце. Я громко плакалъ отъ радости и любви. Волны набѣгали на меня, одна за другой, одна другой выше, пока я наконецъ воскликнулъ—я помню это: „Я умру, если эти волны не перестанутъ набѣгать на меня!“ И я сказалъ: „Господи, я не могу больше вынести этого“. Но ни малѣйшаго страха смерти у меня не было“.

Обыкновенно, слѣдствіемъ обновленія внутренняго міра бываетъ преображеніе и всего внѣшняго міра.

„Я вспоминаю, описываетъ наприимѣръ, это состояніе одинъ англичанинъ, что все казалось мнѣ новымъ, люди, поля, стада, деревья. Я былъ какъ-бы новый человѣкъ въ новомъ мірѣ 1)“. „О, какой переворотъ произвело это во мнѣ!—

1) Джемсъ, *ibidem*. с. 236.

восклицаетъ другой. Все стало новымъ: мои лошади, свиньи, все люди, все преобразилось“¹⁾).

Приведенные примѣры, конечно, рѣдки и исключительны, они говорятъ о maximum'ѣ того, въ чемъ проявляется духовная жизнь, поэтому опытно для насъ непонятны: чего не переживаешь, того не поймешь. Такъ непонятно для насъ чудесное перерожденіе ревностнаго фарисея Савла въ пламеннаго Ап. Павла; такъ непонятно состояніе самаго Ап. Павла, когда онъ былъ, по его словамъ, восхищенъ въ рай и слышалъ слова непередаваемые языкомъ человѣческимъ (2 Кор. 12—4)! Послушаемъ теперь человѣка поближе къ намъ, простаго, лишь грамотнаго странника, причастившагося жизни духовной.

— „Вотъ теперь такъ и хожу, да безпрестанно творю Іисусову молитву, которая мнѣ драгоцѣннѣе и слаще всего на свѣтѣ... Нѣтъ у меня ни о чемъ заботы, ничто меня не занимаетъ, ни на что бы суетливое не глядѣлъ, и былъ-бы все одинъ въ уединеніи; только по привычкѣ одного и хочется, чтобы безпрестанно творить молитву, и когда ею занимаюсь, то мнѣ бываетъ очень весело. Богъ знаетъ, что такое со мною дѣлается... Въ сіе время читалъ я мою Библию и чувствовалъ, что началъ понимать ее яснѣе, не такъ, какъ прежде, когда весьма многое казалось мнѣ непонятнымъ, и я часто встрѣчалъ недоумѣніе... Я сталъ отчасти понимать сокровенный смыслъ Слова Божія: мнѣ начало открываться, что такое „внутренній потаенный сердца человѣкъ“, что „царствіе внутри васъ“, что „неизреченное ходатайство совоздыхающаго Духа Святаго“, что „будите во Мнѣ“, что „даждь ми Твое сердце“, что значить „облецися во Христа“, что значить „обрученіе Духа въ сердцахъ нашихъ“ и проч. Когда при семъ я началъ молиться сердцемъ, все окружающее меня представилось мнѣ въ восхитительномъ видѣ: деревья, травы, птицы, земля, воздухъ, свѣтъ, все какъ будто говорило мнѣ, что существуетъ для человѣка, свидѣтельствуетъ любовь Божию къ человѣку, и все молится, все воспѣваетъ славу Богу. И я понялъ изъ сего, что называется въ „Добротолубіи“ „видѣніемъ словесъ твари“ и увидѣлъ способъ, по которому можно разговаривать съ твореніями Божиими.“

1) Ibidem. с. 238.

Я также *опытно* узналъ, что значить рай, и какимъ образомъ развергается Царствіе Божіе внутри сердець нашихъ... Молитва сердца столько меня улаждала, что я не полагалъ, *есть-ли кто счастливѣе меня на землѣ, и недоумывалъ, какое можетъ быть большее и лучшее наслажденіе въ царствіи небесномъ.* Все влекло меня къ любви и благодаренію Бога... все было мнѣ, какъ родное, на всемъ я находилъ изображеніе имени Іисуса Христа“¹⁾.

Но и эти переживанія слишкомъ возвыщены, чтобы понять ихъ *ощутительно*. Спустимся еще на ступень ниже.

„Мои до-христіанскія воззрѣнія слишкомъ тебѣ извѣстны“ пишетъ другу образованный человѣкъ, бывшій революціонеръ, пришедшій чрезъ толстовство къ Церкви,— „напомню лишь о нашей теоріи самоспасенія... радикально измѣнить себя, уничтожить въ себѣ эгоистическіе навыки, ставшіе второй природой, полагалъ я, дѣло возможное: стоитъ только протереть „стекла фонаря“, и свѣтъ, заключенный въ немъ, польется на все окружающее“. Но не смотря на протираніе стеколъ своего „фонаря“ я радикальной перемѣны въ сердцѣ своемъ не чувствовалъ и смутно сознавалъ, что *an Fond* оно по прежнему остается „каменнымъ“. Сознаніе своей „ветхости“ жестоко мучило меня, а выхода изъ этого „тушара угла“ я не находилъ. Но вотъ разъ, когда я углубился въ самого себя, *точно молнія прорыла мое сознаніе, и я увидѣлъ, что зла сама моя природа въ основаніи, зла моя духовная область, лежащая за предѣлами моего сознанія. Само—исправленіе, стало быть, дѣло невозможное, равно какъ и само—спасеніе: изъ зла добра не выведешь...* Мнѣ стало ясно, что мои злыя влеченія, мысли, дѣла свѣдѣтельствуютъ лишь о характерѣ источника, изъ которыхъ они истекаютъ... Такъ вотъ почему, шепталъ я, она, эта искра, несмотря на всѣ мои усилія, не возгоралась въ душѣ моей! Такъ вотъ откуда это самочувствіе Каина, приносящаго жертвы, но неприемлемыя Богомъ!“ И всѣ мои внѣшнія добродѣтели представились мнѣ но болѣе, какъ жалкими пустяками, какъ богопротивнымъ лицедѣйствомъ... Это *открытие*, въ его цѣломъ, потрясло мою душу до основанія. Я чувствовалъ, что не только топчусь на одномъ мѣстѣ, но что я погибаю... Что-же это такое, и что такое я наконецъ?

¹⁾ См. у Новоселова: „Забытый путь“, с. 31—34.

И я самоопредѣлился такъ: „Ты“, отвѣчалъ мнѣ мой внутренній голосъ, „стоишь, драпирующійся въ дырявую мантию своихъ самодѣльныхъ добродѣтелей; ты-полубуддистъ, полудухантенстъ, насильственно приплетшій къ свему міросозерцанію заповѣди Христа; но главное, ты—кающійся интеллигентъ но, въ безуміи своемъ, кающійся не передъ Богомъ спасающимъ, а передъ народомъ, этими голодными и холодными, которые такъ-же не могутъ отпустить тебѣ твоихъ грѣховъ, какъ не властенъ ты самъ измѣнить свое злое настроеніе на доброе; словомъ, ты *христіанинъ безъ Христа!*“

За симъ, какъ я увѣровалъ въ Воскресшаго, ты знаешь: напомню только, что *въ тотъ моментъ, когда я почувствовалъ прикосновеніе въ сердцѣ моемъ, я сразу узналъ (ибо больше реального я ничего не испытывалъ въ жизни), что это Онъ. Господь мой воскресшій.* Это было впервые, что я называлъ Иисуса Христа *Господомъ* и, не переставая называть Его этимъ именемъ, я чувствовалъ въ томъ неизъяснимую сладость. Хотя разумъ мой и долго буйствовалъ противъ сей истины, но, имѣя въ центръ своего существа несокрушимую опору въ Воскресшаго, мнѣ уже не трудно было и разумъ привести въ послушаніе вѣрѣ¹⁾.

Это—уже ближе къ намъ, если не по живому ощущенію Господа, о которомъ говоритъ авторъ вышеприведеннаго письма, то по той дырявой мантии самодѣльныхъ добродѣтелей, въ которую обычно драпируются всѣ, полагающіе центръ своего бытія въ себя самомъ. Да узнаютъ они отсюда, что не всякая добродѣтель оправдываетъ и не всякая жертва приемлетъ Богомъ; что дымъ молитвъ нашихъ не всегда поднимается къ небу, а иногда и стелется по землѣ; что Спаситель нашъ Христосъ и только Онъ одинъ и поэтому все спасительно только тогда, когда идетъ къ Нему и чрезъ Него! Въ-же общенія съ Нимъ мы—проклятыя смоковницы и вся наша нравственная красота—только сухія листья, которые тѣмъ болѣе шумятъ отъ вѣтра жизни, чѣмъ они сухи; но они непременно упадутъ на землю, чтобы возвратиться въ то-же ничтожество, изъ котораго они возникли!..

Нѣтъ зрѣлища болѣе трагичнаго, какъ *христіанинъ безъ Христа!*..

¹⁾ Новоселовъ, *ibid.* с. 98—41.

Обращу ваше вниманіе еще на одну повѣсть духовнаго рожденія.

„Христось воскрес, дорогой“... пишетъ дѣвушка, учительница, дочь шестидесятника, воспитанная въ традиціяхъ эпохи реформъ. „Я членъ церкви Христовой, мнѣ прощены мои грѣхи, и я причастилась Св. Таинъ. Я поражена и уничтожена всепрощеніемъ Божиимъ. Простили, потому что *тыиъ больше муки въ моей душѣ. И солнце, и небо, весна и природа, все для меня, какъ и для другихъ; любовь родныхъ, близкихъ и дѣтей (моихъ ученицъ), все вернулось ко мнѣ. За что такая милость Божія? И я еще смѣла не прощать грѣхи другимъ, когда сама хуже всѣхъ, а Богъ мнѣ все простилъ“.*

Упомянувъ о волненіи, вызванномъ исповѣдью, дѣвушка продолжаетъ: „Причастіе Св. Таинъ успокоило меня... *Я почувствовала себя въ общеніи съ Богомъ моимъ Іисусомъ Христомъ. Я теперь вѣрю, что Онъ взялъ на Себя грѣхи міра, что Онъ приходилъ на землю и былъ распятъ за насъ всѣхъ и за меня, и искупилъ все прошедшіе и будущіе грѣхи людей“.* „Чудны дѣла Твоя, Господи!“ радостно восклицаетъ крещенная въ дѣтствѣ, но только черезъ 25 лѣтъ узрѣвшая Свѣтъ Христовъ, *рожденная отъ Духа*, наставница юношества. „Да будетъ благословенно имя Господне отъ нынѣ и до вѣка!“¹⁾

Здѣсь рѣзче оттънено то, что само собою очевидно во всѣхъ вышеприведенныхъ описаніяхъ внутреннихъ переживаній, именно то, что можно быть крещенымъ, жить христіаниномъ и *не быть рожденнымъ духовно*, т. е. не ощущать духовной жизни и не понимать ея.

Позднѣе мы съ любовью остановимся на вопросѣ о томъ, что происходитъ съ человѣкомъ въ крещеніи и чѣмъ отличается *рожденіе отъ воды и Духа* и въ этомъ таинствѣ отъ вышеописаннаго рожденія духовнаго, а теперь перейдемъ къ ученію о духовной жизни, содержащемуся въ твореніяхъ Св. Отцовъ и учителей Церкви, и въ трудахъ епископа Феофана и о. Іоанна Сергіева-Кронштадскаго.

„Одно дѣло“, говоритъ Климентъ Александрійскій, „что пріобрѣтено упражненіемъ и ученіемъ, и иное, что *воспринято чрезъ откровеніе вѣрою. Только послѣдній путь ведетъ къ*

¹⁾ Новоселовъ, *ibid.* с. 41—42.

познанію Божественной Истины, и она очень близка отъ насъ, даже въ нашихъ жилищахъ, какъ свидѣтельствуеть Боговидецъ Моисей“.

„Научаетъ насъ“, утверждаетъ бл. Августинъ, „внутренній Учитель, научаетъ Христось, божественное вдохновеніе; гдѣ нѣтъ этого вдохновенія и внутренняго просвѣщенія, тамъ тщетно дѣйствіе словъ извнѣ“.

И если Духа Божія нѣтъ *въ сердцѣ* слушателя“, подтверждаетъ также Григорій Богословъ, „то напрасны разсужденія учителя, ибо, если Тотъ, Кто научаетъ, не находится *внутри*, то языкъ учителя, который внѣ, трудится *по-напрасну*“. „Потому что“, заключаетъ бл. Иеронимъ, „законъ духовенъ, и нужно *откровеніе*, чтобы понимать его“.

„Кто слышитъ только внѣшній и плотскій голосъ“, поучаетъ Св. Левъ Великій, „тотъ слышитъ тварь; Богъ-же есть Духъ, и Его можно слышать *только чрезъ Духа*. Такъ и Иисуса никто не можетъ назвать Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ“.

„Лучшее и вѣрнѣйшее познаніе Бога не то“, говоритъ Оригенъ, „которое выработано усиліями разсудка и выпотѣніемъ мозга, но то, которое *возгорается отъ небеснаго огня въ сердцахъ нашихъ и вноситъ въ душу божественный свѣтъ* болѣе ясный и убѣдительный, чѣмъ всѣ разсудочныя доказательства. Въ этомъ-то и состоитъ познаніе Истины, какъ она пребываетъ во Христѣ Иисусѣ,—въ томъ сладостномъ, кроткомъ, смиренномъ и любящемъ *духъ* Иисуса, который, какъ утреннее солнце, сіяетъ на злыя и благія“.

„Искать-же боговѣдѣнія лишь въ книгахъ и писаніяхъ, значить“, по словамъ бл. Августина, „искать живого между мертвыми *Intra te quaere Deum!* Онъ лучше всего распознается, такъ сказать, духовнымъ осязаніемъ. Мы должны стремиться *видѣть* Его своими глазами, *слышать* своими ушами, и наши руки должны *осязать* Слово жизни. Вѣдь душа наша, какъ и тѣло, имѣетъ свое чувство: *вкусите и видите*, какъ благъ Господь“!

Св. Исаакъ Сиринъ, различая вѣру теоритическую, догматическую отъ вѣры, какъ *ощущенія Бога въ сердцѣ*, говоритъ о послѣдней: „вѣра сія обнаруживается *не въ приращеніи слуха ушей, но въ духовныхъ очахъ*, которыя видятъ *сокрытыя въ душѣ тайны*, невидимое и божественное богатство,

«окровенное для очей сыновъ плоти, и открываемое Духомъ питающимся съ трапезы Христовой».

„Когда Богъ усмотритъ въ тебѣ сію волю“, продолжаетъ онъ-же, „что со всею чистотою мыслей довѣрился ты самому Богу болѣе, нежели тебѣ самому, тогда вселится въ тебя оная невѣдомая сила, и *ощутительно почувствуешь*, что съ тобою несомнѣнно сила, та сила, которую ощутивъ въ себѣ, многіе идутъ въ огонь, и не боятся, и ходя по водамъ, не колеблются въ помыслѣ своемъ опасеніемъ потонуть“.

„Что такое вѣдѣніе“? вопрошаетъ Св. Исаакъ. И даетъ отвѣтъ: „*Ощущеніе безсмертной жизни*“. Что такое безсмертная жизнь? „*Ощущеніе въ Богѣ*“.

Есть вѣдѣніе душевное (научное знаніе) и есть *въдѣніе духовное*. Душевное вѣдѣніе не только не даетъ духовнаго, но и препятствуетъ зарожденію послѣдняго. И если нѣкоторые желаютъ приблизиться къ оному духовному вѣдѣнію, то пока не отрекутся отъ сего душевнаго и отъ всякихъ изворотовъ его тонкости, и многосложныхъ его способовъ и не поставятъ себя въ *младенческій* образъ мыслей, *доколь не возмогутъ приблизиться, хотя мало къ вѣдѣнію духовному*. Напротивъ того, великимъ препятствіемъ бывають для нѣкъ *навыкъ и понятія душевнаго въдѣнія*, пока не изгладятъ сего мало по малу. Оное духовное вѣдѣніе просто и не просіяваетъ въ помыслахъ душевныхъ. Пока разумъ не освободится отъ помысловъ многихъ (неразрывныхъ съ душевнымъ вѣдѣніемъ) и не придетъ въ *единую простоту чистоты*, доколь не возможетъ *ощутить духовнаго въдѣнія*... „О царствіи небесномъ говорятъ, что оно есть духовное созерцаніе. И обрѣтается оно *не дѣлами помысловъ* (т. е. не усиліями разума), но можетъ быть *вкушаемо по благодати*“... „Обученіе и вѣдѣніе *при страстяхъ* не приносятъ пользы... Если-же отытты будутъ отъ души страсти, то *умъ просвѣщается* и *поставляется на первомъ мѣстѣ естества* и *не имѣетъ нужды въ вопросахъ*, потому что ясно видитъ *блага обрѣтаемыя на своемъ мѣстѣ*. Ибо какъ внѣшнія наши чувства не влѣдствіе обученія и вопросовъ ощущають соприкосновенныя имъ естества и вещи, но *каждое чувство естественно*, а не съ помощію вопросовъ, *ощущаетъ встрѣчающуюся ему вещь* (потому что *нѣтъ ученія посредствующаго между ощущающимъ и ощущаемымъ*; слѣдому сколько ни говори о славѣ солнца

и луны, о сонмѣ звѣздъ, о блескѣ драгоценныхъ вещей,—и пріемлеть, и судить, и представляеть себѣ красоту, какую имѣютъ они, *только по названію; знаніе же и разсужденіе ея далеко отъ удовольствія, доставляемаго самимъ видѣніемъ*); такъ, подобнымъ сему образомъ представляй себѣ и о созерцаши духовномъ. Ибо умъ, прозирающій въ сокровенныя тайны духа, если онъ въ своемъ естественномъ здравіи, исполнѣн созерцаетъ славу Христову, и не спрашиваетъ, и не учится, но наслаждается тайнами новаго міра“.

„Отъ духовнаго вѣдѣнія раждается иная вѣра, непротивная вѣрѣ первой, но утверждающая вѣру ту. Называютъ-же ея вѣрою созерцательной. Дотошъ былъ слухъ, а теперь созерцаніе; созерцаніе-же несомнѣннѣе слуха“.

„Черезъ посредство вѣры“, говоритъ Симеонъ, Новый Богословъ, „вселяется Христосъ внутрь человека и дѣлаетъ его обожненнымъ“... „Тщетно именуется Христіаниномъ тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ благодати Христовой оцутительно, т. е. такъ, чтобы опытно зналъ, что имѣетъ въ себѣ таковую, благодать“.

„Надлежитъ человѣку здѣсь на землѣ родиться свыше отъ божественной благодати, и тогда возможетъ онъ увидѣть Царствіе Божіе. Кто не видитъ въ себѣ царствія небеснаго, т. е. не видитъ, что въ немъ царствуетъ Богъ, тотъ не родился еще свыше отъ божественной благодати, и надлежитъ ему всячески взыскать того чтобы родиться свыше, да узритъ Царствіе Божіе еще здѣсь на землѣ“.

„Кто какъ должно вѣруетъ во Христа, тотъ имѣетъ жизнь вѣчную въ себѣ, которая есть благодать Господа нашего Иисуса Христа. Кто-же вѣруетъ во Христа, и жизни вѣчной въ себѣ не имѣетъ, того тщетна и бесполезна вѣра.“

„Таковъ законъ новой жизни о Христѣ Иисусѣ, что Христосъ Господь благодатию Св. Духа приходитъ къ намъ и воскрешаетъ умершвенныя души наши, и даетъ имъ жизнь, и даруетъ очи видѣть Его Самого безсмертнаго и нетлѣннаго живущимъ въ насъ“.

„Благо есть научиться слову истины, но надобно и крещеніе пріять во имя Святыя и Живоначальныя Троицы для оживленія души. Благо есть крещеніе пріять и чрезъ него новую жизнь духовную, но надобно, чтобы и чувствомъ ощущена была сія таинственная жизнь“.

«Воскресеніе Христова бѣваетъ въ каждомъ изъ насъ въ-
рующаго, и бѣваетъ не просто, но свѣтоносно, блистая сія-
ніями Божества Его и нетлѣнія. Свѣтоносное присутствіе
Духа показываетъ на совершившееся въ насъ воскресеніе Гос-
подне, и еще насъ даетъ намъ благодать видѣть Самаго вос-
кресшаго Христа Господа».

„Когда вселится въ насъ Богъ, тогда и мы прозримъ къ
вѣдѣнію, т. е. уразумѣемъ дѣйствительно тѣ божественныя таин-
ства, которыя сокрыты въ Божественныхъ Писаніяхъ. Другимъ-
же какимъ-либо способомъ достигнуть сего невозможно“.

„Все сіе“, заключаетъ преп. Симеонъ, „надлежитъ тебѣ,
возлюбленный, познать самымъ дѣломъ и испытать всѣмъ чув-
ствомъ души твоей, чтобъ стяжать въ себя Бога, Который во-
зводилъ бы тебя вмѣстѣ съ Собою на небеса, теперь въ сей
жизни безъ тѣла, а послѣ въ другой жизни воскресилъ-бы
тебя и тѣло сіе, содѣлавъ его вседуховнымъ, и потомъ уже
царствовалъ надъ тобою нескончаемыя вѣки, тебя посилъ и
самъ тобою былъ посилъ, сый надъ всѣми Богъ“¹⁾.

„Господь Спаситель“, говоритъ еп. Теофанъ, „хотя сѣ-
дитъ одесную Бога Отца, но, по обѣтованію Своему, съ нами
есть во вся дни (Мф. 28,—20), и это по вѣнше, но внутренно,
ибо говоритъ: „аще кто любитъ мя, слово Мое соблюдаетъ,
и Отець Мой возлюбитъ его, и къ нему придемъ и обитель
у него сотворимъ“ (Іоан. 14,—23).

Вотъ Богъ Отець и Богъ Сынъ вселяются въ насъ и жи-
вуть, чрезъ вѣру и любовь, выражаемую исполненіемъ за-
повѣдей. А что Духъ Святый, живетъ въ верующихъ и запо-
вѣди Божіи исполняющихъ, объ этомъ сказано; „не вѣсте-
ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ“
(1 Кор. 3,—16). Коль велика и неизреченна къ намъ ми-
лость Божія! Трѣипосланный Богъ живетъ въ насъ, если мы
вѣрны условіямъ, подъ коими сіе бѣваетъ!“²⁾.

„И се вамъ знаменіе“, говоритъ тотъ-же святитель,
„по коему можете удостовѣриться, что предивное дѣло сіе
(вселеніе Христа Господа въ сердце) начало совершаться въ васъ
именно, теплое тѣкое чувство къ Господу“... „Когда сердце
ваше затеплится теплотою Божіей, съ того времени начнется

¹⁾ Всѣ вышеприведенныя свидѣтельства взяты нами у Новосе-
лова: „Забытый Путь“.

²⁾ Еп. Теофана: „Что есть духовная жизнь“. Изд. 5-е, с. 81—83.

собственно внутренняя ваиа передѣлка. Огонекъ тотъ все въ васъ пережжетъ и переплавить, иначе сказать,—все одухотворить начнетъ, пока совсѣмъ одухотворить. Пока не придетъ тотъ огонекъ, одухотворенія не будетъ, какъ не напрягайтесь на духовное. Стало быть, все дѣло—достать огонька“ 1).

„Возмите слову Спасителя! Онъ говоритъ, что царствіе Божіе похоже на то, какъ жена, взявши закваску, влагаетъ ее въ тѣсто. Тѣсто, принявши закваску, не вдругъ вскипаетъ; для этого требуется свое время. Положенная внутрь закваска мало-по-малу проникаетъ все тѣсто,—и все тѣсто дѣлается заквашеннымъ: хлѣбъ изъ него потомъ выходитъ рыхлый, ароматный, вкусный. Такъ точно и благодать, влита будучи въ естество наше, не вдругъ проникаетъ его все, но мало-по-малу. Потомъ, когда проникнетъ все,—все естество становится облагодатствованнымъ. И дѣла, какіе дѣлаетъ потомъ человѣкъ, все суть дѣла особаго рода. Хотя на видъ они такія-же дѣла, какъ и всѣхъ другихъ, но съ особымъ ароматомъ, особымъ вкусомъ и особымъ звукомъ. Богъ ихъ только и пріемлетъ, какъ особенно Ему пріятныя дѣла... Другое сравненіе...—Подобно тому, какъ огонь, проникая желѣзо, не внутри только желѣза держится, но выходитъ наружу и огненную свою силу являетъ ощутительно для всѣхъ; такъ и благодать, проникнувъ все естество наше, становится потомъ осязательно видима для всѣхъ. Всѣ приходящіе въ соприкосновеніе съ такимъ облагодатствованнымъ чувствуютъ присущую въ немъ необыкновенную силу, проявляющуюся въ немъ разнообразно. Станетъ онъ говорить о чемъ-либо духовномъ, все у него выходитъ ясно, какъ среди дня, и слово его идетъ прямо въ душу, и тамъ властно слагаетъ соотвѣтственныя себѣ чувства и расположенія. Да хотъ и не говорить, такъ вѣтъ отъ него теплота, все согрѣвающая, и сила нѣкая исходитъ, возбуждающая нравственную энергію и рождающая готовность на всякаго рода духовныя дѣла и подвиги“ 2).

„Духовныя потребности выше всѣхъ, и когда онѣ удовлетворяются, то другія хотъ и не будутъ удовлетворяемы, покой бываетъ; а когда онѣ не удовлетворяются, то, будь

1) Теофанъ еп. *ibidem.*, с. 188—9.

2) Теоф. *ibid.*, с. 95—96.

всѣ другія удовлетворяемы богато, покоя не бываетъ. Почему удовлетвореніе ихъ и называется *единымъ на потребу*.

Когда удовлетворяются духовныя потребности, то онѣ научаютъ человѣка поставлять въ согласіе съ ними удовлетвореніе и прочихъ потребностей, такъ что ни то, чѣмъ удовлетворяется душа, ни то, чѣмъ удовлетворяется тѣло, не противорѣчитъ духовной жизни, а ей способствуетъ,—и въ человѣкѣ водворяется полная гармонія всѣхъ движеній и обнаруженій его жизни,—гармонія мыслей, чувствъ, желаній, предпріятій, отношеній, наслажденій. И се—рай! Напротивъ, когда духъ не удовлетворяется и сіе единое на потребу забыто, тогда всѣ другія потребности разбѣгаются въ разныя стороны и каждая требуетъ своего, и какъ ихъ—куча, то голоса ихъ какъ шумъ на базарѣ, оглушаютъ бѣднаго человѣка, и онъ мечется то туда, то сюда, какъ угорѣлый, за неудовлетвореніемъ ихъ“¹⁾. Посему, „пока вы не въ духъ живете“, говоритъ святитель, „неждате счастья“²⁾.

Не объ иномъ чемъ-либо говоритъ и опытъ духовной жизни всѣмъ намъ извѣстнаго молитвенника земли Русской, на нашей памяти почивнаго, Кронштадскаго протоіерея о. Іоанна Ильича Сергіева.

„Задача нашей жизни“, говоритъ онъ, «соедини тѣся съ Богомъ»³⁾. Господь постоянно при мнѣ и *Онъ внутри меня живетъ*“⁴⁾. „Мысленными очами сердца вижу я какъ мысленно *вдыхаю въ сердце свое Христа, какъ Онъ входитъ въ него и вдругъ успокоиваетъ и улаживаетъ его. О, да не пребуду я одинъ, безъ Тебя Жизнодавца, дыханья моего, радованія моего! Худо мнѣ безъ Тебя*“⁵⁾. „Невидимый, всеисполняющій Богъ часто и оцутительно касается невидимой души моеѣ, которая отъ Его прикосновенія *вкушаетъ чудное спокойствіе и небесную радость. Не глаза передаютъ мнѣ вѣсть о Богѣ, не слухъ только посредствомъ словъ и звуковъ голоса доносить до меня вѣщаніе о Непостижимомъ, но сама душа такъ сказать, срастворяется съ Богомъ*“⁶⁾.

1) Теоф. *ibid.*, с. 65—66.

2) *Ibid.*, с. 47.

3) „Моя жизнь во Христѣ“. Т. I, изд. 5-е, с. 27.

4) *Ibidem.* с. 13.

5) *Ibidem.* с. 25.

6) *Ibidem.* с. 35.

„Господь чрезъ усердную молитву вселяется въ души върущающаго со Отцемъ своимъ и Духомъ Святымъ... и живетъ въ насъ: „или не знаете себе, яко Иисусъ Христосъ въ васъ есть?“ (1 Кор. 6,—19). Не вѣсте-ли, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа?“ (2 Кор. 13,—5) ¹⁾.

Ни одна душа не существуетъ безъ Бога, безъ Сына Его, безъ Духа Его. Богъ мое бытіе, мое дыханіе, мой свѣтъ, моя сила, моя вода, мое питаніе. Онъ носитъ меня, какъ мать на рукахъ носитъ младенца, больше: нося меня, душу и тѣло мое, *Онъ во мнѣ пребываетъ, и срастворяется, такъ сказать, со мною*“ ²⁾.

„Богъ ближе къ намъ всякаго человѣка во всякое время: ближе моей одежды, ближе воздуха, свѣта, ближе моей жены, отца, матери, дочери, сына, друга. Я имъ дышу, имъ мыслю, чувствую, соображаю, намъреваюсь, говорю, предпринимаю, дѣлаю. „О немъ мы живемъ и движемся и есмь“ (Дѣян. 17,—28). „Богъ есть дѣйствуя въ насъ, еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи“ (Филип. 2,—13) ³⁾.

„Тѣло наше живетъ тѣми стихіями, изъ которыхъ само составлено, постоянно впитываетъ въ себя воздухъ, воду, органическія тѣла; душа наша живетъ Божественнымъ Духомъ, отъ Котораго она имѣетъ свое начало и постоянно впитываетъ въ себя для поддержанія своей жизни, жизнь Трѣхъипостаснаго Бога, чрезъ свѣтъ ума, благорасположенія и желанія сердца и воли и крѣпость въ добръ“ ⁴⁾.

„Когда у насъ есть Христосъ въ сердцѣ, то мы всѣмъ довольны бываемъ; и неудобное для насъ какъ лучшее удобство, и горькое—какъ сладкое, и бѣдность—какъ богатство и голодъ—какъ сытость, и скорбь—какъ радость! а когда нѣтъ Христа въ сердцѣ, тогда человѣкъ ничѣмъ недоволенъ ни въ чемъ не находитъ счастья: ни въ здоровьѣ, ни въ удобствѣ, ни въ чинахъ и почестяхъ, ни въ увеселеніяхъ, ни въ богатыхъ полатахъ, ни въ богато-сервированномъ и уставленномъ всякими явствами и напитками столѣ, ни въ богатомъ одѣяніи, ни въ чемъ. Ахъ, какъ необходимъ для человѣка Христосъ, Жизнодавецъ и Спасъ душъ нашихъ!“ ⁵⁾.

„Разсуди, какъ великъ человѣкъ: „Богъ въ немъ пребы-

¹⁾ Ibidem. с. 125.

²⁾ Ibidem. с. 127.

³⁾ Ibidem. с. 131.

⁴⁾ Ibidem. с. 135.

⁵⁾ Ibidem. с. 227.

вистъ и той въ Бозъ“ (1 Иоан. 4,—16), такъ что въ благочестивомъ христіанинѣ живетъ какъ бы не человѣкъ, а самъ Христосъ: „живу же не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. 2,—30), потому что *вся душа дѣлается Христовою, какъ желѣзо въ горящихъ угольяхъ все дѣлается огненнымъ, какъ бы горящимъ углемъ: все—огонь, все свѣтъ, все теплота“* ¹⁾.

Но „какой знакъ того, спрашиваетъ Кронштадтскій пастырѣ что человѣкъ-христіанинъ близокъ ко Христу?“ и отвѣчаетъ: „близкій ко Христу человѣкъ обращается часто съ вѣрою и любовію ко Христу, часто произноситъ сладчайшее Его имя, часто призываетъ Его въ помощь, часто обращаетъ къ Нему взоры, мысли и сердце; Христосъ-Богъ естественно обнаруживается у него и на языкѣ, и во взорѣ, потому что безъ Христа онъ безсиленъ, нерадостенъ. Далекій отъ Христа человѣкъ рѣдко, рѣдко обращается мыслями ко Христу, и то не съ сердечною вѣрою и любовію, а такъ только, по какой-нибудь необходимости, и то какъ къ лицу, которое мало знакомо его сердцу, которое не радуется и не улаживаетъ его сердца, не имѣетъ для него всей привлекательности. Оттого мы видимъ, что близкіе ко Христу люди не выпускаютъ Христа изъ своихъ мыслей и сердца: они *живутъ Имъ*; Онъ—ихъ дыханіе, пища, питье, жилище—все; по причинѣ сладости Имени и *благодатнаго прикосновенія къ нему Іисуса Христа* они, такъ сказать, *прильпляютъ къ Нему* *всѣмъ своимъ существомъ* („прильпне душа моя по тебѣ“ (Пс. 69,—9), и въ этомъ прильпненіи находятъ для себя неизреченное блаженство, котораго не знаетъ міръ. Вотъ признаки, по которымъ можно узнать, кто нашелъ Христа и кто еще не нашелъ Его“ ²⁾.

„Всѣ благочестивые люди, говоритъ о. Іоаннъ *напоеніе единаго Духа Божественнаго, надобно напоенной губкѣ“* ³⁾. Въ этомъ причина ихъ мира, ихъ счастья во время жизни; въ этомъ-же причина немеркнувшей славы ихъ послѣ смерти.— „Какъ въ отдаленномъ разстояніи находящіеся предметы на землѣ, хотя они и большіе, но если не отражается въ нихъ солнце, издалека невидны вовсе, а если отражается солнце,

¹⁾ Ibidem. с. 227.

²⁾ Ibidem. с. 316—17.

³⁾ Ibidem. с. 161.

то бываютъ видимы и издалека даже и тѣ, которые малы; такъ и между людьми: тѣ, въ которыхъ не отражается Своими совершенствами вѣчное Солнце правды—Богъ, бываютъ замѣтны только на близкомъ разстояніи для весьма немногихъ, а если отражается въ ширь Солнце правды, тогда всеѣми бываютъ видимы издалека, всеѣ прославляютъ ихъ, люди всеѣхъ мѣстъ и временъ; одни изъ нихъ сіяютъ, какъ солнце, другіе, какъ луна, иные, какъ звѣзды“.

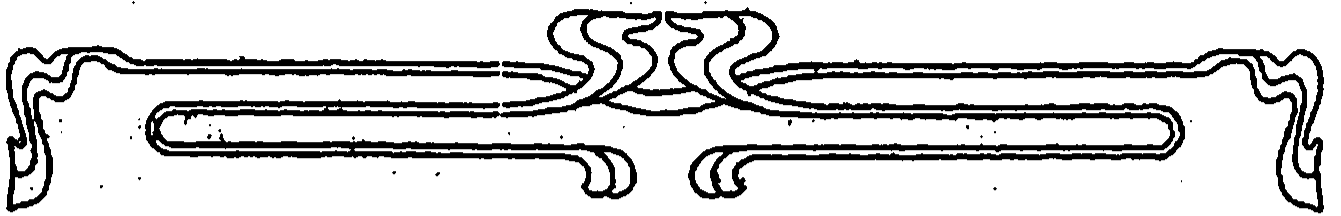
Я окончилъ, описаніе святого святыхъ нашего существа. Не то это значить, что я сказалъ все, а то, что счастья не опишешь словами; сколько ни говори о немъ, оно всегда останется непонятнымъ для тѣхъ, кто не пережили его лично. Кто не имѣеть своего опыта духовной жизни, кто самъ не позналъ сладостнаго общенія со Христомъ Спасителемъ, кто не видитъ Его въ своей жизни, около себя, не замѣчаетъ Его постоянного присутствія около насъ, для того все сказанное—*terra incognita*, книга написанная на незнакомомъ языкѣ, страна, для воспріятія которой у него нѣтъ соответствующаго органа. Для того скучно все это, ибо насъ интересуеть только то, что гармонируетъ съ нашимъ содержаніемъ. Но я не имѣю въ виду веселить кого-либо. Я на сколько могъ, вошелъ вмѣстѣ съ вами въ храмъ нашего духа, въ которомъ живетъ Христосъ, а въ Храмѣ приличнѣе смиреніе, благоговѣніе и молитва. Пусть здѣсь для многихъ скучно, но здѣсь сама жизнь и поэтому нельзя молчать о ней; здѣсь миръ, радость, здѣсь счастье, здѣсь сила жизни, въ которой такъ нуждается наше время. Кто опытно позналъ Господа, тотъ не убьетъ себя, не можетъ убить себя; кто ощутилъ сладость общенія со Спасителемъ, тотъ счастливъ въ самыхъ несчастныхъ условіяхъ жизни; ему свѣтло въ самомъ безпросвѣтномъ мракѣ жизни. Какъ Іовъ, онъ благодаритъ Бога и во время страданій, какъ Златоустъ, онъ славославитъ Его и въ мѣстѣ заключенія.

Мудрому въ духовной жизни довольно сказаннаго, но для немощныхъ необходимо къ языку духа присоединить и языкъ разума.

Священ. Іоаннъ Дмитревскій.

(Продолженіе будетъ).

Положеніе новгородскихъ владыкъ отъ крещенія Новгорода (891-92) и до подчиненія его Москвѣ (1478).

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Окончаніе *).

Перемѣны въ способѣ назначенія и повышенія Новгородскихъ архипастырей въ санѣ естественно должны были оказать громадное вліяніе на положеніе ихъ въ Новгородѣ и на отношеніе ихъ къ митрополиту и обществу. Это такъ и было.

Раньше—до 1156 г. Новгородскіе святители, какъ мы знаемъ, зависѣли исключительно отъ митрополита, а теперь, когда ихъ стало выбирать вѣче, они оказались въ зависимости отъ митрополита и отъ народнаго собранія.

Относительно первой—церковной зависимости нѣкоторые наши ученые историки (напр., Костомаровъ) предполагаютъ, что власть митрополита надъ Новгородскими владыками въ этотъ періодъ чрезвычайно сократилась и что вся зависимость послѣднихъ отъ главы русской церкви свелась чуть ли не къ благословенію и посвященію ихъ въ архіепископскій санъ¹⁾. Другой историкъ А. Никитскій говоритъ, что Новгородскій владыка, если и стоялъ въ какой-либо зависимости, то только отъ Кіевскаго, впоследствии Московскаго митрополита. Но и эта зависимость являлась—по нему—болѣе номинальною и была отяготительною для владыки развѣ въ матеріальномъ отношеніи, но никакъ не въ церковномъ. Единственнымъ дѣйствительнымъ огра-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 1 за 1919 г.

¹⁾ Костомаровъ, ч. II, стр. 250, 254-255, 258, 261.

ниченіемъ, которымъ связывался Новгородскій владыка въ дѣлахъ церкви, должны считаться поэтому, заключаетъ онъ, одни только каноническіе законы¹⁾. Что зависимость Новгородскихъ іерарховъ отъ митрополита существовала въ это время, видно уже изъ того, что Новгородскій владыка, подобно всѣмъ прочимъ, также давалъ предъ рукоположеніемъ обѣтъ соблюдать церковный миръ и во всемъ повиноваться первосвятителю русской церкви²⁾. И это не было простымъ обѣщаніемъ, о которомъ они послѣ забывали; извѣстно нѣсколько случаевъ, когда Новгородскіе іерархи оказывали полную покорность митрополиту, съ честью принимали его у себя, безпрекословно ѣздили къ нему по его требованію, подчинялись его суду и налагаемому отъ него наказанію. Такъ, владыка Василій по вызову митрополита ѣздилъ къ нему въ 1334 г. во Владимиръ³⁾; владыка Алексій тоже былъ у митрополита въ Москвѣ⁴⁾; владыка Іоаннъ былъ призываемъ къ нему трижды—въ 1396, 1397 и 1401 гг.,—при чемъ, во второй и третій разы указана и цѣль вызова—святительскія дѣла⁵⁾. Но что важнѣе всего—во время послѣдняго пребыванія въ Москвѣ архіеп. Іоаннъ, по словамъ его жизнеописателя, былъ тамъ судимъ⁶⁾, по всей вѣроятности, за благословеніе, данное имъ Новгородцамъ на борьбу съ в. к. Василіемъ Дмитриевичемъ⁷⁾, и даже заключенъ въ Николаевскій монастырь, въ которомъ и пробылъ болѣе трехъ лѣтъ⁸⁾. Это заточеніе архіеп. Іоанна весьма убѣдительно говоритъ намъ не только о зависимости Новгородскихъ святителей отъ митрополита, но и о томъ, что зависимость эта иногда выходила за предѣлы каноновъ. Изъ того же, что митрополиты имѣли право время отъ времени посѣщать В. Новгородъ, разбирать здѣсь церковныя дѣла и вообще слѣдить за состояніемъ Новгородской церкви (что иногда

¹⁾ Никитскій, стр. 62.

²⁾ Акт. Арх. Эксп., т. I, № 370, 1424 г.; Макарій, ист. р. ц., т. V, стр. 105.

³⁾ П. С. Р. Л., т. III, 77, 1334.

⁴⁾ Ibid., т. III, 90—91, 1376.

⁵⁾ Ibid., т. III, 97, 1396; 98, 1397; 101, 1401 и т. IV, стр. 104 и 143 подъ 1401 г.

⁶⁾ Муравьевъ, житія русс. святыхъ, сент., стр. 216.

⁷⁾ Карамзинъ, исторія т. V, стр. 105.

⁸⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 107 и 144 подъ 1404 г.

они поручали своимъ довѣреннымъ лицамъ ¹⁾),—изъ этого можно видѣть, что они не утратили и своихъ правъ на верховный надзоръ за Новгородской епархіей и права верховнаго суда въ ней по всѣмъ духовнымъ дѣламъ ²⁾).

Свою зависимость отъ митрополита сознавали и сами Новгородцы. При разногласіяхъ, напр., во время выборовъ владыкъ въ Новгородѣ нерѣдко являлись партіи, предлагавшія: „кого дастъ намъ митрополитъ, тотъ намъ и отецъ“ ³⁾—а разъ случилось, „что князь и новгородцы рекоша Митрофану и Онтону (Антонію): идита къ митрополиту, да кого намъ прислетъ, тотъ намъ владыка“ ⁴⁾, т. е. въ данномъ случаѣ они предложили именно первосвятителю разрѣшить споръ между ихъ владыками и дать спорящимъ судъ и управу.

Такимъ образомъ, характеръ зависимости и проявленія ея и въ первый и во второй періоды были совершенно одинаковы: какъ тогда, такъ и теперь зависимость основывалась главнымъ образомъ на канонахъ,—и ясно разница заключалась не въ характерѣ зависимости, а въ степени,—въ томъ, что эта зависимость теперь нѣсколько ослабѣла и въ силу этого новгородскіе архипастыри заняли относительно митрополита болѣе самостоятельное и независимое положеніе, чѣмъ прежде—встарину. Временами же они пожалуй совсѣмъ освобождались изъ-подъ власти митрополита и становились ни отъ кого независимы, автономными, но это бывало рѣдко—тогда, когда на митрополичьей кафедрѣ происходили замѣшательства ⁵⁾ или же когда сами новгородцы, стремясь къ церковной самобытности, разрывали связь съ митрополитомъ и на—время прекращали съ нимъ всякія сношенія ⁶⁾.

Состоя въ зависимости отъ русскаго первопрестольника,

¹⁾ Никитскій, стр. 102—103.

²⁾ См. напр., въ Прав. Обзор. за 1863 г., № 10 статью, Н. Зова „о спорѣ Новгородскихъ владыкъ съ московскимъ митрополитомъ“.

³⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 45, 1229 г.

⁴⁾ Ibid., стр. 38, 1219.

⁵⁾ Когда, напр., сразу являлось по два, по три митрополита, какъ это было между 1382—1389 гг. или въ XV в. при раздѣленіи митрополіи, когда новгородцы получили возможность выбирать между восточнымъ (Московскимъ) и западнымъ (Кіевскимъ) митрополитами. (Костомаровъ, II, 257—261).

⁶⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 91—92, 1384—85 гг.; т. III, 96. 1391 г.

новгородскіе святители вмѣстѣ съ тѣмъ зависѣли и отъ народнаго собранія—вѣча. Эта зависимость основывалась уже не на канонахъ, какъ зависимость отъ митрополита, а на томъ, что они были избираемы народомъ,—а всякое выборное лицо всегда становилось и становится въ нѣкоторую зависимость отъ своихъ избирателей,—стало быть, зависимость эта была чисто юридической.

На вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ новгородскіе архипастыри были подчинены вѣчу, историки отвѣчаютъ различно. Одни—Никитскій, отчасти преосв. Макарій, Костомаровъ, но особенно первый—Никитскій, думаютъ, что все вліяніе мірской власти исчерпывалось, лишь избраніемъ, владыки и его удаленіемъ—изгнаніемъ, если только послѣднее имѣло мѣсто; „никакихъ другихъ попытокъ къ ограниченію церковной власти въ Новгородѣ, утверждаетъ Никитскій, мы не видимъ“¹⁾. А если власть архіепископовъ и была ограничиваема вѣчемъ, то, думаетъ онъ, „ограниченіе въ такомъ случаѣ касалось исключительно одной гражданской дѣятельности владыки, но отнюдь не церковной. Въ церковной сферѣ, напротивъ, владыка, по его мнѣнію, былъ совершенно независимымъ отъ мірской власти дѣятелемъ. И только къ концу самобытнаго существованія Новгорода являлась, продолжаетъ онъ, потребность подчинить нѣкоторому контролю судебную дѣятельность церковной власти. Но и здѣсь... самъ владыка былъ оставленъ совершенно въ сторонѣ: за опущенія въ церковномъ судѣ долженъ былъ отвѣчать не онъ, а его намѣстникъ, руководившій этимъ дѣломъ“. Такъ рассуждаетъ Никитскій²⁾.

Разумѣется, новгородскіе архіепископы въ дѣлахъ чисто церковныхъ, имѣвшихъ цѣлью святость челоука и его спасеніе—въ таинствахъ, въ совершеніи и отправленіи богослуженія, проповѣдничествъ и т. п. ни отъ кого не были зависимы, но едва ли тоже самое можно сказать относительно церковнаго управленія, той области, которая такъ близко соприкасалась съ мірскимъ строемъ земли. Здѣсь, нужно думать, владыка хотя бы нѣсколько да былъ ограниченъ, тѣмъ болѣе что нигдѣ церковная жизнь не находилась въ столь тѣсной связи съ гражданской, какъ въ

¹⁾ Никитскій, стр. 61.

²⁾ Никитскій, стр. 61—62; Акт. Арх. Эксп., I, стр. 73, № 92, 1471 г.

В. Новгородѣ, и потому нигдѣ не было для гражданъ столько поводовъ такъ или иначе вмѣшиваться въ епархіальное управленіе, какъ здѣсь. Вмѣшательство мірской власти могло иногда происходить не только сознательно, но и просто отъ того, что новгородцы при невысокомъ уровнѣ своего умственнаго развитія не могли строго различать гражданскихъ дѣлъ отъ церковныхъ,—а такъ какъ послѣднія были для нихъ столь же близкими и важными, какъ и всѣ другія, то странно было бы даже ожидать, чтобы они не захотѣли имѣть въ нихъ своей доли вліянія. Поэтому намъ кажется болѣе вѣроятнымъ другое мнѣніе—мнѣніе проф. Голубинскаго. Онъ именно полагаетъ, что „новгородцы склонны были сдѣлать гражданскимъ и собственное церковное управленіе своихъ епископовъ“¹⁾, т. е. они стремились жизнь церкви устроить такъ, чтобы церковное управленіе мало чѣмъ отличалось отъ гражданскаго, чтобы первое было если не совершенно, то отчасти похоже на второе. Такъ, по примѣру того, какъ они избирали себѣ гражданскихъ правителей, такъ послѣ такимъ же путемъ они стали назначать себѣ и лицъ духовныхъ. По крайней мѣрѣ, въ XII в. все новгородское духовенство, начиная отъ епископа и кончая простымъ причетникомъ, стало выборнымъ. Епископы, какъ знаемъ, стали избираться съ 1156 г.

Изъ игуменовъ первымъ, по свидѣтельству лѣтописей, выборнымъ былъ игумень Антоніева монастыря Андрей, преемникъ Антонія Римлянина,—былъ избранъ въ 1147 г.²⁾ (около этого же времени, навѣрно, новгородцы присвоили себѣ и право выбора къ церквамъ священно-и-церковно-служителей. Когда это случилось, изъ древнихъ свидѣтельствъ не видно, но позднѣйшія данныя говорятъ, что новгородцы пользовались этимъ правомъ издавна. Бѣляевъ думаетъ, что это право они приобрѣли во время Нифонта и ссылается на уставъ Всеволода,—въ частности—на слова: „а пошовъ св. вел. Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожовъ призирати старостамъ Иваньскимъ и купцамъ“³⁾, но Ни-

1) Голубинскій, ист. р. ц., I, I, стр. 459.

2) Бѣляевъ, II, стр. 117; см. еще—П. С. Р. Л., т. III, стр. 42, 1226 г. и ст. 47, 1230 г.

3) Бѣляевъ, II, стр. 117—118; Доп. къ Акт. ист., т. I, стр. 4 № 3, 1134—35 гг.

китскій справедливо замѣчаетъ, что это мѣсто мысли Бѣляева не доказываетъ: слово „призирати“ значитъ не выбирать, а заботиться ¹⁾. Болѣе прямое указаніе на выборъ прихожанами причта можно видѣть изъ посланія архіеп. Геннадія и сообщеній Стоглава. Архіеп. Геннадій въ своемъ посланіи пишетъ, что „занеже вѣдь только *приведуть* кого грамотѣ горазда, и мы ему велимъ одны октеніи учить, да поставивъ его да отпущаю боржае“... ²⁾. Отсюда очевидно, что кандидаты на священно-служительскія мѣста приводились въ Новгородѣ ко владыкѣ на посвященіе самими мірянами,—а если это такъ, то можно предположить, что они ими и избирались. Стоглавъ, дѣйствительно, это прямо и подтверждаетъ: „въ Новѣ-городѣ Великомъ, говорится въ 41-ой главѣ, попы и дьяконы и дьяки и пономари и проскурницы и притворяне *уличане къ церкви принимаютъ...* да съ тѣмъ идутъ ко владыкѣ всею улицею“ ³⁾. Такимъ образомъ, новгородскій владыка даже при назначеніи къ церквамъ причта былъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать согласно съ народной волей. А развѣ это не ограниченіе?—Но это еще не все. Отъ прихожанъ же зависѣло и удавленіе церковниковъ отъ мѣста. Въ Новгородѣ думали, что кто строилъ и содержалъ церковь, тотъ былъ и ея собственникомъ. Эта точка зрѣнія привела къ тому, что новгородцы стали сматрѣть на свое духовенство какъ на вполнѣ зависящихъ отъ нихъ людей, которыхъ они могутъ какъ принимать къ себѣ, такъ и удалять,—даже заставляя ихъ дѣлать, что имъ угодно. Подъ вліяніемъ этого взгляда священнослужители (разумѣемъ частныхъ церквей) встали въ извѣстную зависимость отъ строителей и отдавшись подъ ихъ власть и покровительство, перестали считать себя зависимыми отъ власти владыки, предпочитая этой послѣдней зависимость отъ своихъ патроновъ ⁴⁾. Понятно, все это не могло обойтись безъ нѣкотораго ущерба для власти новгородскихъ святителей. И вотъ, мы видимъ—съ одной стороны они должны были мириться съ частными случаями отстраненія священно-и-церковнослужителей отъ мѣста и допу-

¹⁾ Никитскій, стр. 82, прим. I-ое.

²⁾ Акт. Ист., т. I, стр. 147, № 104, 1496—1504 гг.

³⁾ Стоглавъ, изд. 1862 г., гл. 41-ая, стр. 176.

⁴⁾ Никитскій, Очерки вв. иос. ц. въ В. Н.—ѣ, стр. 82—84.

стить существованіе особаго класса т. наз. „безмѣстныхъ церковниковъ“¹⁾, съ другой—имъ приходилось иногда видѣть и непослушаніе себѣ, такъ какъ, потворствуя патронамъ, священнослужители осмѣливались временами поступать даже противъ воли своего владыки. Въ Новгородской I-й лѣтописи подъ 1136 г. читаемъ: „оженися Святославъ Ольговецъ Новѣгородѣ и вѣнчяся своимы поны у св. Николы, а Нифонтъ его не вѣнчя, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ дасть, глаголя: не достоинъ ея поняти“²⁾,—О чемъ все это говорить? Да о томъ, что дѣятельность владыки была нѣсколько ограничена и сѣужена, что онъ не былъ полнымъ господиномъ въ своей епархіи.

На зависимость же новгородскихъ святителей отъ вѣча въ церковномъ управленіи указываютъ и грамоты митрополитовъ въ Новгородѣ „о неприкосновенности церковныхъ судовъ и вотчинъ“³⁾. Очевидно новгородцы вмѣшивались и въ эту область владычнаго управленія. Далѣе, народъ принималъ участіе и въ другихъ духовныхъ дѣлахъ. Напр., въ 1376 г. новгородцы казнили троихъ стригольниковъ, бросивши ихъ съ волховакаго моста⁴⁾; въ 1358 г. постановили не бить бочекъ (судебный обрядъ)⁵⁾; въ 1227 г. сожгли четырехъ волхвовъ⁶⁾. Кромѣ этого въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ слѣдующее въ высшей степени важное извѣстіе. Когда архіеп. Антоній въ третій разъ былъ возведенъ на кафедру, то вѣче „посадило“ съ нимъ изъ своей среды двоихъ мужей—Якуна Моисеевича и Никифора Щитника⁷⁾. Какъ бы не объясняли этотъ фактъ⁸⁾; но онъ значитъ одно, что власть Антонія была стѣснена. Вѣдь эти мужи были приставлены къ нему не напрасно, а безъ сомнѣнія для помощи, совѣта и управленія церковными дѣлами, а можетъ быть и для наблюде-

¹⁾ Ср. П. С. Р. Л., т. IV, стр. 96, 1388 г.; А. А. Э., т. I, стр. 441, № 360, 1594 г.

²⁾ П. С. Р. Л., т. III, 7, 1136 г.; Собр. Гос. Гр. и Дог., гл. I, 4, № 6, 1270 г.

³⁾ Акт. ист. т. I, № № 77 и 82; Историч. Библиот., т. IV, № № 26 и 97.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 231.

⁵⁾ Ibid., т. IV, 63.

⁶⁾ Ibid., т. III, стр. 42.

⁷⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 44 и 219, 1228 г.

⁸⁾ См. Никитскій, стр. 61; Голубинскій, I, I, 459; прот. Тихомировъ, стр. 121.

нія за правильнымъ исполненіемъ имъ своихъ обязанностей,— и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что самъ Антоній, какъ чело- вѣкъ совершенно больной, дѣлами заниматься не могъ; къ тому же онъ съ 16 на 17 марта 1229 г. лишился языка и навсегда онѣмѣлъ¹⁾. Правда, случай этотъ единственный: больше новгородцы никогда не „сажали“ съ епископомъ своихъ мужей, но это еще нисколько не говоритъ противъ насъ. Мнѣніе проф. Голубинскаго тѣмъ и хорошо, что при посредствѣ его легче и понятнѣе объясняются такіе при- мѣры, какъ приведенный,—а это уже первый признакъ, что оно болѣе правдоподобно и научно. Наконецъ, о томъ же, т. е. о зависимости новгородскихъ архипастырей отъ вѣча, свидѣлствуютъ и случаи изгнанія нѣкоторыхъ владыкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти случаи показываютъ намъ, что вла- дыки новгородскіе жили въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и князья, посадники и тысяцкіе; врацались въ томъ же кру- говоротѣ и также, какъ другіе сановники, не были избав- лены отъ всѣхъ превратностей судьбы. Можно даже сказать, что новгородскіе іерархи, подобно другимъ должностнымъ лицамъ, были сильны и положеніе ихъ было прочно, если они пребывали въ единеніи—„одиночествѣ“ съ народомъ или, по меньшей мѣрѣ, съ господствующей партіей; если же этого единенія не было и они съ большинствомъ расходи- лись, то каждый день могли ждать, что имъ укажутъ путь —итти туда, откуда пришли.

Первое сверженіе владыки падаетъ на 1211 г. Въ это время архіепископскую кафедру занималъ Митрофанъ. Онъ правилъ церковью около 10 лѣтъ—съ 1201 г., но въ 1211 г. чѣмъ-то возбудилъ противъ себя гнѣвъ новгородцевъ—или, какъ гов. лѣтописецъ, „злодѣи исперва не хотя добра за- висть вложи (на него) людемъ“,—и безъ всякаго суда былъ сведенъ съ престола и выведенъ на житье въ Торопецъ²⁾. Въ чемъ провинился Митрофанъ, мы не знаемъ,—такъ какъ наши лѣтописцы, описывая вѣншія событія, не имѣютъ привычки и охоты приподнимать завѣсу, за которой скры- вались внутреннія пружины,—но по нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что онъ оказался просто жертвой партій- ной борьбы.—Изложимъ кратко тѣ условія, при которыхъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 44 и 219, 1228—29 гг.

²⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 31.

совершилось его избраніе и изгнаніе, и тогда увидимъ, насколько справедливо наше предположеніе. Митрофанъ былъ возведенъ на кафедру въ 1201 г.—съ согласія вѣча, но по указанію и рекомендаціи суздальскаго князя Всеволода. Какъ избранникъ суздальской партіи, онъ безъ сомнѣнія въ продолженіе своего святительства держался именно ея стороны и потому навлекъ на себя нерасположеніе другой—народной партіи, противной суздальскому вліянію. Пока была сильна его партія, онъ держался,—но когда новгородцы разсорились съ Всеволодомъ III и приняли къ себѣ на столъ Мстислава Удалого—приверженца демократической партіи и врага суздальскаго, Митрофанъ былъ лишенъ сана и на его мѣсто возведенъ, сторонникъ побѣдителей—бывшій бояринъ Добрыня Ядрейковичъ въ монашествѣ Антоній. Но второй разъ былъ сверженъ съ престола архіеп. Антоній, преемникъ Митрофана. Это былъ одинъ изъ наиболее любимыхъ владыкъ, но ожесточенная борьба партій и его не оставила въ покоѣ. Такъ, когда Мстиславъ покинулъ Новгородъ, то суздальская сторона снова подняла голову и воротила Митрофана изъ изгнанія. Стало двое владыкъ: Антоній и Митрофанъ. Не зная что дѣлать, новгородцы передали дѣло на волю митрополита. Митрополитъ рѣшилъ его въ пользу Митрофана, какъ старѣйшаго по избранію, а Антонію далъ Перемышль. Смуты этимъ на новгородской кафедрѣ однако не закончились.

Послѣ смерти Митрофана (1228) народная партія пыталась было воротить въ Новгородъ Антонія, но суздальская взяла верхъ и поспѣшила выбрать въ преемники умершему хутынскаго чернеца Арсенія. Опять явилось два архіепископа, которые и чередовались другъ съ другомъ нѣсколько разъ—смотря по тому, какой князь сидѣлъ въ Новгородѣ—суздальскій или черниговскій. Первоначально перевѣсъ взялъ Арсеній, который съ званіемъ нареченнаго владыки и правилъ епархіей почти два года. Но когда Новгородскій столъ занялъ черниговскій князь изъ Ольговичей—Михаилъ Всеволодовичъ, Арсеній былъ удаленъ и принятъ Антоній. Въ 1228 г. обстоятельства измѣнились. Вмѣсто черниговскаго князя въ Новгородъ явился подручникъ суздальскаго—Ярославъ, Антоній принужденъ былъ оставить владычество и удалиться въ хутынскій монастырь,—мѣсто его занялъ Арсе-

ній. Но въ томъ же году чернь, воспользовавшись временнымъ удаленіемъ Ярослава изъ Новгорода, поднялась на вѣчь противъ Арсенія за своего любимца Антонія. Подъ предлогомъ, что теплая и продолжительная осень такъ долго стоитъ изъ-за него,—а это было вредно для хлѣбныхъ растений,—народъ силою выгналъ его съ архіерейскаго двора— „пихавще... какъ будто какого злодѣя“, поясняетъ лѣтописецъ,—такъ что онъ едва успѣлъ спастись, запершись въ Софійскомъ храмѣ. На другой же день на кафедрѣ былъ снова—уже въ третій разъ—возведенъ Антоній¹⁾, Последнее изгнаніе постигло Θεодосія (1423), два года управлявшаго церковью безъ хиротоніи. Этотъ, кажется, былъ спроваженъ исключительно потому, что былъ иноземецъ — „шестникъ“, а въ Новгородѣ всѣ важныя должностныя лица, исключая князя, по обычаю должны были быть изъ туземцевъ, — но почему тогда Θεодосій былъ намѣченъ въ число кандидатовъ и избранъ, неизвѣстно²⁾,

Такимъ образомъ, не одни князья и другіе гражданскіе сановники расходились съ новгородцами, — временами съ ними не ладили и сами владыки. И какъ князья и посадники въ такихъ случаяхъ или сами добровольно слагали съ себя санъ и удалялись или же ихъ изгоняли силою,—такъ то же самое—одно изъ двухъ—должны были выбирать и архіепископы, вставшіе въ противорѣчіе съ большинствомъ. Дѣйствительно, одни изъ нихъ, предчувствуя надвигавшуюся грозу, сами оставляли кафедру и уходили въ монастырь,—такъ напр., въ 1228 г. сдѣлалъ Антоній, когда только что вернулся на родину изъ Перемышля,—другіе оставались на престолѣ, пока ихъ не изгоняли (Митрофанъ, Арсеній, Θεодосій).

Не смотря на такое произвольное обращеніе новгородцевъ со своими іерархами, положеніе, власть и авторитетъ ихъ отъ этого мало страдали. Сравнительно съ другими властями—съ княземъ, посадникомъ—владыка былъ единственнымъ сановникомъ, положеніе котораго было болѣе или менѣе прочно и власть устойчива. Строптивые новгородцы часто смѣняли своихъ представителей, смѣняли они и владыкъ, но все же къ нимъ шитали болѣе уваженія, чѣмъ къ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 31, 36—39, 42, 44—45, 48.
²⁾ Тамъ же, т. III, 110, 1423; т. IV, 120, 1423 г.; ср. т. III, 110, 1421 г.

кому бы то ни было. Не даромъ же и наши историки такъ высоко смотрятъ на нихъ. Бѣляевъ, напр., говоря о посадникѣ, замѣчаетъ: „посадникъ въ Новгородѣ былъ первою выборною властью (изъ новгородцевъ, но послѣ владыки)“¹⁾. Владыка поставленъ имъ выше посадника. То же самое утверждаетъ и Костомаровъ. „Вмѣстѣ съ владыкою, говоритъ онъ, степенные посадникъ и тысяцкій составляли троичность государственнаго представительства Великаго Новгорода“²⁾. Владыка опять на первомъ мѣстѣ. Еще яснѣе выражается преосв. Макарій: „владыка, пишетъ онъ въ V т. своей „исторіи“, считался въ Новгородѣ первымъ лицомъ, какъ бы главой его и отцомъ, безъ согласія и благословенія котораго новгородцы не предпринимали ничего важнаго въ своихъ гражданскихъ дѣлахъ“³⁾. Въ томъ же духѣ высказываются о новгородскомъ первосвятителѣ и другіе историки — Ключевскій⁴⁾, Платоновъ⁵⁾, Никитскій⁶⁾, Иловайскій⁷⁾, Прот. Тихомировъ⁸⁾, Гнѣвушевъ⁹⁾, и т. д.

По своимъ правамъ и значенію новгородскій архіепископъ былъ даже чуть-ли не выше князя. По крайней мѣрѣ, Новгородъ не могъ оставаться безъ владыки такъ же, какъ онъ не могъ быть безъ князя, и владыка къ новгородцамъ стоялъ ближе, чѣмъ князь. Дѣло въ томъ, что княжеская власть въ Новгородѣ оказалась чуждою началамъ вольно-народнаго, вѣчевого уклада, она не всегда могла безъ ущерба для свободы установить внутри государства должный порядокъ и если князь все-таки былъ нуженъ здѣсь, то преимущественно какъ „военный стражъ“, — между тѣмъ владыка, явившись объединяющимъ центромъ, около котораго сгруппировался весь городской союзъ, какъ бы занялъ то мѣсто, какое должно бы было принадлежать князю. Это случилось главнымъ образомъ благодаря тому, что князь въ Новгородѣ былъ

¹⁾ Бѣляевъ, II стр. 168.

²⁾ Костомаровъ, Сѣв.-рус. нар., II стр. 45.

³⁾ Макарій, ист. р. ц., т. V 1866, стр. 113.

⁴⁾ Ключевскій, курсъ р. ист., т. II, стр. 87—88.

⁵⁾ Платоновъ, Лекціи по рус. ист., вып. I СПБ., 1899, стр. 96.

⁶⁾ Никитскій, Очерки внут. ист. церкви въ Н., стр. 33—34, 37 и др.

⁷⁾ Иловайскій, Исторія Россіи, т. I ч. II, стр. 174, Москва, 1880 г.

⁸⁾ Прот. Тихомировъ, Кав. Новг. Свят.—ей, т. I, пред. стр. VII.

⁹⁾ „Русская исторія“, подъ ред. Довнаръ — Запольскаго, стр.

чужими и въ слѣдствіе этого онъ не понималъ новгородской жизни,—владыка же какъ свой человѣкъ и при томъ важный сановникъ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, раздѣлялъ понятія своихъ согражданъ и сочувствовалъ всякой пользѣ своей родины¹⁾.

Итакъ, теперь мы знаемъ, какія произошли перемѣны въ положеніи новгородскихъ архипастырей послѣ того, какъ ихъ стало избирать вѣче,—а именно: всѣ они стали природными новгородцами, а не пришельцами, какъ были прежде (исключеніе — одинъ только не хиротонисанный Θεодосій); затѣмъ, съ этого же времени замѣтно ослабѣла зависимость ихъ отъ митрополита, но за то явилась и возросла зависимость отъ земства. Эти перемѣны въ свою очередь повлекли за собою другія—не менѣе важныя—послѣдствія, открывшія новгородскимъ іерархамъ возможность самаго широкаго участія въ общественно-политическихъ дѣлахъ Новгорода. Такъ, то обстоятельство, что новгородскіе святители стали выбираться изъ среды новгородскихъ же гражданъ, привело къ тому, что они—и ранѣе игравшіе нѣкоторую роль въ государственной жизни—теперь, какъ кровные новгородцы, не могли относиться безразлично къ политическимъ дѣламъ Новгорода, не могли и стоять въ сторонѣ отъ дѣлъ земскихъ,—наоборотъ, все—и туземное происхожденіе ихъ и пониманіе ими мѣстныхъ условій и интересовъ—все это побуждало ихъ принимать самое близкое участіе въ дѣлахъ своей родины, и особенно когда ей грозила какая-либо опасность со стороны враговъ,—это во-первыхъ. Во-вторыхъ, то положеніе, какое новгородскіе архипастыри заняли въ отношеніи къ митрополиту, значительно развязало имъ руки и дало возможность быть ревностными поборниками, защитниками и ходатаями за права, свободу, и льготы вольнаго города—даже тогда, когда политическія стремленія ихъ паствы не совпадали съ видами и желаніями митрополита²⁾.

Внутреннему значенію владыки вполне соответствовало и его внѣшнее положеніе. Да это и понятно: Какъ первый

¹⁾ Прав. Соб., 1863, ч. I, статья II. З. „Замѣтки касательно устройства новгородской церкви“, стр. 192, 248—249; ср. П. С. Р. Л., т. III, 1229 и 1331 г.г.

²⁾ Никитскій, стр. 110, 114; Прот. Тихомировъ, стр. 71.

сановникъ и гражданинъ, онъ по необходимости долженъ былъ устроиться такъ, какъ того требовала его знатность и занимаемое имъ высокое положеніе. Говоря иначе, онъ долженъ былъ устроить свой бытъ такъ, какъ онъ былъ устроенъ у выдающихся свѣтскихъ людей, т. е. съ представительностью и пышностью этихъ послѣднихъ. Имѣющіяся по данному вопросу свѣдѣнія не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакого мѣста сомнѣнію.

По примѣру князя, окруженнаго многочисленной свитой, и у новгородскихъ владыкъ былъ цѣлый штатъ служилыхъ людей, извѣстныхъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ „софіянъ“. Въ составъ этого штата входили какъ духовныя лица—протопопы, священники, священноиноки, діаконы и другіе служители церкви, такъ и лица свѣтскія—бояре и дѣти боярскіе¹⁾, впослѣдствіи на службу къ нимъ постушала даже князя²⁾. Вообще дворъ владыки былъ почти точной копіей двора княжескаго. Нѣкоторые изъ его людей носили даже тѣ же названія, какія были въ употребленіи при особахъ князей,—напр., были у него стольники, ключники, чапники, казначей, дьяки и т. п. Этотъ дворъ, состоявшій изъ „духовнаго полка“ и „мірскаго воинства“, служилъ съ одной стороны для удовлетворенія личныхъ потребностей святителей, съ другой—и главнымъ образомъ для отправленія тѣхъ обязанностей, какія лежали на нихъ и выполнить которыя они одни безъ помощи другихъ не имѣли никакой возможности³⁾.

Такое положеніе, близкое по значенію къ митрополичьему, новгородскіе архипастыри занимали вплоть до самаго паденія В. Новгорода. Съ подчиненіемъ же его въ 1478 г. Москвѣ они перестали быть избранниками народа и сдѣлались одними изъ простыхъ епархіальныхъ епископовъ, подчиненныхъ единственно власти московскаго митрополита⁴⁾.

1) Никитскій, стр. 64—66; Бѣляевъ, II, 123—124; Костомаровъ, II, 272.

2) Ж. М. Н. Пр., 1875, ч. 180, Прилежаевъ, стр. 88, 5 прим.

3) Никитскій, стр. 64—66; Костомаровъ, II, 272.

4) П. С. Р. Л., 7032, IV, 296 и 7084, III, стр. 148, 185, 247; т. VI, 7040, 289; 7079, III, 186, 262 и 7080, 167; IV, 819.

Чтобы показать на примѣрѣ разницу между новгородскими выборными владыками и назначенными изъ Москвы, скажемъ нѣсколько словъ о первомъ послѣ Теофила архіеп—ѣ Сергіи. Послѣ того, какъ Теофиль былъ заточенъ въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ, въ Новгородъ былъ назначенъ первый—москвичъ родомъ—владыка Сергій¹⁾. „Онъ, говоритъ проф. Знаменскій, вовсе не понималъ своего положенія; онъ даже гордился своимъ московскимъ происхожденіемъ; для него новгородскій народъ былъ ничто иное, какъ смерды²⁾. Такъ посѣтивши по пути въ Новгородъ монастырь Архангела Михаила на Сковороткѣ, Сергій, когда узналъ, что здѣсь покоятся мощи основателя монастыря—владыки Моисея, приказалъ здѣшнему священнику вскрыть гробъ святителя,—но когда священникъ замѣтилъ, что только святителю можно прикасаться къ гробу святителя, Сергій съ гордостью отвѣтилъ: „сего смердовича и смотрѣти?“—и уѣхалъ³⁾. Отсюда ясно, что по понятіямъ вновь прибывшаго архипастыря новгородецъ—даже святой владыка—это существо низшаго порядка, незаслуживающее вниманія со стороны „благороднаго“ москвича. Причину гордости въ архіепископѣ лѣтописецъ усматриваетъ въ томъ, что онъ „отъ Москвы приде къ гражданамъ, яко плѣннымъ“⁴⁾. Понятно, владыка съ такими взглядами не могъ пріобрѣсти никакого уваженія со стороны своей паствы, привыкшей видѣть въ своихъ іерархахъ покровителей и защитниковъ Новгорода и его самообытности.

Слѣдующіе архипастыри были лучше Сергія, но какъ пришельцы—москвичи они долго не понимали той исторической обстановки, среди которой имъ приходилось жить и дѣйствовать.

П. Фрунзовъ.

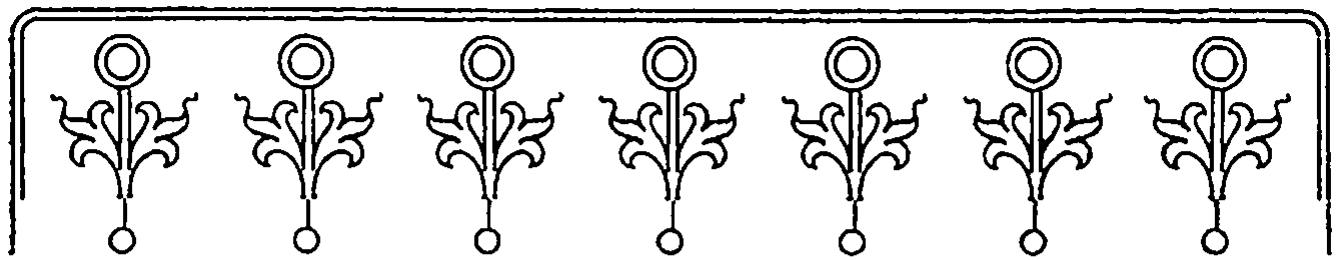

¹⁾ Собственно-архіеп. Сергій былъ назначенъ по жребію изъ трехъ кандидатовъ, но не новгородцевъ, а москвичей. (П. С. Р. Л. 6991, IV, 185; VI, 36, 272; VIII, 215).

²⁾ Прав. Соб. 1863, ч. I, стр. 272.

³⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 183—184, 243.

⁴⁾ Ibid., т. III, 243.

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ ХАРЬКОВСКАГО КРАЯ.

(Историко-археологическій очеркъ).

ВВЕДЕНІЕ.

Харьковскій край до послѣдняго времени не могъ похвалиться серьезнымъ и всестороннимъ изученіемъ мѣстныхъ церковныхъ древностей. Да и интереса къ нимъ не проявлялось. Кажется, просто не подозрѣвали въ прежнее время, что здѣсь имѣются заслуживающіе вниманіе и цѣнные памятники церковной старины. Въ большинствѣ случаевъ мало свѣдующая среда, имѣя дѣло съ старинными церковными предметами, смотрѣла на нихъ какъ на вещи ненужные, неудобные и ни къ чему не пригодные. Удивительно, что даже представители церковно-строительнаго искусства, руководя перестройкой или разборкой старинныхъ церквей и постройкой вмѣсто нихъ новыхъ, совершенно не обращали вниманія на свѣдую древность памятниковъ. Они не заботились о сохраненіи древнихъ церквей если не въ цѣльномъ видѣ, то хотя бы въ снимкахъ, планахъ и чертежахъ. Въ архивѣ Харьковской Консисторіи не имѣется никакихъ дѣлъ объ этомъ. Строители новыхъ церквей въ нашемъ краѣ въ прежнее время просто зачеркивали церковную старину. Заботъ о сохраненіи древнихъ церковныхъ памятниковъ не проявлялось ни со стороны мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ учреждений, ни со стороны просвѣщеннаго класса людей. Упраздненные церкви, вышедшіе изъ употребленія богослужебные предметы предоставлялись на произволь судьбы. Понятно, что отъ всего этого получалось. Памятники церковной древности уничтожались или сразу или постепенно. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ одной старинной церкви г. Лебедина, при ея передѣлкѣ пятьдесятъ

лѣтъ тому назадъ, древній иконостасъ староукраинскаго стилия, за неимѣніемъ мѣста храненія, былъ сожженъ (!). Временно же пощаженные остатки старины подвергались медленному уничтоженію: сваливались въ подвалы или на чердаки колоколенъ, сбрасывались въ холодныя и сырыя кладовыя, продавались за безцѣнокъ скупщикамъ старья или куда попало, раздавались даромъ крестьянамъ, или же нерѣдко отдавались для положенія съ покойниками въ могилы.

Казалось бы, что при такомъ положеніи вещей любители старины легко могли бы подбирать такія древности, составляя свои частныя коллекціи. Мы знаемъ, что, напр., въ Полтавской губерніи и теперь и раньше были такіе любители коллекціонеры среди духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Цѣнная коллекція иконъ и церковной утвари, оставшаяся послѣ смерти одного сельскаго священника, послужила тамъ ядромъ учрежденнаго Епархіальнаго древне-хранилища. Известны тамъ помѣщики-коллекціонеры. Мы знаемъ иконописца-рѣзчика Полтавской губерніи, любителя церковно-украинской старины, составившаго легко изъ случайныхъ приобрѣтеній весьма хорошую и цѣнную коллекцію. Къ сожалѣнію до послѣдняго времени подобнаго явленія въ нашемъ краѣ не наблюдалось.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что изъ области мѣстной церковной старины многое погублено безслѣдно. Многіе древніе деревянные храмы нашего края исчезли, и мы не знаемъ о нихъ, какого именно типа они были, кѣмъ они строились, каковы были ихъ внутреннее убранство, иконостасы, рѣзба, иконопись, священные сосуды. Въ старо-украинскомъ типѣ церквей только теперь начинаютъ немного разбираться, узнавая въ нихъ три направленія отъ трехъ путей архитектурнаго вліянія¹⁾. Въ этомъ случаѣ важную показательную роль будутъ имѣть наши Харьковскіе церковные памятники и особенно первобытные. Оказывается, что нѣкоторые первые деревянные храмы нашего края XVII вѣка были цѣликомъ перевозимы такъ называемыми „Черкасами“ изъ-за днѣпровской Малороссіи. Вмѣстѣ съ ними „черкасы“ перевозили сюда, на новыя мѣста своихъ

¹⁾ Объ этомъ въ подробностяхъ будетъ рѣчь въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего изслѣдованія.

поселеній, и свое приходское духовенство. Случайно дошедшіе до насъ рѣдкіе снимки этихъ древнѣйшихъ церквей, напр., церкви въ сл. Сватовой Лучкѣ, Купянскаго уѣзда, на берегу р. Свахи, свидѣтельствуютъ объ оригинальнѣйшей и великолѣпнѣйшей самобытной ихъ архитектурѣ. Какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе въ подвалахъ и кладовыхъ старинные кіоты, деревянные анолои и подевѣчники показываютъ намъ удивительную старо-украинскую деревянную рѣзьбу своего мѣстнаго рисунка и характера съ мотивами чисто самобытными. Глядя на эту рѣзьбу, напоминающую украинскую „мережку“ и вышивку, на это деревянное кружево, убѣждаешься въ природномъ художественномъ чутьѣ, неистощимомъ терпѣніи и любовномъ усердіи мастеровъ ихъ выдѣлывавшихъ. Несомнѣнно, что вкусъ къ такимъ произведеніямъ тогда, въ XVII в., господствовалъ. Работа въ этой области была широка и плодотворна. И какъ жаль, что многое изъ всего этого не дошло до насъ. Какъ много погибло чудныхъ древнихъ рѣзныхъ на деревѣ иконъ, наивныхъ скульптурныхъ деревянныхъ изображеній, церковнаго шитья и вышивокъ на полотнѣ и шелку, шитыхъ серебромъ и золотомъ ризъ иконъ, церковныхъ „китайчатыхъ“ покрововъ, нерѣдко устроенныхъ изъ награбленныхъ казаками у татаръ матерій!..

О художественномъ староукраинскомъ великолѣпнн нѣкоторыхъ храмовъ нашего края въ г.г. Сумахъ, Изюмѣ, Зміевѣ и др. мѣстахъ до насъ дошли только преданія. Особенностію нашего края въ XVII и XVIII в.в. были многочисленные большіе и малые, мужскіе и женскіе монастыри, основанные чуть ли не первыми насельниками края въ XVII в. Нѣкоторые изъ нихъ уже къ половинѣ XVIII в. достигли цвѣтущаго состоянія, отличались обширнымъ благоустройствомъ, многочисленными, архитектурными и богатыми храмами, драгоценною и оригинальныхъ типовъ утварью, своеобразною иконописью. „Черкасы“ очень любили эти свои монастыри, дѣлали въ нихъ богатые вклады, приношенія и здѣсь были погребаемы. Большинство изъ этихъ монастырей были въ царствованіе Импер. Екатерины Великой закрыты, зданія проданы, иконы и утварь разобраны другими церквами, цѣнности исчезли; на мѣстахъ этихъ монастырей остались только развалины и въ рѣдкихъ только случаяхъ одинокія

церкви или колокольни. О быломъ художественномъ великолѣпнѣи этихъ обителей, теперь не существующихъ, свидѣтельствуютъ рѣдкія, какъ-то уцѣлѣвшія, памятники. Среди развалинъ бывшаго Сумскаго Успенскаго монастыря (въ 9 в. отъ г. Сумъ) стоятъ теперь старинная монастырская колокольня, монументальнаго вида, типа Харьковскаго Покровскаго монастыря, съ красивымъ крѣпостнымъ верхомъ и бойницами, и Всѣхсвятскій надвратарный храмъ, прекраснаго стиля украинскаго бароко. Красота этихъ одинокихъ памятниковъ рѣзко выдѣляется среди окружающихъ рововъ, разобранныхъ фундаментовъ и пустыря. Обширные фундаментныя рвы соборнаго монастырскаго храма указываютъ на громадныя размѣры бывшаго здѣсь собора. Иконостасъ отсюда былъ перенесенъ въ новоустроенную тогда церковь сл. Каплуновки, Богодух. у.: онъ огромныхъ размѣровъ, пятиярусный, хорошей рѣзьбы и весьма прочной позолоты съ типичною иконописью второй половины XVIII в. По всѣмъ этимъ остаткамъ отчасти только можно судить о стилѣ и характерѣ Сумскаго Успенскаго монастыря въ періодъ его былаго благоденствія. Кромѣ этихъ памятниковъ отъ этого монастыря болѣе ничего не осталось: все остальное исчезло безслѣдно. Даже и изъ того, что оставалось въ сохранившемся Всѣхсвятскомъ храмѣ къ половинѣ XIX в. и что было описано Преосвящ. Филаретомъ¹⁾, уже теперь далеко не все имѣется въ наличности, а иконостасъ и иконопись передѣланы въ немъ до неузнаваемости сравнительно съ прежнимъ. И это еще сравнительно счастливая судьба останковъ монастырскихъ. Отъ другихъ монастырей нашего края остались одни только пустыри, да народныя преданія...

Однакоже при всемъ этомъ нашъ край еще остается не бѣднымъ памятниками церковной старины и даже старины весьма почтенной. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены деревянныя храмы. Немного ихъ осталось у насъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже и въ позднѣйшихъ передѣлкахъ все же сохранили немало типическихъ чертъ первоначальныхъ церквей: опытный глазъ легко распознаетъ ихъ среди позднѣйшихъ деталей.

¹⁾ Историко-Статистич. описаніе Харьковской епархіи. Харьк. 1859 г. отд. I, стр. 221—250.

Но имѣются среди этихъ храмовъ и такіе, которые въ точности воспроизводятъ форму древнѣйшую, напр., Архангело-Михайловская церковь села Артемовки, Харьк. у., Троицкая с. Черкаскаго-Бишкина, Зміев. у. и другіе. Немало сохранилось и древнѣйшихъ каменныхъ храмовъ XVII—XVIII вв. двухъ типовъ: примитивно-деревяннаго и бароко. Въ подобныхъ храмахъ еще сохраняются свв. иконы, сосуды, облаченія и иконостасы старинной работы. Съ половины XVIII в. сталъ проникать въ нашу губернію и роскошный Растрелліевскій стиль церковныхъ сооружений: храмовъ и иконостасовъ. Памятники этого стиля счастливо сохранились въ видѣ знаменитаго для нашего края Ахтырскаго собора и иконостаса Харьковскаго Каѳедральнаго собора, на какихъ памятникахъ несомнѣнно лежитъ печать творческаго генія этого знаменитаго архитектора (разумѣемъ Растреллі отца). Во многихъ храмахъ мѣстнаго типа сохранились отъ XVIII вѣка крупныя и мелкія сооружения также этого растрелліевскаго стиля, иногда въ истинно художественныхъ образцахъ: напр., кіоты для мѣстнотимыхъ свв. иконъ, металлическія оклады иконъ и евангелій, блюда, чаши и дарохранительницы, являющіяся настоящими художественными сокровищами нашихъ церквей, достойныя самого тщательнаго береженія и изученія.

Значительное археологическое богатство въ нашемъ краѣ составляютъ также и тѣ храмы, которые хотя сравнительно недавно построены, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., однако въ высшей степени примѣчательны: во 1-хъ архитектурными своими особенностями, напр., храмы классическаго типа, лучшія образцы котораго имѣются въ видѣ обширнѣйшаго храма сл. Каплуновки, Богодух. у., и изящнаго храма сл. Большаго Бурлука, Волч. у., храмы тоновской архитектуры, напр. въ сл. Николаевкѣ 2-й Волч. у., и разныхъ переходныхъ стилей, и во 2-хъ своими художественными сокровищами—образцами русскаго искусства первой половины XIX в., и искусства западно-европейскаго, какъ напр. Софіевская церковь сл. Стратилатовки, Изюм. у., съ драгоцѣнными иконами кисти знаменитыхъ Венеціанова и Боровиковскаго, Ахтырскій соборъ съ картинами Мурильо (предположительно) и др.

Несомнѣнно, что, не смотря на массу совершенно

исчезнувшихъ памятниковъ старины, въ подвалахъ, кладовыхъ и ризницахъ многихъ нашихъ храмовъ имѣются еще предметы археологической цѣнности, неизвѣстные пока только потому, что до нихъ не добрался еще пытливый глазъ любителя и изслѣдователя старины. О полной возможности дальнѣйшихъ новыхъ находокъ въ этой области свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что доселѣ настойчивыя поиски въ подобныхъ храмахъ оказывались въ большей или меньшей степени удачными. При всемъ этомъ мы знаемъ, что немало цѣнныхъ церковныхъ древностей въ нашемъ краѣ разсѣяно и случайно сохраняется по частнымъ домамъ, въ привилегированныхъ семьяхъ и у крестьянъ, часто не понимающихъ и не предполагающихъ, какая археологическая рѣдкость въ ихъ рукахъ. Это свв. иконы фамилыные или случайно приобрѣтенныя, картины религіознаго содержанія, старопечатныя или старописанныя священныя книги. Намъ извѣстно, что въ XVIII в. у старожиловъ нашего края были въ большомъ распространеніи иконы-картины символическаго характера, нерѣдко отъ частныхъ лицъ переходившихъ затѣмъ и въ храмы, какъ напр. икона Спасителя „Недреманное Око“, картина: „птица пеликанъ“ и др. У частныхъ лицъ въ старину, у дворянъ и горожанъ, имѣлись нерѣдко портреты знаменитыхъ Святителей и церковныхъ дѣятелей, иногда художественнаго достоинства и подлиннаго сходства; такъ, были распространены и теперь случайно открываются у нихъ портреты Св. Іосафа Чудотворца, Св. Тихона Задонскаго, Епископа Харьковскаго Мелетія и др. Нерѣдко предметы церковной древности открываются на торжищахъ и базарахъ, какъ напр. недавно найденная на базарѣ печать 1817 года Павла Сабатовскаго, Епископа Харьковскаго. Чаще всего находится здѣсь, такіе церковныя предметы, какъ лампы, подсвѣчники, ковщи, блюда и т. п., а иногда ручныя и тѣльныя кресты...

Сохраняющееся еще богатство памятниковъ церковной старины въ нашемъ краѣ—безспорно чрезвычайно цѣнно въ научно-археологическомъ отношеніи. Уже въ настоящее время намѣчаются тѣ стороны церковнаго искусства и мѣстной старины, которые могутъ быть выяснены изученіемъ этихъ памятниковъ. Исторія и пути колонизаціи нашего края, значеніе приходскихъ общинъ и дворянскаго класса

къ характерѣ храмоздательства, элементы нашего мѣстнаго церковнаго искусства, архитектурныя и иконописныя формы слиянія искусства западнаго, мѣстнаго и московскаго,—вотъ вопросы важные и любопытные въ характерѣ историческаго уклада нашего края, уже теперь нѣсколько разъясняемые, а въ будущемъ, несомнѣнно, еще ярче и шире могущіе быть разрѣшенными путемъ изученія вещественныхъ остатковъ нашей церковной древности. Самобытность такъ называемаго теперь украинскаго искусства въ области церковнаго зодчества, иконописи, рѣзьбы, шитья и орнаментовъ,—вопросъ въ высшей степени важный для русскаго искусства. Для своего выясненія онъ требуетъ большой осторожности, безпристрастія и безусловной фактичности. Церковное украинское искусство, несомнѣнно, слагалось изъ разнообразныхъ элементовъ. Определить эти послѣдніе—дѣло необходимое, но и не легкое. Можетъ быть въ Малоросіи оно нигдѣ не подвергалось столь перекрестному вліянію разныхъ общественно-бытовыхъ теченій, какъ въ нашей губерніи. Здѣсь сталкивалось мѣстное народное творчество съ московскимъ вліяніемъ, польскимъ, западно-европейскимъ: проникало сюда въ область искусства и старообрядческое вліяніе, занесшее въ нашу страну массу очень древнихъ и типичныхъ иконъ, крестовъ, рукописныхъ и старопечатныхъ книгъ. Были здѣсь моменты своеобразныхъ конфискацій предметовъ будто-бы отзывавшихся униатскимъ характеромъ. Такъ, во второй половинѣ XVIII в. по распоряженію Бѣлгородской Консисторіи были по всей епархіи нашей отбираемы богослужебныя книги и изображенія львовской и старокіевской печати и въ массахъ своихъ отправляемы въ Бѣлгородскій церковный архивъ, откуда потомъ исчезли безслѣдно. Взамѣнъ ихъ по епархіи распространялись новѣйшія печатныя богослужебныя книги. Чтобы во всемъ этомъ разобраться и выснить роль и значеніе чисто мѣстнаго церковно-художественнаго творчества, надобно широко и настойчиво изслѣдовать дошедшіе до насъ разнообразные памятники церковной старины, особенно чисто народные, бытоваго характера.

Какъ ни равнодушна была въ прежнее время наша мѣстная общественность къ изученію своей церковной старины, однако же общерусское оживленіе интереса къ па-

мятникамъ древности въ концѣ концовъ захватило съ половины XIX в. и нашъ Харьковскій край. Наша мѣстная старина вообще, и въ частности церковная, начинаетъ обращать на себя вниманіе съ этого времени. Создается необходимость изученія и увѣковѣченія ея, приступаютъ къ ея обзорѣнію на мѣстахъ, появляются первые научные труды изъ этой области. Въ самое послѣднее время уже выступаютъ на это поприще ревностные дѣятели, привлекаются къ этому дѣлу кружки и общества, возникаютъ учрежденія по изученію церковной старины,—настанетъ время, несомнѣнно, обезпечивающее уже цѣлость нашей церковной старины и успѣхи ея научнаго дальнѣйшаго обследованія.

Поистинѣ отцомъ нашей Харьковской археографіи мы должны назвать Пресвященнаго Филарета (Гумилевскаго), Архіепископа Харьковскаго (1848—1859), положившаго дѣйствительное начало изученію Харьковской церковной старины своимъ замѣчательнымъ, научнымъ трудомъ, изданнымъ имъ подъ названіемъ: „Историко-Статистическое описаніе Харьковской епархіи. Въ V томахъ. Харьковъ. 1859“¹⁾. Пресвященный авторъ съ поразительнымъ трудолюбіемъ собралъ здѣсь всѣ, доступныя ему, историко-статистическія свѣдѣнія о городахъ, селеніяхъ, монастыряхъ, храмахъ и населеніи Харьковской епархіи, а также и о всѣхъ вещественныхъ памятникахъ древнѣйшаго прошлаго нашей страны: городищахъ; развалинахъ, могилахъ, остаткахъ крѣпостей, находкахъ древнихъ монетъ, оружія и т. п. Не ограничиваясь упоминаніемъ о нихъ, онъ пытается разгадать значеніе этихъ памятниковъ при помощи интереснѣйшихъ историческихъ сближеній, предположеній и лѣтописныхъ данныхъ. Эта часть его труда невольно возбуждала къ серьезнѣйшимъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ этихъ памятниковъ нашей стороны. Въ своемъ трудѣ авторъ публикуетъ массу драгоцѣннѣйшихъ и древнѣйшихъ документовъ по исторіи нашей страны и церкви, которые онъ только могъ добыть и подлинники большинства которыхъ уже теперь не существуютъ. Добытый имъ и здѣсь собранный матеріалъ чрезвычайно важенъ въ научномъ отношеніи, какъ фундаментальный и основной для изученія нашей старины.

¹⁾ Это изданіе было разослано по всѣмъ церквамъ Харьковской епархіи. Въ настоящее же время оно имѣется только въ немногихъ изъ нихъ. Изданіе сдѣлалось библиографическою рѣдкостью.

Самое важное значеніе этого труда въ томъ, что въ немъ впервые указаны, названы и документированы со стороны своей давности всѣ важнѣйшія древности нашего края, которыми дотоле не интересовались и о существованіи которыхъ не подозрѣвали. Здѣсь открыта завѣса, за которою скрывалась мѣстная старина. Здѣсь показана перспектива многовѣковаго прошлаго нашего края, богатая для научнаго изслѣдованія и важная для правильнаго уясненія бытоваго уклада Слободской Украины.

Преосвященный авторъ безспорно привлекъ огромное вниманіе образованнаго общества къ нашей старинѣ. Указавъ на важность вещественныхъ памятниковъ церковной древности нашего края, онъ не занялся подробнымъ изслѣдованіемъ ихъ, но предоставилъ это будущимъ поколѣніямъ. Поэтому трудъ Преосвященнаго Филарета легъ въ основу и сдѣлался отправною точкою почти всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій старины нашего края.

По пути Преосвящ. Филарета дальнѣйшіе шаги были сдѣланы профессорами Харьковского Университета Д. П. Багалѣемъ и Ю. К. Рѣдинымъ, замѣчательными и ревностными изслѣдователями мѣстной старины.

Проф. Д. П. Багалѣй въ 1887 году издалъ свое огромное ученое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Москва“. Хотя здѣсь главное вниманіе свое авторъ посвящаетъ вопросу колонизаціи нашего края, но мимоходомъ, какъ бы въ дополненіе къ труду Преосвящ. Филарета, сообщаетъ массу новыхъ найденныхъ имъ документовъ и свѣдѣній по церковной исторіи нашего края и о разныхъ памятникахъ церковной древности. Со свойственною ему научною эрудиціей онъ разъясняетъ нѣкоторые важнѣйшіе вопросы касательно исторіи Св. Горъ, устройства и характера первыхъ монастырей и церквей и быта духовенства нашего края. Въ недавно законченномъ имъ (въ 1912 г.) и изданномъ Харьковскимъ Городскимъ Управленіемъ двухтомномъ историко-бытовомъ описаніи г. Харькова онъ, между прочимъ, даетъ богатѣйшій матеріалъ и по бытовой исторіи Харьковскаго городского духовенства и археографіи церковныхъ древностей г. Харькова. Въ то же время въ многочисленныхъ своихъ мелкихъ историко-археологическихъ статьяхъ,

рефератахъ и замѣткахъ проф. Д. И. Багал'ѣй сообщаетъ немало вообще научныхъ данныхъ, способствующихъ уясненію разнообразныхъ вопросовъ нашей церковной старины.

Но за послѣднее время никто не оказалъ такихъ крупныхъ заслугъ для изученія нашихъ церковныхъ древностей какъ недавно умершій проф. Е. К. Рѣдинъ¹⁾.

Будучи профессоромъ искусства въ Харьковскомъ Университетѣ, Е. К. Рѣдинъ съ самаго начала своей научной дѣятельности проявлялъ особенное тяготѣніе къ древне-христіанскому искусству. Ученыя степени онъ получилъ сперва за сочиненіе; „Кіево-Софійскій соборъ, изслѣдованіе его мозаичной и фресковой живописи“ (1888 г.), а потомъ за диссертацию: „Мозаика Равенскихъ церквей“ (1896 г.) и былъ командированъ для ученыхъ занятій въ монастыри Аѳона. Вмѣстѣ съ этимъ онъ чрезвычайно интересовался мѣстной стариной и въ этой области заявилъ себя необыкновенными трудами. Какъ неутомимый, ревностный, незнавшій устали и не щадившій себя собиратель и изслѣдователь памятниковъ мѣстной старины, онъ не зналъ себѣ равнаго. Благодаря ему Университетскій Музей изящныхъ искусствъ обогатился нѣсколькими новыми обширными отдѣлами. Въ это время былъ подготовленъ и устроенъ въ г. Харьковѣ XII Археологическій Съѣздъ. Душою этого Съѣзда былъ Е. К. Рѣдинъ. При своей гигантской работоспособности онъ смогъ организовать при Съѣздѣ обширнѣйшую выставку древностей, размѣстить и научно каталогизировать ее. Для насъ въ особенности здѣсь должны остаться незабвенны его труды по собранію и организаціи при Съѣздѣ, а послѣ Съѣзда при Университетѣ обширнѣйшаго отдѣла церковныхъ древностей Харьковскаго края. Предварительно онъ предпринималъ обширныя поѣздки по губерніи для собиранія по монастырямъ и церквамъ памятниковъ церковной старины. Трудъ, настойчивость, горячая любовь къ своему дѣлу, обширныя знанія и пониманіе нашей старины, проявленная имъ въ это время, были изумительны. Созданная имъ выставка церковныхъ древностей оказалась необыкновенно богатою, интересною, поучительною, съ любовью и ученостію составленною: она имѣла особый успѣхъ на Съѣздѣ. По окончаніи Съѣзда

¹⁾ См. Памяти проф. Е. К. Рѣдина. Харьковъ. 1909 г.

онъ настоялъ на оставленіи большинства церковныхъ экспонатовъ въ Музеѣ Университета и устроить здѣсь великолѣпный отдѣлъ этихъ древностей: съ любовью, бережливостію и художественною красотою размѣстить, научно съ глубокимъ знаніемъ дѣла описать и каталогизировать ихъ. Отдѣлъ этотъ былъ истиннымъ его дѣтищемъ, и нынѣ составляетъ украшеніе Университетскаго Музея. При массѣ матеріала отдѣлъ этотъ поражаетъ цѣнностію собранныхъ предметовъ. Здѣсь имѣются рѣдкія по художественности и древности: украинская иконостасная рѣзьба, иконопись, церковное шитье, утварь, деревянная скульптура и т. п. Интереснѣйшую часть отдѣла составляетъ обширная коллекція фотографій церквей и церковныхъ древностей, сдѣланныхъ самимъ В. К. Рѣдинымъ и собранныхъ имъ отъ другихъ.

Объ оригинальнѣйшей находящейся здѣсь украинской иконѣ „Недреманное око“ онъ издалъ свое ученое изслѣдованіе (Харьковъ 1908 г.). О церквахъ же города Харькова онъ составилъ прекраснѣйшее историко-археологическое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Матеріалы къ изученію церковныхъ древностей Украины. Церкви г. Харькова. Харьковъ 1905 г.“. Несомнѣнно, что въ дальнѣйшемъ онъ могъ бы и еще многое сдѣлать, можетъ быть, не столько для собиранія церковныхъ древностей, сколько для ихъ обстоятельнаго научнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію смерть рано подкосила его, отнявъ у науки самоотверженнаго работника, а у мѣстной церкви ревностнаго охранителя ея старины...

Въ области мѣстной церковной археологіи громадную роль сыгралъ и вышеупомянутый нами XII Археологическій Съѣздъ въ Харьковѣ 1902 года. До Съѣзда археологія въ районѣ нашего края поработала еще немного. Обширныя же и планомѣрныя археологическія изысканія здѣсь поведены были только въ связи съ означеннымъ Съѣздомъ. И то, что было добыто Съѣздомъ, даетъ богатый и интереснѣйшій вкладъ, между прочимъ, и въ церковную археографію нашего края древнѣйшаго, домонгольскаго періода ¹⁾.

Съ этимъ временемъ оживленія интереса къ нашимъ церковнымъ древностямъ совпадаетъ появленіе въ мѣстной

¹⁾ Научные труды этого Съѣзда были изданы подъ заглавіемъ: „Труды XII Археологическаго Съѣзда въ г. Харьковѣ 1902 г. т. I и II. Москва 1905 г.“.

духовной литературѣ разнообразныхъ историко-статистическихъ описаній монастырей и церквей епархіи, во главѣ которыхъ надобно поставить ученый и обширный трудъ проф. Т. П. Буткевича: „Историко-статистическое описаніе Харьковскаго Каѳедральнаго Собора. Харьковъ 1894 г.“¹⁾

Значительную общественную роль въ возбужденіи вниманія къ украинской церковной старинѣ играютъ появившіеся въ наше время въ Харьковѣ художественные кружки, задавшіеся цѣлю собиранія, изученія и популяризаціи образцовъ древне-украинскаго искусства, въ томъ числѣ и главнымъ образомъ церковнаго. Во главѣ ихъ надобно поставить художника С. Васильковскаго, спеціалиста въ художественномъ воспроизведеніи Малороссіи въ ея настоящемъ и прошломъ. Глубокую любовь онъ имѣетъ къ мѣстной церковной старинѣ. Путешествуя по разнымъ концамъ юга Россіи и нашей губерніи, онъ всюду пишетъ этюды со старинныхъ церквей и монастырей, часто воспроизводя особенно примѣчательное въ этой области въ разныхъ видахъ и моментахъ. Высокохудожественныя картины его этого рода несомнѣнно воспитываютъ въ обществѣ хорошей и глубокой вкусъ къ мѣстной церковной старинѣ и интересъ къ ея памятникамъ. Прекрасная коллекція его картинъ съ изображеніемъ старинныхъ церквей нашего края имѣется въ Харьковскомъ Городскомъ Музеѣ, отдѣльныя же его работы этого рода во множествѣ разсѣяны у любителей художественной старины изъ мѣстнаго общества. Нерѣдко его изображенія старинныхъ церквей оказываются цѣнными помимо художественныхъ достоинствъ еще и потому, что эти церкви теперь уже не существуютъ. Таковы его картины: церкви въ Сватовой Лучкѣ, Куп. у., XVIII в. бывшей на берегу р. Свахи, „Рождество-Богородичной въ сл. Мерефѣ, Харьк. у., сгорѣвшей въ 1878 г.“

¹⁾ Извѣстны обстоятельныя описанія монастырей: Еп. Стефана: „Куряжскій Преображ. монастырь. Харьковъ 1902 г.“; Гр. Ковалевскаго „Святогорская Общежительная пустынь (Одесса. 1902 г.)“; Свящ. І. Попова „Верхо-Харьковскій, Стрѣлечій женскій монастырь (Харьк. 1913 г.)“; „Св.-Дмитріевскій Ряснянскій монастырь (Харьковъ 1911 г.)“; Свящ. Н. Стеллецкаго „Вознесенскій Хорошевскій монастырь (Русскій Паломникъ 1890 г.)“; Историко-Статистич. описанія церквей: Троицкой г. Бѣловодска, Староб. у.; Крестоводвиженской, Благовѣщенской и Воскресенской г. Харькова, и др.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ послѣднее время для памятниковъ церковной древности Харьковскаго края наступила вполне благоприятная пора. Недоставало только объединенія заботъ о нихъ въ одномъ компетентномъ для этого учрежденіи. Эту послѣднюю и самую важную задачу въ области мѣстной церковной археографіи и рѣшилъ осуществить Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій. Съ самаго начала своего святительства на Харьковской кафедрѣ (съ 1903 г.) онъ былъ озабоченъ вопросомъ о мѣстныхъ церковныхъ древностяхъ не только въ смыслѣ ихъ собранія и храненія, но и въ смыслѣ обезпеченія дальнѣйшаго ихъ изученія въ епархіи научными силами. Уже въ 1903 году имъ было задумано учредить церковный Музей и Церковно-Археологическое Общество при немъ. Церковныя древности, подлежавшія послѣ XII Археологическаго Съѣзда возвращенію церквамъ и монастырямъ, по его распоряженію были препровождены въ Духовную Семинарію для временнаго образованія здѣсь Музея. Въ тоже время по его указаніямъ былъ выработанъ и Уставъ Епархіальнаго Музея. Намѣчены были тогда же и положенія объ учрежденіи Археологическаго Общества. Но для дальнѣйшаго осуществленія этихъ начинаній во всей ихъ желаемой широтѣ возникло препятствіе въ отсутствіи надлежащаго мѣста для Музея и Общества. Высокопреосвященный Владыка намѣчалъ это послѣднее въ проэктированномъ имъ Епархіальномъ Домѣ. Прошли годы, прежде чѣмъ создались условія благоприятныя для устройства этого давно необходимаго епархіи и духовенству Епархіальнаго Дома. Наконецъ, въ истекшемъ 1912 г. давно лелѣянная мысль Владыки была осуществлена. Епархіальный Домъ былъ устроенъ и въ немъ приготовлено прекрасное помѣщеніе и для Музея. 11 Мая того же года Высокопреосвященный Владыка утверждаетъ вновь выработанный Уставъ Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Общества и Музея при немъ и открываетъ мѣсто для нихъ въ новоустроенномъ Епархіальномъ Домѣ. Главными задачами новоучрежденному Обществу были указаны: а) объединеніе мѣстныхъ научныхъ силъ для заботъ о церковныхъ древностяхъ Харьковской епархіи, б) храненіе и изученіе церковныхъ древностей на мѣстахъ ихъ находженія въ епар-

хін и в) собраніе, храненіе и изученіе ихъ въ Епархіальномъ Музѣѣ.

То, что уже сдѣлано всѣми этими усиліями послѣдняго времени въ области мѣстной церковной археографіи, представляется и теперь настолько богатымъ, поучительнымъ и интереснымъ, что возникаетъ возможность научно классифицировать установленныя памятники церковной древности и сдѣлать изъ нихъ нѣкоторые важные выводы для уясненія характера нашей мѣстной церковной старины. Первую попытку въ этомъ отношеніи и составляетъ этотъ нашъ трудъ. Мы будемъ держаться строго фактической почвы, имѣя въ виду добытое доселѣ и уясненное.

Прот. П. Оолингъ.

(Продолженіе будетъ).

Познаніє свѣрхчувственнаго міра.

(Продолженіе)*).

XII.

На приведенные примѣры дарвинисты отвѣчаютъ, что „отсутствіе измѣненій при естественномъ подборѣ, можетъ быть, происходитъ оттого, что борьба за существованіе была менѣе упорна вълѣдствіе меньшаго количества конкурирующихъ видовъ“. Иногда же, по объясненію дарвинистовъ, эта борьба за существованіе „прерывается и очень неправильно относ. предметовъ или упорства, съ которымъ она ведется“¹⁾. Но такія объясненія прямо противорѣчатъ теоріи Дарвина. Если принять во вниманіе быструю размножаемость организмовъ (въ особенности, низшихъ), то, при существованіи немногихъ видовъ, въ особенности близкихъ по организациі, или даже между особями того же вида, конкуренція должна быть самой сильной, какъ то утверждалъ самъ Дарвинъ. Слѣдовательно въ такихъ случаяхъ появленіе новыхъ видовъ „болѣе приспособленныхъ“ всего скорѣе должно было бы происходить. На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, бываетъ обратное. Я приведу еще одинъ примѣръ. Нѣкоторые виды папоротниковъ и теперь еще существуютъ на Кавказѣ, которые весьма мало отличаются отъ папоротниковъ каменноугольнаго періода, отдѣленнаго отъ насъ на десятки милліоновъ лѣтъ. Каждая особь этихъ папоротниковъ, напр. *Osmunda L.* и *Cyathea Sm.*, когда она способна къ размноженію, выпускаетъ ежегодно цѣлые билліоны ми-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2 за 1913 г.

¹⁾ *A. R. Wallace, Le Darwinisme, trad. par H. de Varigny, pag 186 et. 203. цитир. по Б. Н. Чичорину, Полож. филос. Прилож. стр. 7*

кроскопическихъ жизнеспособныхъ споръ. Слѣдовательно шансы на распространеніе этихъ папоротниковъ были весьма велики, а равно и шансы на сильнѣйшую „борьбу за существованіе“ и на появленіе новыхъ видовъ. Однако всего этого не произошло, несмотря на „десятки милліоновъ лѣтъ“ ихъ существованія!

Какъ мы видѣли на мутаціяхъ, водоизмѣненія у растеній происходятъ по другимъ причинамъ, не зависящимъ отъ „борьбы за существованіе“. Внѣшнія условія, правда, вліяютъ на ростъ растенія гораздо больше, чѣмъ на ростъ животныхъ, способныхъ передвигаться съ мѣста на мѣсто: по случайныя условія ихъ жизни, видоизмѣняющія ростъ особи, весьма рѣдко передаются по наслѣдству. Такъ напр., очень распространенный у насъ ростъ можетъ произрастать на различной почвѣ, при довольно различныхъ условіяхъ. Гдѣ-нибудь подъ заборомъ въ сухомъ мѣстѣ на твердой почвѣ онъ достигаетъ роста всего въ 4 до 6 вершковъ; а во влажномъ мѣстѣ или на навозной кучѣ онъ можетъ достигнуть высоты въ три аршина. При этомъ не только стебель и листья, но и цвѣты и сѣмена его тоже бываютъ больше. Но эти качества не повторяются у его потомства, если сѣмена попадутъ въ неблагоприятныя условія. Слѣдовательно переживаніе особей и видовъ растеній зависитъ не отъ „борьбы за существованіе“, а отъ жизненныхъ условій. Изъ билліоновъ споръ папоротника *Osmunda* только немногія прозябаютъ, а изъ нихъ еще меньшее число развивается до совершеннаго растенія. Если таковыхъ выростетъ много рядомъ, то погибаютъ не тѣ, которые менѣе „приспособлены“, а тѣ, которые находятся въ худыхъ условіяхъ жизни. То же случается со всѣми растеніями, размножающимися спорами; то же бываетъ и съ тѣми растеніями, сѣмена которыхъ переносятся теченіями воздуха, какъ напр. у одуванчика и осота. То же случилось и съ евангельскимъ свѣтелемъ; то же бываетъ со всѣми сѣменами.

Между тѣмъ опыты Де-Фриза и другихъ показали, что и при вполне одинаковыхъ условіяхъ появляются мутаціи, т. е. новыя разновидности, способныя сохранять свои особенности въ ряду нѣсколькихъ поколѣній. Итакъ главная причина появленія новыхъ видовъ растеній не кроется въ „борьбѣ за существованіе“. О таковой можно говорить, и то

съ натяжкой, только у паразитическихъ растеній, каковы омела, ліаны, лишай, мхи и друг. Таковыя при сильномъ размноженіи могутъ погубить дерево, на которомъ они живутъ. Но эта гибель не производитъ новыхъ видовъ дерева, которые были бы способнѣе бороться съ паразитами.

У растеній борьбы за существованіе въ смыслѣ Дарвина, очевидно, вовсе не существуетъ. Искусственный отборъ челоуѣка у культурныхъ растеній обходится безъ таковой; онъ основанъ: 1) на улучшеніи условіи питанія и роста (при помощи удобренія, прививки, окулировки, обрѣзки побѣговъ и не нужныхъ частей растенія, теплоты и свѣта и т. п.); 2) на произвольномъ отборѣ болѣе интересныхъ видоизмѣненій и на сочетаніи таковыхъ при оплодотвореніи съ одновременной изоляціей ихъ отъ другихъ разновидностей; 3) на скрещиваніи. Тѣ же условія и причины должны дѣйствовать и во всей природѣ.

XIII.

Дарвинъ употребляетъ свой терминъ „борьба за существованіе“ „въ смыслѣ обширномъ и метафорическомъ, разумѣя подъ нимъ всякую зависимость одного живого существа отъ другого, а также не только существованіе особи, но и способы ея размноженія“¹⁾. „Такъ, поясняетъ Дарвинъ, и про растеніе на окраинѣ пустыни можно сказать, что оно борется съ засухой, хотя болѣе правильно говорить, что оно зависитъ отъ влаги“²⁾. „Про нѣсколько сѣянокъ омелы, всходящихъ одна около другой на древесной вѣткѣ, можно сказать въ смыслѣ болѣе точномъ, что онѣ борются между собою“ (Тамъ же). Такъ широко пониманіетъ Дарвинъ свой терминъ; однако и въ такомъ широкомъ смыслѣ его терминъ все же не можетъ объяснить процессовъ эволюціи и появленія новыхъ видовъ: все это совершается благодаря какимъ-то силамъ, скрытымъ въ зародышѣ сѣмени. Еслибы одними внѣшними условіями созда-

1) Ч. Дарвинъ, цитир. соч. стран. 51. Въ такомъ смыслѣ слово „борьба“ неудачно. Каждый организмъ зависитъ и отъ воздуха, и отъ свѣта и тепла, однако съ нимъ никакой борьбы не ведетъ, въ особенности „за существованіе“.

2) Тамъ же.

вались новые организмы: то при тѣхъ же условіяхъ жили бы организмы только одного вида. Между тѣмъ дѣйствительность показываетъ противное. На одномъ клочкѣ земли могутъ жить рядомъ и десятокъ и больше видовъ и родовъ растеній; на одномъ стволѣ пиновника у искусснаго цвѣтовода съ года въ годъ цвѣтеть нѣсколько разновидностей розъ, привитыхъ посредствомъ очка къ тому же стволу; на одной яблонѣ можетъ созрѣвать нѣсколько сортовъ яблокъ и грушъ; въ одной каплѣ воды уживается нѣсколько видовъ инфузорій и микроорганизмовъ; у человѣка въ полости рта живетъ до 20 видовъ микробовъ. Въ одной рѣкѣ могутъ жить до 50 видовъ рыбъ: столько видовъ рыбъ, водившихся въ нижнемъ Дунаѣ около его устья, описалъ Овидій въ своемъ дошедшемъ до насъ стихотвореніи *Nalicutica*. Но кромѣ рыбъ, тамъ водятся и змѣи, и лягушки, и раки, и водяные жуки, и пауки, а равно и разные микроорганизмы до лихорадочныхъ плазмодій включительно. Все это было бы невозможно, еслибы эволюція видовъ зависѣла только отъ внѣшнихъ условій. Эволюція какъ видовъ, (*phylogenesis*) такъ и особи (*ontogenesis*) главнымъ образомъ зависятъ отъ другихъ силъ, которыя заключаются въ самомъ организмѣ и въ зародышѣ сѣмени или яичка. Отъ двухъ клѣточекъ съ подобнымъ зародышомъ въ нѣсколько недѣль и не больше 11 мѣсяцевъ развивается совершенное млекопитающее безъ всякой борьбы за существованіе¹⁾. Почему же природѣ понадобились десятки милліоновъ лѣтъ съ борьбой за существованіе, чтобы папоротникъ каменноугольнаго періода слегка измѣнился. Это измѣненіе такъ незначительно, что неспеціалистъ его и не замѣтитъ.

Терминъ Дарвина „борьба за существованіе“ можетъ имѣть нѣкоторое оправданіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда одно животное пожираетъ и уничтожаетъ другое, или же когда опредѣленный видъ животныхъ уничтожаетъ опредѣленные виды растеній. Но и въ послѣднемъ случаѣ не имѣется настоящей борьбы. Въ этомъ случаѣ растенія не борются съ травоядными: нѣкоторые виды растеній могутъ погибнуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ они подвержены окончательному уничтоженію со стороны травоядныхъ; но тако-

¹⁾ Ср.: Чичеринъ, цитир. соч. стран. 8.

выхъ никогда не водилось въ такомъ количествѣ, чтобы уничтожить всѣ растенія одной мѣстности, а тѣмъ менѣе это возможно на всей поверхности земли. Травоядныя, какъ извѣстно, размножаются медленно и имѣютъ много враговъ не только между хищниками, но и между насѣкомыми, змѣями и др.¹⁾ Самъ Дарвинъ признаетъ удивительное равновѣсіе въ природѣ между различными организмами обоихъ царствъ²⁾.

Итакъ, еслибы въ одной мѣстности даже были истреблены нѣкоторыя распространенныя травы или злаки, то ничто не мѣшало бы размножаться тѣмъ же видамъ въ другихъ мѣстахъ и уединенныхъ уголкахъ, куда не забиралось множество травоядныхъ, способное истребить всѣ травы; а оттуда со временемъ могли бы переноситься сѣмена въ мѣста опустошенныя³⁾.

Если бы въ теченіе вѣковъ были истреблены всѣ травоядныя въ тропическомъ поясѣ Африки ядовитой мухой тсе-тсе; то они могли бы размножаться въ другихъ странахъ, что и оказывается на дѣлѣ. Наоборотъ, новый видъ, появившійся въ средней Африкѣ въ немногихъ особяхъ, погибъ бы отъ ядовитой мухи раньше, чѣмъ онъ успѣлъ бы размножиться и распространиться.

Итакъ борьба за существованіе даже тамъ, гдѣ она дѣйствительно имѣется, не должна вести ни къ вымиранію старыхъ видовъ, родовъ и семействъ, ни къ появленію новыхъ.

Что же касается борьбы конкурентовъ между живот-

1) Такъ напр., въ средней Африкѣ не могутъ распространяться наши домашнія животныя единственно по той причинѣ, что тамъ живетъ ядовитая муха тсе-тсе, укусъ которой смертеленъ для животныхъ. Слѣдовательно въ этой части Африки могутъ вымереть эти животныя, хотя бы они были отлично приспособлены къ климату и къ растительности этихъ странъ.

2) *Ч. Дарвинъ*, О происх. видовъ, цитир. пер. стран. 59. „Въ цѣломъ силы уравновѣшены съ такою точностью, что общій видъ природы остается неизмѣннымъ въ продолженіе долгихъ временъ“.

3) Впрочемъ, таковыхъ вполне опустошенныхъ мѣстъ не находили путешественники во вновь открываемыхъ странахъ съ значительнымъ числомъ травоядныхъ, которыя живутъ стадами. Въ пустыняхъ же, правда, не имѣется травъ, но тамъ не имѣется и настоящихъ травоядныхъ въ дикомъ состояніи: жирафъ, какъ извѣстно, питается листьями деревьевъ.

ними того же вида или родственныхъ видовъ, то таковая, дѣйствительно, иногда обнаруживается у хищниковъ въ видѣ инстинктивной вражды. Такъ напр., овчарка и борзая собака инстинктивно враждуютъ съ волкомъ и лисицей; но эта вражда не ведетъ къ вымиранію какого-нибудь изъ этихъ видовъ. Волкъ и лиса остерегаются собакъ и избѣгаютъ ихъ, сохраняя свою породу въ мѣстахъ, мало посѣщаемыхъ человекомъ и собаками.

Самымъ сильнымъ врагомъ и истребителемъ является человекъ; но онъ появился на землѣ только въ послѣднюю геологическую эпоху. Между тѣмъ десятки тысячъ видовъ, въ томъ числѣ и мамонты и мастодонты, вымерли на землѣ до появленія этого сильнѣйшаго истребителя. Слѣдовательно вымираніе бываетъ и независимо отъ истребителей, независимо отъ борьбы за существованіе.

XIV.

Больше всего враждуютъ между собою люди и народы. Въ первобытномъ состояніи постоянно воюетъ одно племя съ сосѣдними племенами, и побѣдившее безпощадно обращается съ побѣжденнымъ. При возникновеніи большихъ государствъ войны становятся значительно рѣже, но зато онѣ кровопролитнѣе. Въ нихъ часто берутъ верхъ не самые сильные и приспособленные; а самые жестокіе. Развѣ греки, побѣжденные римлянами, были менѣе сильны, менѣе культурны, менѣе приспособлены къ жизни? Равнымъ образомъ нельзя утверждать, что побѣдившіе въ „борьбѣ за существованіе“ или на войнѣ будутъ совершенствоваться въ своемъ развитіи. Развѣ гунны, авары (обре), хазары, печенѣги, половцы (куманы), монголы золотой орды въ свое время не одержали верхъ надъ многими культурными народами, въ томъ числѣ и надъ Русью? А гдѣ они теперь? что отъ нихъ осталось!? Гибель аваръ (обръ) вошла въ пословицу. Какъ это объяснить съ точки зрѣнія дарвинистовъ, выводящихъ все совершенствованіе и все развитіе изъ борьбы за существованіе и не признающихъ въ эволюціи иныхъ силъ, кромѣ физическихъ? Крайніе дарвинисты, въ родѣ Геккеля и Бючли, упускаютъ изъ виду, что „неприспособленные“ тѣломъ иногда бывали очень сильны духомъ. Иногда даже болѣзненные и слабые здоровьемъ люди производили умственные

перевороты на цѣлыя вѣка. Такъ напр., извѣстно, что Декартъ, Паскаль, Спиноза, Ньютонъ, Локкъ, Кантъ физически были слабы и хилы, въ особенности въ раннемъ возрастѣ¹⁾; Тѣмъ не менѣе дѣла этихъ свѣтилъ ума человѣческаго оставили слѣдъ въ культурѣ на много вѣковъ; между тѣмъ упомянутые завоеватели, въ свое время одержавшіе верхъ въ борьбѣ, пропали безслѣдно. Поучителенъ и примѣръ заселенія Америки. Переселившіеся въ Америку пришлые европейцы благодаря своему умѣнію пользоваться силой пороха и спирта, истребили американскія краснокожія племена на насиженныхъ ими мѣстахъ, къ которымъ они вѣками были вполне приспособлены: нѣкоторыя изъ этихъ племенъ отличались и дарованіями и даже имѣли древнюю культуру. Итакъ, въ борьбѣ за существованіе между людьми не всегда выживаютъ болѣе „приспособленные“ и болѣе „способные“. Въ борьбѣ между народами имѣютъ значеніе многіе факторы: и сила физическая, и численное превосходство, и способность размножаться, и характеръ, и деньги, и умъ, и знанія, и дисциплина, и главнымъ образомъ, безпощадность по отношенію къ врагамъ и могущимъ сдѣлаться таковыми. Последнее качество важнѣе всякой „культурности“: имъ-то особенно возвысились западные завоеватели, живущіе на счетъ другихъ народовъ. Все это для виду прикрывается благозвучной фразой носительства культуры!

Итакъ самая сильная „борьба за существованіе“ оказывается у homo sapiens, который совершеннѣе всѣхъ животныхъ. У животныхъ она бываетъ только у сравнительно немногихъ,—у хищниковъ; а у растеній ея вовсе не имѣется: у нихъ вытѣсненіе одного вида другимъ происходитъ безъ борьбы, по другимъ причинамъ. Животныя, несомнѣнно, умнѣе растѣній (у послѣднихъ даже вовсе отрицается всякій умъ); между животными хищники несравненно умнѣе травоядныхъ; а человѣкъ умнѣе всѣхъ животныхъ, слѣдовательно и хищниковъ. Такимъ образомъ оказывается, что съ увеличеніемъ ума въ ряду организмовъ увеличивается и „борьба за существованіе“; слѣдовательно послѣдняя обу-

¹⁾ Первые три даже умерли очень рано: Декартъ на 52-омъ году отъ роду, Паскаль на 39-омъ, а Спиноза на 45-омъ году жизни. И Аристотель, хотя и былъ врачъ и сынъ царскаго врача, однако не отличался крѣпкимъ здоровьемъ.

сложена умомъ, а не наоборотъ, какъ то ошибочно предполагаетъ Дарвинъ и его послѣдователи.

Эта борьба или вѣрнѣе вражда, у человѣка не всегда ведется „за существованіе“: у болѣе культурныхъ народовъ она чаще ведется по другимъ причинамъ: 1) изъ-за власти, т. е. вслѣдствіе желанія господствовать; 2) вслѣдствіе жадности, т. е. желанія овладѣть чужимъ достояніемъ; 3) вслѣдствіе тщеславія правителей и народовъ; 4) вслѣдствіе желанія распространить свою вѣру и свои учрежденія; 5) вслѣдствіе желанія свободы личной и политической; 6) по капризу правителей. Не даромъ сказалъ одинъ остроумный французъ, что еслибы носъ царицы Клеопатры былъ длиннѣе или шире на одинъ сантиметръ, то политическая карта Римской имперіи измѣнилась бы еще во время молодости Клеопатры. Ту же мысль можно примѣнить и къ прекрасной Еленѣ. Еслибы ея носъ былъ длиннѣе или толще, то мы не имѣли бы теперь ни Гомера, ни всѣхъ его подражателей; мы не имѣли бы и раскопокъ Шлимана и другихъ, послѣдовавшихъ за нимъ, изслѣдователей.

Такимъ образомъ у *homo sapiens*, у самаго сильнаго, самаго распространеннаго и самаго умнаго звѣря (выражаясь по дарвиновски) дѣйствительно ведется борьба, не только упорная, но и самая ожесточенная. Однако она ведется не „за существованіе“, а гораздо чаще за другія „блага“, которыя весьма часто оказываются сомнительными.

XV.

Въ предыдущемъ изслѣдованіи относ. теоріи Дарвина мы убѣдились, что „борьба за существованіе“ сильнѣе всего у человѣка, но что она обусловлена его умомъ и эгоизмомъ; но у хищныхъ животныхъ она не должна вести къ вымиранію видовъ, пожираемыхъ хищниками; у травоядныхъ и у растений борьбы почти не существуетъ. Такимъ образомъ оказывается, что этотъ терминъ Дарвина, въ его широкомъ и метафорическомъ смыслѣ, можетъ имѣть примѣненіе только къ весьма ограниченному числу животныхъ; но и въ этомъ случаѣ „борьба за существованіе“ не производитъ того, что ей приписываетъ Дарвинъ, а именно—лучшей приспособляемости и совершенствованія борющихся или вымиранія пожираемыхъ хищниками животныхъ. Вымираніе обнаружи-

вается и въ царскихъ династіяхъ, и въ аристократическихъ родахъ, и у богатѣйшихъ капиталистовъ: причина тому, ужъ, конечно, не „борьба“ и не „отсутствіе приспособленности“. Причина вымиранія видовъ, по всему вѣроятію, та же, что и появленія новыхъ видовъ и новой жизни. Какъ жизнь особи имѣетъ свой предѣлъ, такъ и жизнь вида: развиваясь до опредѣленной степени, видъ останавливается въ этомъ развитіи и наконецъ вымираетъ въ силу основныхъ условій жизни, которыя намъ еще неизвѣстны. Почему одни виды скорѣе вымерли, чѣмъ другіе, намъ тоже неизвѣстно¹⁾.

Итакъ теорія Дарвина должна быть ограничена и исправлена въ значительной степени. Пока можно принять только слѣдующія положенія: 1) типъ вида сохраняется только въ общихъ чертахъ; 2) въ особяхъ того же вида постоянно обнаруживаются индивидуальныя особенности; 3) только нѣкоторыя изъ этихъ особенностей передаются по наследству и служатъ основаніемъ появленія разновидности или новаго вида; 4) передача по наследству новыхъ признаковъ зависитъ отъ внутреннихъ причинъ, т. е. силъ, скрытыхъ въ зародышѣ; 5) самый фактъ наследственности представляетъ собою тайну, пока еще не разгаданную учеными; но во всякомъ случаѣ, ни этотъ фактъ, ни вообще основныя процессы жизни не могутъ быть объяснены механическими законами физики и химіи, что пытались сдѣлать неодарвинисты Геккель и отчасти Вейсманъ. 6) Дарвиновъ терминъ „борьба за существованіе“ долженъ быть упраздненъ не только относ. растеній, но и животныхъ. Въмѣсто него въ нѣкоторыхъ случаяхъ по отнош. къ хищникамъ могутъ быть примѣнены выраженія „истребленіе“ или „борьба изъ-за добычи“. 7) Уже первые организмы палеозоическаго періода, просуществовавшіе милліоны лѣтъ, были жизнеспособны; слѣдовательно ихъ цѣлесообразное устройство есть первичное свойство организма, а не результатъ „борьбы за существованіе“: таковой борьбы даже

¹⁾ Я склоненъ думать, что тѣ виды, особи которыхъ живутъ тысячу и больше лѣтъ, *ceteris paribus* проживутъ дольше тѣхъ, особи которыхъ живутъ только нѣсколько мѣсяцевъ или годовъ. Такъ напр., тысячелѣтній папоротникъ, потому, не долженъ вымереть такъ скоро, какъ какой-нибудь грибокъ. Слонокъ, живущій до 300 лѣтъ, *ceteris paribus* долженъ вымереть позже, чѣмъ кроликъ или заяць.

по возрѣніямъ у Дарвина, не могло быть въ началѣ ихъ жизни. 8) Общая эволюція и усовершенствованіе нѣкоторыхъ организмовъ (не всѣ новые организмы представляютъ собою большее совершенство) зависятъ не отъ внѣшнихъ, а главныхъ образомъ отъ первичной цѣлесообразности жизни. 9) Дарвиновымъ „естественнымъ отборомъ“ при унаслѣдованіи полезныхъ признаковъ уже предполагается разумъ, отбирающій полезное и отвергающій бесполезное. 10) „Половымъ отборомъ“ Дарвина, выставленнымъ имъ въ позднѣйшихъ его сочиненіяхъ, также предполагается сознательный или бессознательный разумъ. (Впрочемъ, половой отборъ имѣетъ весьма ограниченное примѣненіе только у нѣкоторыхъ высшихъ позвоночныхъ). 11) Такъ же и всѣ способы самозащиты отъ враговъ могутъ быть объяснены только врожденнымъ первичнымъ разумомъ животнаго, т. е. инстинктомъ ¹⁾).

XVI

Итакъ, цѣлесообразность въ жизни организмовъ присуща имъ изначально: она не могла появиться изъ ничего, изъ слѣпой борьбы физическихъ силъ, которая дѣйствуетъ по законамъ причинности, необходимымъ роковымъ образомъ. Цѣлесообразному устройству организмовъ удивлялись философы и естествоиспытатели еще въ глубокой древности. Еще Демокритъ и Анаксагоръ понимали это. Въ средніе вѣка объясняли всѣ жизненные явленія одной жизненной силой. Конечно, такое объясненіе такъ же мало удовлетворительно въ наукѣ, какъ и объясненіе всѣхъ физическихъ и духовныхъ процессовъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ Божества. Поэтому еще Декартъ пытался объяснить явленія небесныя (движенія планетъ и возникновеніе всей солнечной системы) механическими законами физики. То же онъ пытался сдѣлать и относ. жизни животныхъ, которыхъ уподоблялъ машинамъ. Это механистическое направленіе держалось въ физиологіи до недавней поры. Только за послѣднія сорокъ лѣтъ стало пробивать себѣ до-

¹⁾ Таково напр. явленіе „мимикри“, т. е. подражаніе у нѣкоторыхъ животныхъ (бабочекъ, жуковъ, гусеницъ) цвѣту и формѣ окружающихъ предметовъ, которые или безразличны или противны врагамъ даннаго животнаго.

рогу новое направленіе въ истолкованіи жизни. Въ философіи положилъ начало тому Эд. фонъ-Гартманъ въ своей „Философіи Безсознательнаго“¹⁾; въ ней онъ рядомъ фактовъ изъ жизни и дѣятельности животныхъ и челоуѣка доказываетъ наличность разума, который не сознается дѣйствующимъ, но который дѣйствуетъ цѣлесообразно, для сохраненія жизни въ особи и видѣ (родѣ). Подобное воззрѣніе выставили и новѣйшіе біологи и фізіологи подъ названіемъ „неовитализма“; они предполагаютъ въ организахъ особыя силы (энтелехія, доминанты, детерминанты, монады и т. п.) которыя дѣйствуютъ постоянно и планомѣрно, цѣлесообразно; онѣ кореннымъ образомъ отличаются отъ всѣхъ намъ извѣстныхъ физическихъ силъ. Только наличностью подобныхъ не физическихъ силъ объяснены даже фізіологическіе процессы организмовъ.

Г. Фонъ-Бунге относительно механическаго воззрѣнія на жизнь говоритъ слѣдующее: „Чѣмъ подробнѣе, многостороннѣе, основательнѣе мы стремимся изслѣдовать жизненные явленія; тѣмъ болѣе мы приходимъ къ убѣжденію, что процессы, въ возможность объясненія которыхъ съ физич. и химич. точки зрѣнія мы уже были увѣрены, являются по природѣ своей гораздо болѣе запутанными и не допускаютъ пока никакого механическаго объясненія. Мы думали, наиримѣръ, что явленія поглощенія, всасыванія пищи въ кишечникъ можно свести къ законамъ диффузіи и эндосмоса. Но теперь мы знаемъ, что отношеніе стѣнокъ кишечника во время всасыванія иное, чѣмъ у мертвыхъ оболочекъ. Мы знаемъ, что стѣнка кишечника одѣта эпителиальными клѣтками, и что каждая клѣтка сама по себѣ есть организмъ, живое существо, съ функціями въ высшей степени сложными. Мы знаемъ, что путемъ активныхъ сокращеній своего пласматическаго тѣла эта клѣтка принимаетъ пищу точно такимъ же загадочнымъ образомъ, какой мы наблюдаемъ у свободно живущихъ одноклѣтчатыхъ животныхъ—амебъ, корненожекъ... Теперь мы знаемъ, что выборъ при принятіи пищи—годное прини-

¹⁾ *Ed. v. Hartmann, Philos des Unbewussten Berlin. 1869, 9 Aufl. 1882, 11 Aufl. 1904. 1 Band. (Имѣется) свободное изложеніе на русскомъ языкѣ по 2 нѣм. изд. А. Козлова. М. 1873—75.*

мать, а негодное или вредное отбрасывать—свои свойства въмѣть одноклѣточнымъ организмамъ“¹⁾).

По тому же вопросу *Рейнке* говоритъ слѣдующее: „Изслѣдователь неизбежно натывается на нѣкоторый иксъ (X), на факторъ, который какъ бы глумится надъ всѣми попытками объяснить жизнь физическими и химическими процессами. И этотъ иксъ, по словамъ Рейнке... вмѣшивается повсюду, во всѣ процессы питанія; онъ представляется такимъ существеннымъ факторомъ всего механизма жизни, что однѣхъ химическихъ и физическихъ силъ оказывается недостаточно даже для того, чтобы поддерживать жизнь въ самомъ несовершенномъ организмѣ. Мы принуждены признать въ физиологiи самостоятельную науку, методы изслѣдованія которой далеко не исчерпываются одной физикой и химіей“²⁾).

Такого же телеологическаго направленія придерживается и нашъ проф. *В. А. Фаусекъ*, говоря: „Господствующая школьная біологiя или замазываетъ, затушевываетъ, замалчиваетъ фактъ существованія въ жизненномъ процессѣ явленій, неаналогичныхъ явленіямъ неорганическаго міра, или прямо его отрицаетъ. Я думаю, говоритъ проф. *В. А. Фаусекъ*, что эта неаналогичность живой природы съ неживой существуетъ, и мы должны это признать. Мы можемъ отказаться предварительно отъ всякаго объясненія, не предлагать никакой новой теорiи, никакой новой причины—но не должны отрицать извѣстныхъ вещей только оттого, что никакъ не можемъ ихъ объяснить, и удовлетворяться мнимыми объясненіями. Жизненные явленія, продолжаетъ проф. *Фаусекъ*, характеризуются не тѣмъ, что это—„чрезвычайно сложныя химико-физическія явленія“, которымъ мы не можемъ пока дать механическаго объясненія въ силу ихъ сложности, но тѣмъ, что это—специфическія явленія, заключающія въ себѣ при своей физико-химической основѣ нѣчто такое, чего нѣтъ въ физико-химическихъ явленіяхъ мертвой природы, чего мы тамъ никакъ не можемъ найти“³⁾).

¹⁾ *G. von Bunge*, Lehrbuch der Physiologie des Menschen, 1901, I Kap. ср. также его же Lehrb. d. physiol. u. patholod. Chemie 1886, Kap. Mechanismus und Vitalismus.

²⁾ *I. Reinke*. Die Welt als That, III Kap.

³⁾ *В. А. Фаусекъ*. Сборникъ статей „Сущность жизни“ стр. VП, СІВ. 1903).

XVI

Другіе біологи, чувствуя недостаточность однѣхъ извѣстныхъ намъ физическихъ и химическихъ силъ, предполагаютъ особыхъ дѣятелей подъ разными названіями, каковы: геммулы, пангены или біофоры. Ихъ нельзя видѣть подъ микроскопомъ будто потому, что они по размѣру меньше того, что можно видѣть подъ микроскопомъ; но и таковыхъ они представляютъ себѣ матеріальными, составленными изъ извѣстной намъ матеріи. Подобныя гипотезы, по справедливому замѣчанію Рейнке, нисколько не устраняютъ затрудненій: и эти мельчайшія частицы матеріи, въ свою очередь, должны быть управляемы чѣмъ-то специфическимъ, отличнымъ отъ обычной мертвой матеріи, т. е. „доминантами“¹⁾.

Одинъ изъ старыхъ зоологовъ. А. Вейсманъ до старости былъ сторонникомъ теоріи отбора Дарвина и Уэллеса, объясняя ею всю цѣлесообразность въ развитіи видовъ (филогенезъ) а равно и развитіе особи (онтогенезъ); однако въ последнемъ своемъ капитальномъ сочиненіи онъ по поводу теоріи зародышевой пласмы все же дѣлаетъ уступку телеологическому объясненію, согласно съ Рейнке. А именно по этому поводу онъ говоритъ слѣдующее: „Въ зародышевой пласмѣ должно находится нѣчто, переменна чего (вѣрнѣе—дѣятельность чего) измѣняетъ опредѣленную частицу опредѣленнаго отдѣла (эмбриона). Это нѣчто—„предрасположенія“ („Anlagen“), т. е. детерминанты (то же, что Рейнке называетъ „доминантами“ съ тѣмъ различіемъ, что Рейнке ихъ не считаетъ матеріальными). Ихъ не должно представлять себѣ ни въ видѣ миниатюрныхъ образовъ, говоритъ Вейсманъ, ни прямо въ видѣ сѣменныхъ тѣлецъ опредѣленной части, но онѣ измѣняютъ клѣточку, въ которой онѣ начинаютъ дѣйствовать... И я себѣ представляю развитіе непрерывнымъ, продолжаетъ Вейсманъ, но такъ, что *изнутри отъ зародыша субстанции исходятъ постоянно новыя отклоняющія и опредѣляющія вліянія*“²⁾.

Двумя страницами дальше Вейсманъ продолжетъ: „Такимъ образомъ мы получаемъ со всѣхъ сторонъ указанія,

¹⁾ *Reinke*, Philos. d. Botanik 1905. 4. Kap. S. 53—55.

²⁾ А. Weismann, Vorträge über Descendenztheorie, Jena 1902. I. Bd. S. 438. Сравнить также Vorwort S. VI u. VII).

что зародышевая плазма обязана своей чудесной силой развитія не только ея физико-химическимъ качествамъ въ ихъ совокупности... но тому обстоятельству, что она состоитъ изъ множества, и притомъ разнообразныхъ, предрасположеній“, т. е. изъ группъ живыхъ единицъ. Таковыя снабжены жизненными силами, способными принимать активное участіе свойственнымъ имъ особеннымъ образомъ; но онѣ способны оставаться и пассивными, въ скрытомъ состояніи, пока на нихъ не подѣйствуетъ разряжающее возбужденіе, влѣдетвіе чего онѣ получаютъ способность преемственно вліять на развитіе. Зародышевая клѣтка не можетъ быть простымъ организмомъ: она, по необходимости, представляетъ собою построеніе весьма различныхъ организмовъ или единицъ—цѣльи микрокосмъ“¹⁾.

Этотъ выводъ, согласный съ телеологическими объясненіями Рейнке Вейсманъ сдѣлалъ на основаніи изслѣдованій нашего профессора Ковалевскаго, а затѣмъ—и van Rees'a. Эти ученые доказали, что въ куколкѣ мухъ (*Muscidae*) изъ распавшагося кишечника личинки остаются на значительномъ разстояніи жизнеспособныя клѣтки, которыя растутъ и размножаются и такимъ образомъ формируютъ клѣточные острова. Эти острова постепенно увеличиваются, пока не встрѣтятся съ сосѣдними, чтобы съ ними соединиться и образовать новый связанный кишечникъ для будущаго совершеннаго насѣкомаго (*Imagodarm*). Этотъ новый кишечникъ совершенно различенъ по формѣ и раздѣленію отъ кишечника личинки. Это новообразование и Вейсманъ объясняетъ тѣмъ, что въ уцѣлѣвшихъ отъ прежняго кишечника клѣткахъ, „должны заключаться элементы, которые опредѣляютъ потомство клѣтокъ по числу, способности размноженія, по размѣщенію и гистологической дифференцировкѣ,—другими словами, въ каждой изъ уцѣлѣвшихъ клѣтокъ говоритъ Вейсманъ, должны заключаться дерминанты для опредѣленной отмежеванной части будущаго кишечника насѣкомаго“²⁾.

Эти соображенія, принятія Вейсманомъ, безспорно, убѣдительны, такъ какъ подобнаго планомѣрнаго процесса ни-

¹⁾ Ibid. pag. 440.

²⁾ Ibid. pag. 435.

какъ не объяснишь слѣпыми матеріальными силами — ни физическими, ни химическими, ни законами физики и химіи, ни даже естественнымъ отборомъ: послѣдній не можетъ объяснить даже вымиранія „неприспособленныхъ“ организмовъ и прогрессирующаго развитія, а еще менѣе—метаморфозу личинки,—превращеніе одного животнаго, живущаго въ водѣ, въ другое, живущее въ воздухѣ,—въ насѣкомое.

Но не только метаморфозы насѣкомыхъ не могутъ быть объяснены механическими законами и силами. Даже самое питаніе, ростъ и размноженіе простѣйшей клѣточки или же комочка протоплазмы не поддаются механистическому объясненію. По этому поводу Рейнке говоритъ слѣдующее: „Для поддержанія роста однѣхъ химическихъ силъ оказывается недостаточнымъ. Только подъ вліяніемъ особыхъ импульсовъ, вещества могутъ комбинироваться такъ, что изъ нихъ создается протоплазма, клѣточные ядра, внутренніе и внѣшніе органы... Зародышъ растеній и животныхъ доводится до опредѣленной величины и формы взрослага организма благодаря дѣятельности нѣкоего невидимаго строителя“¹⁾. „Внѣшнія силы никогда не превратили бы яйце-кѣтки въ готовое растеніе безъ направляющаго дѣйствія импульса“. „Одинъ первый импульсъ (правильнѣе, наличность „строителя“) призывавъ къ жизни эволюціонную дѣятельность организма, создаетъ рядъ такихъ структуръ, которыя слѣдуютъ одна за другой, какъ бы по строго предначертанному плану строенія“²⁾.

Еще болѣе убѣдительные факты противъ механическаго объясненія жизненныхъ процессовъ представляютъ факты размноженія и наследственности, берущіе начало отъ одной или двухъ клѣтокъ. Такъ, наиримѣръ, общезвѣстенъ фактъ, что при посредствѣ одного сперматозоида (малой микроскопической клѣточки, коихъ 500 милліоновъ вмѣщаются въ одну кубическую линію) унаследуются отъ отца сыномъ всѣ тѣлесныя и духовныя способности; эти особенности опять черезъ малую клѣточку, даже минуя сына, передаются внуку³⁾. Если при этомъ принять во вниманіе и психическія способности отца, которыя состоятъ изъ квинтиліоновъ психическихъ

1) Reinke, Die Welt... Cap. V.

2) Ibid.

3) Cp. G. von Bunge, loco cit.

элементовъ ¹⁾: то передача всего этого черезъ одну маленькую клѣточку съ точки зрѣнія физико-химической представляется неразрѣшимой загадкой. „Физика, химія и анатомія, говоритъ *Bunge*, оставляютъ насъ здѣсь совершенно безпомощными“ ²⁾. „Зародышевая клѣтка, говоритъ *Reinke*, является посетительницей особенностей даннаго вида изъ поколѣнія въ поколѣніе; въ строеніи своемъ она соединяетъ зачатокъ всѣхъ клѣтокъ и всего внѣшняго расположенія взрослага организма“. „Въ зародышевую клѣтку должны были до ея отдѣленія отъ материнской внѣдриться до известной степени всѣ свойства каждой отдѣльной клѣтки и всего растенія въ его совокупности... Такъ, напримѣръ, отводокъ ивы можно раздѣлить на множество кусочковъ, длиною въ нѣсколько миллиметровъ, и опытный экспериментаторъ сумѣетъ изъ cadaго такого кусочка вырастить новое ивовое дерево съ корнями, листьями, цвѣтами и плодами. Такіе факты, говоритъ *Reinke*, заставляютъ предполагать, что вообще въ каждой клѣткѣ даже высоко организованнаго растенія дремлютъ импульсы размноженія, которые только должны быть вызваны къ жизни (приведены въ дѣятельное состояніе) для того, чтобы дать начало новой особи“. „Наслѣдственность, по мнѣнію *Reinke*, состоитъ въ томъ, что всѣ свойства отца и матери концентрируются въ зародышевой клѣткѣ въ такой формѣ, которая не поддается изученію ни химическимъ ни микроскопическимъ путемъ. Здѣсь они дѣйствуютъ въ качествѣ импульса къ развитію на зародышъ и заставляютъ его развиваться въ особъ того же самаго вида“. „При наслѣдственности дѣйствуютъ силы, придающія веществу видъ клѣтокъ, изъ которыхъ эти же силы путемъ различнаго ихъ расположенія создаютъ зданіе, какъ каменщикъ дѣлаетъ его изъ кирпичей“ ³⁾. Въ заключительной XI главѣ *Reinke* эти „импульсы“, или „силы“ называетъ „доминантами“, соотвѣтственно „доминирующимъ монадамъ“ *Лейбница* и „силамъ второго порядка“ *Лотце* ⁴⁾.

¹⁾ См.: *H. C. Проданъ*. О памяти, 2-ое изд. I ч. стр. 61—70; и II ч. гл. XII стр. 364—367.

²⁾ *G. v. Bunge* *Loco cit.*

³⁾ *Reinke*, *op. cit.* Cap. VII.

⁴⁾ *Ibid.* XI. Ср. также *J. Reinke*, *Philosophie der Botanik*, L. 1905, Kap. 4.

Такимъ образомъ и жизнь клѣтки, и еще менѣе процессы сложныхъ организмовъ не могутъ быть поняты и объяснены безъ предположенія особыхъ силъ, не физическихъ, которыя дѣйствуютъ постоянно и цѣлесообразно, создавая изъ мертвой матеріи живой организмъ. Тѣ же или подобныя имъ силы управляютъ жизнью и отдѣльныхъ клѣтокъ, и цѣлыхъ организмовъ—какъ растений, такъ и животныхъ.

XVIII.

Какъ мы видѣли въ настоящемъ изслѣдованіи, ученые физики давно уже поняли необходимость предполагать въ природѣ субстанціи, т. е. постоянныхъ носителей качествъ. Этими субстанціями до послѣдняго времени считались атомы. Кромѣ атомовъ, физика не можетъ обойтись и безъ силъ, которыя представляютъ собою невидимыя причины, производимыхъ движеній и измѣненій. И атомы, и силы, какъ мы видѣли, не познаются чувствами, т. е. чувственными впечатлѣніями. Еще менѣе это возможно относ. законовъ природы, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ. Все это представляетъ собою результаты очень сложныхъ умственныхъ операций, основанныхъ на длинныхъ рядахъ наблюденій. Самыя наблюденія невозможны безъ воли, вниманія, памяти и ума; все это—качества духа, а не матеріи. Слѣдовательно сама физика, какъ наука, невозможна безъ познанія сверхчувственного и безъ познающаго духа. А гипотеза матеріализма тѣмъ болѣе представляетъ собою плодъ дѣятельности духа. Эта дѣятельность, правда, ошибочна, но все же ея не можетъ быть въ мертвой матеріи физиковъ.

Еще сложнѣе и еще болѣе запутанными оказались у новѣйшихъ естествоиспытателей 19-го вѣка понятія о жизни. Подъ предвзятыми возрѣніями матеріализма, нѣкоторые изъ нихъ пошли на переборъ здравому смыслу, стараясь жизнь свести къ законамъ движенія и механики. Начало этому заблужденію было положено еще Декартомъ, который считалъ животныхъ машинами. Это возрѣніе еще въ срединѣ 18-го вѣка было перенесено французскимъ врачомъ Дэ-ля-Метри и на человѣка ¹⁾: такимъ образомъ было положено основаніе новѣйшему матеріализму. Даже такіе выдающіеся ученые и

¹⁾ *De-la-Mettrie, L'homme machine, Leyden 1748.*

наблюдатели 19-го вѣка, какъ Ч. Дарвинъ и Э. Геккель, не разобрались въ вопросахъ о жизни, принявъ причину за слѣдствіе: они не понимали, что въ понятіяхъ „полезнаго“, „приспособляемости“ и „развитія“ уже предполагается разумъ, и цѣлесообразность, которую они изъ нихъ же старались вывести, какъ нѣчто производное, позднѣйшее. Объясняя „возникающую“ цѣлесообразность и совершенствованіе организмовъ въ ряду поколѣній, они уже заранѣе предположили разумный отборъ „полезныхъ“ признаковъ при передачѣ ихъ по наслѣдству, и разумную дѣятельность въ самыхъ фактахъ приспособляемости. Такимъ образомъ они возвращаются въ логическую кругу, замаскированномъ разными словами, но содержащими тотъ же признакъ „разума“: цѣлесообразность (т. е. разумъ) они выводятъ изъ того же заранѣе предположеннаго разума.

Новѣйшіе біологи пришли къ выводамъ, подобнымъ нашимъ, на основаніи тщательныхъ наблюденій жизненныхъ процессовъ и въ особенности микроорганизмовъ и клѣтокъ-монадъ. Какъ мы видѣли, самые выдающіеся между новѣйшими біологами признаютъ въ процессахъ живыхъ организмовъ дѣятельность особыхъ силъ, различныхъ отъ силъ физики и химіи. Эти силы подъ различными наименованіями (доминантъ, детерминантъ, монадъ, энтелехій, зоофоръ, геммуль и т. п.) имѣютъ то общее, что онѣ 1) дѣйствуютъ самопроизвольно, хотя и могутъ оставаться скрытыми, если къ ихъ дѣятельности не создались благоприятныя условія. 2) При наличности необходимыхъ условій онѣ дѣйствуютъ постоянно ¹⁾. 3) Эти жизненныя силы дѣйствуютъ планомерно и цѣлесообразно. Уклоненія отъ цѣли бываютъ рѣдко, и не противорѣчатъ общему правилу. 4) Эти жизненныя силы, различныя отъ физическихъ, должны

¹⁾ На эту особенность этихъ силъ еще не обращено вниманіе ученыхъ. Я полагаю, что онѣ дѣйствуютъ постоянно, но съ періодическими перерывами. То же я предполагаю и относ. физическихъ силъ, которыя я отождествляю съ моими „физическими монадами“. (См. *И. С. Проданъ*, Организация души, отрывокъ изъ новой эволюціонной монадологіи, Юрьевъ 1905, стр. 14—16): Подтвержденіе моему мнѣнію дано три года тому назадъ въ открытіи періодической радіактивности разныхъ металловъ.

быть духовными или, по крайней мѣрѣ, „духоподобными“¹⁾).

Итакъ нашимъ изслѣдованіемъ доказано, что длиннымъ путемъ наблюденій и разсужденій ученые приходятъ къ познанію того, что непосредственно не воспринимается чувствами — къ познанію силъ, причинъ, цѣлей и духовныхъ существъ. Уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ возможность научной метафизики, т. е. познаніе сверхчувственного міра. Этотъ вопросъ мы разсмотримъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

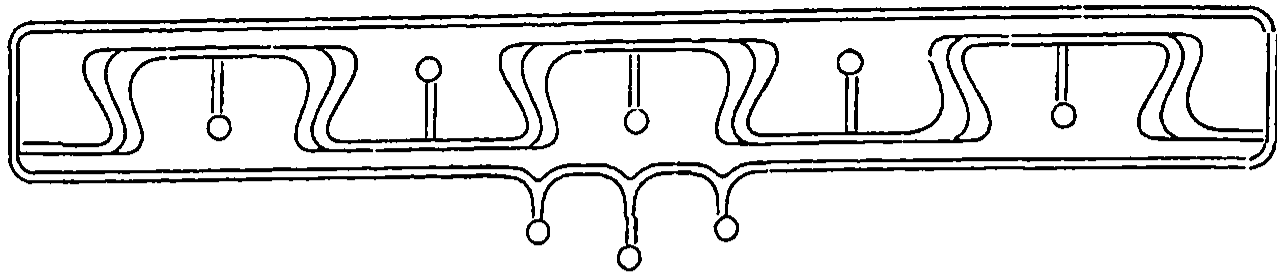
И. С. Проданъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Этого воззрѣнія придерживаются „психо-виталисты“ напр.: Г. фонъ-Бунге, Ад. Вагнеръ, Г. Вольфъ, Дришъ, Неймейстеръ, Паули, Франсэ, Эргардтъ и отчасти Кюльпе (См. *Kultur* Einleitung in die Philosophie 3 Aufl. 1903, § 23, S. 224—226; 4 Aufl. S. 231.

Рейнке. Риндфлейшъ, Шнейдеръ безъ основанія полагаютъ, что эти жизненныя силы погибаютъ вмѣстѣ со смертію организма. Изъ того факта, что съ разрушеніемъ организма не обнаруживается больше дѣятельность жизненныхъ силъ (по моему, монада) отнюдь не слѣдуетъ, что самыя эти силы перестали существовать; вѣдь тѣ же силы дремлютъ въ сѣменахъ иногда много лѣтъ ничѣмъ не обнаруживая своей дѣятельности.

ВЪРА БЕЗЪ ТВЕРДОЙ ПОЧВЫ.

(По поводу минувшей 50-лѣтней годовщины со дня смерти писателя
Н. А. Добролюбова).

Посылаемое на каменистыхъ мѣстахъ означаетъ того, кто слышитъ слово, и тотчасъ съ радостію принимаетъ его; но не имѣетъ въ себѣ корня и непостояненъ: когда наступитъ скорбь или искушеніе за слово, тотчасъ соблазнется.
(Ев. Матѣ. XIII, 20, 21).

17 Ноября 1911 года исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго критика Н. А. Добролюбова. Талантливый юноша, оставившій за короткое время своей жизни—онъ умеръ 25 л. отъ роду—не мало замѣчательныхъ трудовъ. Личность его настолько выдающаяся, что даетъ право коснуться разсмотрѣнія ея и въ отношеніи религіозномъ. И минувшій юбилей, отмѣченный современной свѣтской литературой всѣхъ лагерей и оттѣнковъ, по справедливости долженъ быть поводомъ къ оцѣнкѣ этой выдающейся личности и въ духовной литературѣ. Добролюбовъ представляетъ собою любопытный религіозный типъ, типъ человѣка далеко не чуждаго вѣры, но и типъ человѣка, у котораго вѣра не имѣла твердой почвы, была не тверда и при искушеніи поколебалась, а столкнувшись съ несчастіями и совѣмъ почти заглохла.

Очеркъ этого религіознаго состоянія Добролюбова, я и имѣю ввиду изложить на основаніи краткихъ біографическихъ данныхъ о немъ и его сочиненій.

Оцѣнка личности Добролюбова со стороны религіозной представляется тѣмъ болѣе интересной, что онъ, какъ по

происхожденію и домашнему воспитанію, такъ и по первоначальному школьному образованію принадлежалъ къ духовной средѣ, и религіозный элементъ у него былъ такимъ образомъ доминирующимъ. Н. А. Добролюбовъ родился 24 Января 1836 года въ Нижнемъ Новгородѣ. Отецъ его, священникъ Никольской церкви и законоучитель Нижегородскаго „канцелярскаго училища“ о. Александръ Ивановичъ былъ человѣкъ недюжиннаго ума, строгій характеромъ и сильный волею, мать же его Зинаида Васильевна—отличалась доброю и отзывчивою душой. Добролюбовъ росъ въ кругу довольно многочисленной семьи, но рано сталъ отличаться отъ своихъ братьевъ и сестеръ необыкновеннымъ умственнымъ развитіемъ. Замѣчательная острота ума, впечатлительность и наблюдательность мальчика, сдѣлали его любимцемъ родителей, ихъ гордостью. Но тѣмъ не менѣе, воспитаніе его было проникнуто строгостью какъ вообще въ патриархальныхъ семьяхъ, а особенно духовныхъ, ревностию чѣмъ другія сохранившихъ завѣты суровой старины. Въ семьяхъ духовенства и теперь, несмотря на современную свободу воспитанія, за нѣкоторыми исключеніями, еще не угасъ духъ стариннаго Домостроя. Что же нужно сказать о томъ времени когда родился Добролюбовъ—30-хъ годахъ XIX вѣка.

Но надобно знать, что вѣковыя традиціи, уцѣлѣвшія и до сихъ поръ, въ то отдаленное время были въ полной силѣ и обвинять каго-либо въ томъ, что онъ въ данномъ случаѣ „отступилъ отъ правды“, значитъ не только не знать, но и не понимать исторіи быта русскаго народа и общества и его культуры.

Знаменитый поэтъ-печальникъ народный Некрасовъ такими мѣткими штрихами очертилъ жизнь Добролюбова: „бѣдное дѣтство въ домѣ бѣднаго сельскаго священника, бѣдное полуголодное ученье; потомъ 4 года лихорадочнаго, неутомимаго труда и, наконецъ, годъ за границей, проведенный въ предчувствіи смерти“. Вотъ жизнь Добролюбова.

Кому не извѣстенъ бытъ нашего духовенства, живущаго добротными даяніями! Отъ наблюдательнаго взгляда не укрывается это пресловутое „богатство“—богатство нищеты и лишеній, нерѣдко кладущее на благодушныхъ даже людей отпечатокъ суровости. Нижегородская епархія и нынѣ пользуется репутаціей бѣдной, духовенство которой

крѣпко сжато въ тискахъ нищеты. „Нигдѣ, кажется, нѣтъ столь бѣднѣйшаго положенія священно-служителей, какъ здѣсь“,—отзывается объ этой епархіи нынѣшній ея Архiepастырѣ (Еп. Іоакимъ, обращеніе его къ духовенству епархіи въ 1911 г.). Не лучшимъ было положеніе духовенства и раньше, въ началѣ минувшаго столѣтія. И если Некрасовъ въ чемъ ошибся, такъ это въ словахъ, что Добролюбовъ—сынъ „сельскаго“ священника; во всемъ же остальномъ онъ правъ.

Матеріальная приниженность, кладя печать нѣкоторой черствости на духовенство, поддерживала въ немъ строгость отношеній къ себѣ, самодѣятельность, самоуглубленіе, стремленіе къ порядку и жизни по строго-начертаннымъ правиламъ поведенія, стойкость духа, непоколебимость въ терпѣніи. Жизненные испытанія духовенство несло какъ скорбный крестъ Христовъ; и во имя непреложнаго закона „многими скорбями надлежитъ намъ войти въ царствіе Божіе“ (Дѣян. XIV, 24) шло безропотно тѣсными вратами земной жизни, стараясь закалить духъ въ страданіяхъ. Женщины въ духовныхъ семьяхъ, имѣли особенно чувствительное, отзывчивое сердце, всячески смягчая естественную суровость своихъ отцовъ, мужей, дѣтей, сестеръ и братьевъ.

Не исключеніемъ была и семья Добролюбовыхъ. Какъ ни рисуютъ нѣкоторые біографы либеральнымъ главу семьи, но его либерализмъ выражался въ одномъ признаніи способностей сына, признаніи, которое не исключало требованій подчиненія непрекословной родительской волѣ. Мать Добролюбова была безконечно добра и чувствительна и это обстоятельство особенно отмѣчено въ его біографіи. Къ матери онъ питалъ глубокую любовь: любилъ правда и отца, но только разсудочною любовью—за его справедливость, предъ матерью же буквально благоговѣлъ. И это чувство къ ней зародилось безъ сомнѣнія раньше чувства къ отцу. Оно оказалось сильнѣе вѣры.

Годы ученія еще болѣе тяжелымъ гнетомъ легли на живую душу способнаго мальчика. Сухая постановка учебнаго дѣла въ тогдашней бурсѣ не оказала должнаго вліянія на его душу, не насадила въ немъ глубокой вѣры. Правда, какъ говоритъ одинъ біографъ Добролюбова, онъ былъ „самымъ набожнымъ человекомъ въ Нижнемъ, считалъ за грѣхъ

напитъся чаю въ праздничный день до обѣдни, послѣ исповѣди до причастія даже воды не пилъ, всегда усердно молился, съ глубокимъ чувствомъ“. Къ сожалѣнію, какъ показало будущее, такая съ виду глубокая вѣра при натискѣ скорбей не устояла. Земныя привязанности въ Добролюбовѣ оказались сильнѣе чаяній небесныхъ благъ.

Строгій курсъ ученія Добролюбовъ проходилъ въ родномъ городѣ, сперва въ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ духовной семинаріи. Учился онъ хорошо и ввиду своихъ рѣдкихъ способностей, несомнѣнно избѣжалъ горестей жизни въ тогдашней духовной школѣ—наказаній, но суровая дисциплина, болѣе тяжелая домашняго режима, все таки коснулась его. Поговорка—„корень ученія горекъ“,—оправдывалась какъ нельзя лучше. И при всемъ томъ, пытливый умъ Н. А. Добролюбова не удовлетворился научною постановкою въ семинаріи. Онъ черпалъ научныя познанія помимо уроковъ преподавателей, изъ книгъ, въ которыхъ находилъ отраду. Чтеніемъ, вообще, онъ скрашивалъ томительное однообразіе и скуку и читалъ буквально запоемъ, осиливая солидныя ученныя книги.

Въ духовное училище Добролюбовъ поступилъ 11 лѣтъ въ высшій классъ его, сразу же занявъ видное мѣсто среди воспитанниковъ и въ числѣ первыхъ перешелъ въ семинарію въ 1848 году. Въ семинаріи пробылъ онъ пять лѣтъ. „Въ эти пять лѣтъ Н. А., говоритъ о немъ критикъ Чернышевскій, прочелъ массу книгъ ученаго содержанія, писалъ стихи, повѣсти, занимался учеными работами“.

По домашнему каталогу библіотеки его отца и реестру прочитанныхъ имъ въ семинаріи книгъ, сообщаемому его біографами, приходится поражаться массою прочитаннаго Добролюбовымъ и прочитаннаго съ толкомъ, пониманіемъ, а не просмотрѣннаго только матеріала. Прочитанное Добролюбовымъ было очень разнообразно, отъ „духа законовъ“ Монтескье до послѣднихъ произведеній современныхъ Добролюбову писателей.

Въ 1853 году Добролюбовъ кончилъ курсъ семинаріи, съ доступнымъ запасомъ знаній и хорошей нравственной подготовкой, выдающейся религіозностью. Изъ семинаріи онъ рассчитывалъ поступить въ университетъ. Но желаніе отца было видѣть своего сына продолжающимъ духовное образо-

ваніе въ академіи. Можетъ быть, оно такъ бы и случилось, „если бы не „соблазнъ авторства“, овладѣвшій Добролюбовымъ подъ вліяніемъ прочитаннаго и первыхъ опытовъ литературнаго творчества.

Религіозная настроенность Добролюбова сказывалось во вѣсѣхъ его дѣйствіяхъ. Еще въ отроческомъ возрастѣ, онъ велъ дневникъ, гдѣ зачастую каялся въ своихъ грѣхахъ: „лѣности къ молитвѣ, сальныхъ сужденіяхъ, преданіи чувственности“; но даже и при этомъ настроеніи, его умственный кругозоръ вращается вокругъ иныхъ предметовъ. Добролюбовъ въ юности желалъ „походить на Печорина, толковать, какъ Чацкій“. А въ 1851 и 52 г. г. еще будучи на семинарской скамьѣ, Добролюбовъ завязывалъ сношенія съ редакціями журналовъ, однако, пока безуспѣшно. Но увлекшись литературой, онъ путемъ большого прилежанія рѣшилъ вступить твердо на это поприще. Въ изложеніи мыслей онъ достигъ успѣха. Будучи лѣтъ 16—17, онъ писалъ на заданныя класныя темы большія сочиненія до 100 листовъ и тѣмъ поражалъ своихъ преподавателей. Желая „удобства сообщенія съ журналами и литераторами“, Добролюбовъ стремится въ Петербургскій университетъ.

Но этому энергично сталъ противиться его отецъ, тотъ отецъ, котораго любятъ нѣкоторые біографы Добролюбова считать либеральнымъ. Онъ категорически указалъ сыну путь въ Петербургскую духовную академію. Каковы бы ни были мотивы отказа въ желаніи талантливаго любимца, традиціи ли духовной среды (это при либеральности то взглядовъ!), или отсутствіе матеріальныхъ средствъ, но фактъ неоспоримый, что отецъ рѣшительно воспротивился планамъ своего сына.

Насколько эта рѣшимость была непреклонна и насколько авторитетна была воля отца, это видно изъ того, что Добролюбову потребовалось обойти ее хитростію.

Сначала примирившись съ отцовскимъ запретомъ, онъ отправился въ Петербургъ на вступительный экзамень въ академію, не теряя, однако, надежды, что какая нибудь счастливая неожиданность измѣнитъ обстоятельства. Знакомясь съ учащеюся молодежью, Добролюбовъ сходится со студентами существовавшего тогда въ Петербургѣ Педагогическаго Института и наслышавшись о легкости доступа въ это учеб-

ное заведеніе, Добролюбовъ задался мыслью поступить туда. Много усилій нужно было тѣмъ не менѣе употребить. Надо было добыть документы представленныя въ Академію, требовалось знаніе иностранныхъ языковъ, кромѣ того семинаристы принимались въ Институтъ не особенно охотно. Но стремясь къ осуществленію желанной цѣли, Добролюбовъ преодолѣлъ все трудности, хорошо сдалъ вступительный экзаменъ и поступилъ на казенный счетъ.

Гнѣвно встрѣтилъ „либеральный“ отецъ вѣсть о самовольномъ поступкѣ сына. Тотъ оправдывался боязнью труднаго экзамена въ академію. Отецъ не вполне довѣрялъ такому оправданію, да и наконецъ, ему больно было за трусость сына, отличавшагося блестящими успѣхами и не знавшаго трудностей. Но разсудительный старикъ скоро примирился съ неизбежнымъ фактомъ поступленія любимца, на котораго возлагалъ большія надежды, въ свѣтское учебное заведеніе. И самъ ослушникъ въ почтительныхъ письмахъ къ отцу вымолилъ себѣ прощеніе и примиреніе.

Не смотря на ослушаніе, Добролюбовъ искренно дорожилъ вниманіемъ отца, любилъ его честную натуру, прямой хотя и суровой нравъ. Вотъ почему, онъ всеми силами старался загладить свой проступокъ и вернуть свои прежнія добрыя отношенія.

„Вы такъ добры и чисты, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ отцу, что Господь услышитъ молитву Вашу“.

А въ другомъ письмѣ, искренно, убѣжденно онъ восклицаетъ: „хорошо, что я имѣю такого отца, какъ вы, мой милый, несравненный папаша... О, я очень, очень люблю васъ и любилъ, и буду любить всегда, только мнѣ какъ то совѣстно говорить вамъ объ этомъ. Мнѣ кажется, что это естественно, что иначе и не можетъ быть“. Любовь сына смягчила строгость отца.

Съ горячимъ усердіемъ Добролюбовъ отдался новому учебному труду въ Педагогическомъ Институтѣ. Удача его завѣтной мечты быть въ свѣтскомъ высшемъ учебномъ заведеніи, въ центрѣ литературной жизни, окрыляла его рвеніе. И здѣсь продолжалось тоже увлеченіе чтеніемъ, начавшееся еще въ семинаріи. Одинъ изъ біографовъ Добролюбова говоритъ. „Онъ читалъ вездѣ и всегда. Въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей,

тетрадей, корректуръ, держа которая въ первое время онъ зарабатывалъ себѣ копѣйку,—въ шкафѣ столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ и полки въ шкафѣ ломились“.

Первое время Добролюбовъ прилежно занимаясь, почиталъ и уважалъ педагогическое начальство. Но подъ вліяніемъ товарищей, онъ примкнулъ къ группѣ студентовъ оппозиціонно настроенныхъ къ начальству. По своимъ взглядамъ вообще, всецѣло присоединился къ недовольнымъ. Но это не ослабило его прилежанія къ научнымъ занятіямъ. Вокругъ него группировались товарищи студенты, списывая у него конспекты профессорскихъ лекцій. Онъ особенно умѣло составлялъ конспекты, схватывая мысль профессора и мастерски записывая ее въ тетрадь.

Не прошло и года, какъ его, счастливаго осуществленіемъ намѣченныхъ плановъ, постигаютъ несчастья; и его непостоянство въ убѣжденіяхъ проявляется съ особенной ясностью. Въ его внутреннемъ міросозерцаніи совершается рѣшительный печальный поворотъ.

Заболѣваетъ горячо любимая мать. Извѣстно, чѣмъ она была для Добролюбова, воспитаннаго на строгихъ началахъ и какъ онъ ею поэтому дорожилъ. Суровость семейная, столь обычная въ духовенствѣ, какъ о томъ говорилось уже выше; не составлявшая исключенія и для семьи Добролюбова, смягчалась рѣдкою добротою матери. И сохраняя къ ней теплое чувство, сынъ не могъ спокойно отнестись къ извѣстію о ея болѣзни. Встревоженный, онъ въ письмахъ домой къ сестрамъ и братьямъ умоляетъ ихъ усилить заботы о матери. „Сестры и братья мои! Не плачьте, не шумите пожалуйста... умоляю васъ... Можетъ быть вы не понимаете всей опасности... Покойте, радуйте мамашу, не давайте повода ни къ какому потрясенію... Нянюша! побереги ихъ, посмотри за ними. Ради Господа Бога“!

При этомъ, онъ усердно молился. 8 марта 1854 года мать умерла. Домашніе долго скрывали отъ него смерть матери, зная какъ онъ беспокоился ея болѣзнию, какъ сильно онъ былъ къ ней привязанъ. Наконецъ онъ узналъ объ этомъ. Отчаянію его не было предѣловъ.

„Я рѣдко могу молиться, я слишкомъ ожесточенъ“,—вотъ что пишетъ онъ переживая свое тяжелое внутреннее настроеніе и эта фраза очень много говоритъ о его религі-

озномъ расположеніи. Онъ не устоялъ въ испытаніяхъ. Его вѣра была непоколебимою пока все благопріятствовало ему. А скорби жизни шли одна за другою, какъ бы въ отвѣтъ на заявленное имъ отрицаніе, за его измѣну вѣрѣ. И чѣмъ больше онъ проявлялъ колебанія въ вѣрѣ, тѣмъ болѣе несчастія преслѣдовали его, какъ бы обнажая личину вѣры, которою онъ прикрывался, увѣряя себя и другихъ въ своей религіозности. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обнаруживалась несостоятельность такой вѣры.

Въ августѣ (9 числа) того же года внезапно умеръ отецъ Добролюбова, а затѣмъ наиболѣе любимая имъ сестра Юленька отъ эпидеміи холеры.

Страшное отчаяніе охватило душу 18 лѣтняго юноши, оставшагося одинокимъ, безпомощнымъ. Все самое дорогое отнято было у него. Самъ онъ не вступилъ твердою ногою на жизненную дорогу, не закончилъ образованія, а между тѣмъ въ семьѣ столь неожиданно осиротѣвшей, онъ долженъ былъ замѣнить родителей. На рукахъ у него осталось семеро братьевъ и сестеръ, которыхъ надо было прокормить, одѣть, а средствъ покойный священникъ не оставилъ никакихъ. На несчастнаго Добролюбова ложился со смертию родителей двойной гнетъ: нравственный и матеріальный. Истерзанный душою, онъ долженъ былъ перепискою и грошевыми уроками зарабатывать средства къ существованію большой семьѣ, отъ участія въ судьбѣ которой отказались все родственники и близкіе. Это усилило до крайней степени его жгучую тоску и буквально ожесточило молодую душу Добролюбова.

Вѣра къ нему уже не вернулась. Поколебавшаяся еще въ началѣ испытаній, она теперь потухла. Сердце Добролюбова въ безднѣ горя буквально окаменѣло. Его уму не говорили ничего святыя образы многострадальныхъ людей. Онъ не искалъ утѣшенія въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова и потому лишенный всякой отрады, онъ тосковалъ ужасно, переживалъ мучительныя страданія духа. Никакая философія не могла утѣшить его; холодный разумъ въ данномъ случаѣ не могъ помочь. И предоставленъ былъ несчастный юноша на волю своимъ горькимъ думамъ, волненіямъ, весь погрузился въ бездну отчаянія.

Тѣмъ не менѣе съ разбитою горемъ душою Добролю-

бовъ не покладалъ рукъ. Завершая образованіе, онъ рвался на арену общественной дѣятельности. Тѣ годы были временемъ приподнятаго настроенія, охватившаго русское общество. Назрѣвали реформы. Общество отдалось обличительному настроенію. Въ чайніи отмѣны крѣпостнаго права и введенія реформъ мѣстнаго управленія, суда и пр. всѣ заняты были обличеніемъ старыхъ, отжившихъ порядковъ. Но горячія рѣчи проповѣдниковъ новой жизни на зарѣ реформъ часто расходились со словами. Эта ложь, фальшь вызвала смѣлое обличительное и правдивое слово Добролюбова, много пострадавшаго отъ людской неправды. Путемъ литературнаго слова, въ прозѣ и стихахъ соотвѣтственно настроенію, онъ громилъ ложь.

Приведемъ для примѣра стихотвореніе Добролюбова „Сила слова“, мѣтко изображающаго либерала, проповѣдывающаго состраданіе, но только ради дешевыхъ аплодисментовъ легковѣрныхъ и недалекихъ слушателей.

„Моралистъ краснорѣчивый
 Намъ о нищихъ говорилъ,
 Рѣчью умной и правдивой
 Помогать имъ насъ училъ...
 Рѣчь его лилась такъ складно,
 Былъ онъ такъ краснорѣчивъ,
 Что ему внимали жадно
 Всѣ, дышанье затаивъ,—
 И, чтобъ не развлечь вниманья,
 Отогнали двухъ старухъ,
 Что на бѣдность подавнѣя
 Подъ окномъ просили вслухъ...“

Наблюдая на каждомъ шагу фальшь людскую, Добролюбовъ незамѣтно для себя вырабатывалъ изъ себѣ писателя критика. Тяготѣя къ литературѣ, онъ пробовалъ было счастья въ беллетристикѣ, но первый же написанный имъ опытъ — повѣсть—былъ забракованъ Н. Г. Чернышевскимъ въ началѣ 1855 г. Чернышевскій, самъ выдающійся критикъ, угадалъ въ Добролюбовѣ недюжинный талантъ критика и сказалъ ему, что написанная имъ повѣсть есть только критика на сцену имъ придуманную и посоветовалъ—приняться за публицистику, въ которой долженъ имѣть несомнѣнный успѣхъ.

Добролюбовъ такъ и сдѣлалъ. Но вступленіе его на путь литературной славы не скрасило его горькой жизни. Разбитый нравственно, онъ началъ страдать и физически. Весною 1855 года, его неожиданно постигаетъ тяжелая грудная болѣзнь, предвѣстница чахотки, сведшей Добролюбова въ раннюю могилу. Онъ принужденъ былъ лечь въ лазаретъ. Это было во время пребыванія его на второмъ курсѣ Института. Молодость одержала верхъ надъ первымъ приступомъ болѣзни, но задатки ея остались въ слабомъ, истощенномъ организмѣ. Тѣмъ не менѣе, оправившись нѣсколько отъ недуга, Добролюбовъ принялся съ прежней энергіей за тяжелый трудъ ученія и добыванія средствъ къ воспитанію семьи.

По окончаніи курса Педагогическаго Института въ 1858 году, Добролюбовъ сдѣлался постояннымъ и исключительнымъ сотрудникомъ „Современника“, этого виднаго и главнаго въ тогдашней періодической печати журнала.

Его издавалъ въ ту пору Некрасовъ. Послѣ Пушкина „Современникъ“ прекратилъ свое существованіе и Некрасовъ, возобновивъ его, старался поставить его на достойную высоту, пригласивъ къ участию въ немъ лучшія литературныя силы, въ томъ числѣ и Добролюбова, талантъ котораго невольно обращалъ на себя вниманіе.

И онъ выступилъ въ „Современникѣ“ рядомъ увлекательныхъ статей, которыя, не смотря на радикализмъ и нѣкоторую тенденціозность содержанія, показывали въ немъ даровитаго, сильнаго талантомъ критика. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія статьи: „Темное царство“, „Наканунѣ“, „Что такое обломовщина“, „Черты для характеристики русскаго простонародья“, „Когда же придетъ настоящій день“.

Упорнымъ трудомъ расчищая себѣ жизненный путь, Добролюбовъ и въ своихъ писаніяхъ велъ свою горячую проповѣдь. Всѣми силами души онъ ненавидѣлъ болтуновъ, вродѣ осмѣяннаго въ стихотвор. „сила слова“, и протестовалъ противъ современной ему въ русскомъ обществѣ лѣни,—обломовщины—по имени героя извѣстнаго романа Гончарова, ставшаго нарицательнымъ для изображенія всего, что отдѣляясь фразами, далеко было отъ дѣла. По его словамъ (ст. „Что такое обломовщина“), когда онъ видѣлъ „помѣщика, толкующаго

о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности“ или чиновника „жалующагося“ на „запутанность и обременительность дѣлопроизводства, или офицера—„на утомительность парадовъ“,—онъ съ первыхъ словъ уже зналъ „что это Обломовъ“.

Прекрасное опредѣленіе, но понятое скорѣе теперь, чѣмъ тогда, хотя и то сказать, воздѣйствовалъ ли на насъ еще и нынѣ этотъ протестъ противъ снѣжки и словоговоренія, этотъ призывъ къ активному труду!

Тяжелое впечатлѣніе производятъ въ писаніяхъ Добролюбова мрачныя краски, безошадный приговоръ. Жизнь не баловала его, развѣвъ въ немъ мрачное отношеніе ко всему, которымъ проникнуты все его труды. Холодомъ вѣетъ со страницъ его; сухая правда, безошадное бичеваніе пороковъ и при всемъ этомъ не слышно ни звука истинной вѣры, вѣры Евангельской, скрашивающей самую суровую дѣйствительность.

Добролюбовъ писалъ, страдая отъ неправдъ жизни и, страдая, изнемогалъ физически. Послѣ перенесенной имъ еще въ Институтѣ грудной болѣзни, Добролюбовъ въ 1860 г. заболѣлъ чахоткою, быстро развивавшейся въ его истощенномъ до крайности организмѣ. Но и заболѣвъ ужаснымъ недугомъ, Добролюбовъ не оторвался бы отъ любимыхъ литературныхъ занятій самъ, если бы не воздѣйствовали на него его друзья. Сдавшійся на убѣжденія друзей, Добролюбовъ уѣхалъ за границу. На далекой чужбинѣ,—онъ, горячо любившій свою суровую, непривѣтливую родину, тосковалъ, не увлекаясь сказочными красотами природы. По крайней мѣрѣ, вещи, написанныя имъ за границей, носятъ отпечатокъ болѣе или менѣе тяжелой грусти по родинѣ и работѣ на благо ея, такъ нуждавшейся въ этой работѣ къ желательному направленію намѣченныхъ реформъ. Онъ тяготился бездѣйствіемъ хотя бы необходимымъ для здоровья, тяготился роскошной природой и веселою жизнью чужбины.

„Скучая и томясь бездѣйствіемъ тяжелымъ,
Одинъ для всѣхъ чужой, съ уныніемъ молодымъ,
Брожу я, какъ мертвецъ, на праздникѣ веселомъ,
У моря теплаго, подъ небомъ голубымъ“.

Такъ пишетъ онъ въ одномъ изъ стихотвореній, прибавляя „брожу и думаю о родинѣ далской“, родинѣ, которой

онъ хотѣлъ отдать и силы физическія и духовныя и самую жизнь.

Въ срединѣ 1861 года, Н. А. Добролюбовъ воротился въ Россію. вмѣсто ожидаемой поправки, у него еще по приѣздѣ въ Одессу хлынула кровь горломъ, а прибывъ въ Петербургъ, не только осенью, но и лѣтомъ опасный для чахоточныхъ, Добролюбовъ совершенно расхворался. Но и какъ прежде, онъ забывалъ о страданіяхъ тѣла. Работы предвидѣлось много. Столь желанныя и давно подготовлявшіяся реформы осуществлялись: пало крѣпостное право, вводились новые порядки, мало по малу обновлялся строй гражданской жизни. Много предстояло работы выразителямъ общественныхъ настроеній и нуждъ, писателямъ. Могъ ли въ это время оставаться спокойнымъ Добролюбовъ? И началась страдая пора для него. Будучи не простымъ только сотрудникомъ, а и участникомъ редакціи „Современника“, Добролюбовъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ изданія, разъѣзжалъ по типографіямъ и цензорамъ и работалъ до седьмого пота, по пословицѣ, положительно не покладая рукъ.

И работалъ онъ не для обогащенія; онъ влачилъ существованіе бѣдняка. Весь для другихъ, но не для себя. Работалъ для семьи, для дѣла возрожденія русскаго общества—своими писаніями, которыхъ изъ подъ его пера вышло немало, несмотря на молодость лѣтъ и кратковременность жизни.

Работая, онъ не соразмѣрялъ силъ, которыя наконецъ не выдержали. Въ началѣ октября Добролюбовъ слегъ въ постель, чтобы не подниматься съ нея болѣе.

Поприще земной жизни его видимо заканчивалось. Наконецъ, 17 ноября 1861 года онъ умеръ послѣ продолжительной агоніи. Предъ смертію онъ писалъ:

„Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю
Долго буду тѣмъ извѣстенъ“.

Обозрѣвъ его многомятежную, многоскорбную жизнь, слѣдуетъ еще упомянуть о нѣкоторыхъ превратностяхъ жизни, которыя ему вышло на долю испытать.

На третьемъ курсѣ Института, въ началѣ своей литературной дѣятельности, Добролюбовъ написалъ стихотвореніе противъ Греча (Никол. Пв. Гречъ 1787—1867 г.г.), известнаго въ ту пору педагога и журналиста. За это стихотвореніе Добролюбову грозило исключеніе, если бы не заступился за него директоръ Института Давыдовъ (1804—1863 г.). Этотъ Давыдовъ, считавшійся ученымъ того времени, извѣстенъ былъ трудами по философіи, но въ Институтѣ оставилъ по себѣ печальную память, своею несправедливостью. Добролюбовъ, подпавшій въ Институтѣ подъ вліяніе недовольныхъ, скоро завелъ съ нимъ идейную борьбу, выступивъ съ критикой его взглядовъ и поступковъ. Такъ, напримеръ, въ „Современникѣ“ 1856 года въ № 8, Добролюбовъ помѣстилъ ироническій разборъ отчета Института. Не имѣя прямыхъ путей къ защитѣ, Давыдовъ прибѣгнулъ къ клеветѣ, взведя обвиненіе, что Добролюбовъ домогался у него, Давыдова, хорошаго мѣста по окончаніи Института и выступленія противъ него объясняются неосуществившимися корыстными цѣлями. Это была клевета. Слишкомъ честный для вымогательствъ, выпрашиваній, хорошо знавшій людей и т. н. „человѣческія отношенія“, Добролюбовъ не могъ и подумать о подобныхъ переговорахъ съ директоромъ. Но тѣмъ не менѣе, клевета получила широкое распространеніе и много творещей отвернулось отъ Добролюбова, котораго вчера еще цѣнили, преклонялись предъ нимъ, пользовались его услугами въ составленіи конспектовъ и т. д. Этотъ прискорбный фактъ усугубилъ и безъ того тяжелый гнетъ на душѣ Добролюбова, еще болѣе озлобилъ его.

Онъ весь находился подъ вліяніемъ Н. Г. Чернышевскаго, который не всегда игралъ для него роль добраго гения, но постоянно былъ для Добролюбова совѣтчикомъ, руководителемъ, двигающимъ началомъ, нѣсколько даже болѣе чѣмъ Некрасовъ, руководитель „Современника“ и тѣсно сплоченнаго редакціоннаго кружка.

Послѣ полемики съ Давыдовымъ, Добролюбовъ выступилъ противъ знаменитаго Пирогова. И въ началѣ точно также какъ Давыдовымъ, Добролюбовъ увлекался Пироговымъ, но когда появились правила Кіевскаго округа подъ редакціей Пирогова, гдѣ оставленъ былъ, хотя и съ оговорками, пунктъ наказаній учащихъ, онъ помѣстилъ въ „Совре-

менникъ“ ст.: „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“, гдѣ рѣзко возставалъ противъ знаменитаго педагога гуманиста.—Вообще же, своимъ рѣзкимъ словомъ Добролюбовъ не щадилъ никого, ратуя противъ выдающихся людей того времени. Не преклоняясь предъ знаменитостями изъ за ихъ славы только, не раздѣляя панегириковъ общества, онъ однако, могъ поддаваться вліянію окружающихъ (прим. Чернышевскіи), что казалось нѣкоторою странностью.

Жизнь казалась Добролюбову враждебной. Вотъ что пишетъ онъ: „тошно, горько, тяжело на свѣтѣ. Зачѣмъ было рождаться на свѣтъ, чтобы такъ страдать съ ранней молодости, чтобы такъ провести юные годы, которые даются для наслажденія и радости человѣку!“...

Съ такимъ убѣжденіемъ Добролюбовъ и сошелъ въ могилу, на зарѣ жизни, но уже утомленный ею.

Изъ предложеннаго краткаго біографическаго обзора выступаютъ черты внутренняго міросозерцанія Добролюбова, одареннаго выдающимися способностями, мало прожившаго, но пережившаго много и много перенесывавшаго. Что всего примѣчательнѣе и на чемъ я желалъ бы остановить вниманіе, описывая злоключенія Добролюбова и его отношеніе къ тяготамъ жизни, такъ это отсутствіе твердой вѣры у него, какъ нужной точки опоры въ бурномъ житейскомъ морѣ. Утлый челнъ его бросали разъяренныя волны, и онъ не вспомнилъ о Путеводителѣ Христѣ спасающемъ, подкрѣпляющемъ, не призвалъ Его единого на помощь; и религіозный въ дѣтствѣ, къ концу жизни утратилъ способность молиться съ вѣрой. Его вѣра была колеблющеюся.

Искренній всегда, въ чемъ нельзя отказать Добролюбову, онъ не скрывалъ своего немощнаго „вѣрую“, своего отношенія къ Богу. Лучшимъ доказательствомъ его своеобразнаго взгляда на Бога, будетъ свидѣтельство его самаго. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ такъ ясно повѣствуетъ о совершившемся въ немъ душевномъ переломѣ.

„Прошли года невинности безпечной,
И горемъ жизни я испытаюль былъ...
Хранителя молилъ я съ вѣрою сердечной,
Чтобъ онъ меня въ страданьяхъ подкрѣпилъ.
Но Онъ не шелъ... Когда же сердца раны,
Отъ времени ужъ стали заживать,

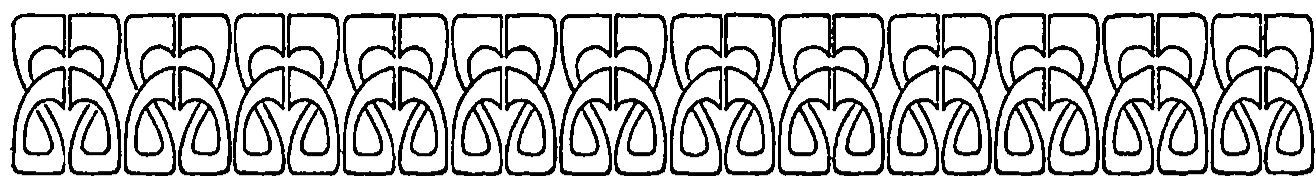
Сказали мнѣ, что горестью нежданной
 Хранитель мой хотѣлъ меня лишь испытать,
 Что долженъ я къ Нему съ любовью обратиться,
 И счастье вновь въ награду дастъ мнѣ Онъ.
 Я сдѣлалъ такъ... Но лишь успѣлъ склониться,
 Какъ новымъ былъ ударомъ пораженъ.
 Тогда пришло печальное сомнѣнье,
 Я звалъ далекаго Хранителя къ себѣ,
 Чтобъ доказалъ (?) права Свои на уваженъе,
 Чтобъ сохранилъ меня во внутренней борьбѣ.
 Напрасно. Онъ не шелъ. Не внялъ Онъ призыванью,
 Я проклиналъ довѣрчивость свою... (?) и т. д.

Читая эти чистосердечныя признанья, само собою складывается резюме словами Евангелія, которыми мы и закончимъ настоящую статью:

„Всякій грядый ко Мнѣ и слышай словеса Моя... слышавый же и не сотворивый, подобенъ есть человѣку создавшему храмину на земли безъ основанія: къ ней же припадетъ рѣзка, и абіе падесея, и бысть разрушеніе храмины тоя веліе (Лук. VI, 47, 49).

Священ. Г. Н. Корсунъ.

ФАКТЫ И ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ГЕРЦГОВИНЦА НА СЛУЖБѢ ПО ДУХОВНО-УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

(Продолженіе) *).

Наказъ оберъ-прокурора о мирѣ и согласіи въ семинаріи.
Двойственность дѣйствій инспектора.

Выраженное оберъ-прокуроромъ желаніе, чтобы въ семинаріи все было мирно, чтобы ректоръ и инспекторъ дѣйствовали согласно, безъ сомнѣнія навѣяно было пресвященнымъ Иларіономъ, а вѣроятно не безмолствовалъ и пресвященный Михаилъ, какъ завѣдывавшій учебно-воспитательною частью въ семинаріи. Я не могу сказать, чтобы у насъ отсутствовалъ взаимный миръ въ корпораціи; напротивъ, между служащими въ Полтавской семинаріи было больше дружелюбія, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Открытой враждебности или намѣреннаго злорѣчія по адресу другъ друга мною не замѣчалось. Да это и не мыслимо было, ибо малѣйшая некорректность явно осуждалась въ учительской и всякая, даже болѣзненная подозрительность зло выпучивалась. У насъ, какъ я раньше упоминалъ, не было единства и согласованности въ оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ и не обнаруживалось желательнаго участія со стороны наставниковъ въ воспитательномъ дѣлѣ. По отношенію ко мнѣ, какъ ректору, всѣ служащіе всегда были корректны, но насколько они были искренни,—это вопросъ, на который я не могу дать положительнаго отвѣта. Не сомнѣваюсь, что тотъ членъ семинарской корпораціи, который не постѣснялся написать и послать навѣтъ на меня оберъ-прокурору еще до прибытія моего на должность, не могъ быть искренъ въ своихъ слащавыхъ изліяніяхъ предо мною. Съ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2 за 1913 г.

нимъ, конечно, я былъ остороженъ и нисколько не смущался его неблагожелательствомъ. Но зато я искренно скорбѣлъ, что мой ближайшій помощникъ, инспекторъ семинаріи Д. Н. О—въ не обнаруживалъ желательной искренности ко мнѣ. Та двойственность въ служебныхъ дѣйствіяхъ, какой онъ держался при покойномъ ректорѣ М. Ѳ. Гаврилковѣ, не прекращалась и при мнѣ. Повода къ недоувѣрію я не подавалъ, ибо всегда относился къ нему внимательно и предупредительно, уважалъ его, какъ своего стараго сослуживца и безспорно умнаго человѣка, снисходилъ его упущеніямъ по службѣ и къ недостаткамъ, менѣе всего подобающимъ воспитателямъ юношества. Скажу больше: я заступался за него предъ преосвященнымъ и отдалилъ его выходъ въ отставку на цѣлыхъ шесть лѣтъ. Нѣкоторыя изъ его дѣйствій были такъ неблаговидны, что удивляешься только, какъ они могли допускаться развитымъ человѣкомъ. Изъ многаго повѣдаю немногое.

1) Позорной памяти воспитаннику Георгію Галону, выпущенному правленіемъ семинаріи (въ 1893 году) за его дерзкія выходки къ одному изъ преподавателей во второмъ разрядѣ и съ 4 по поведенію, внушалось, что онъ имѣетъ право держать экзамень на степень студента, но это не желательно ректору. И это дѣлалось въ такое время, когда злобный юноша готовъ былъ рѣшиться на все, не исключая и посягательства на чужую жизнь! 2) Воспитаннику V класса Сок—му, оскорбившему (въ 1895 г.) помощника инспектора семинаріи А. Ѳ. О—ча, выражалось сочувствіе инспекторомъ тотчасъ послѣ подачи имъ же наиболѣе рѣшительнаго голоса, что его нужно уволить изъ семинаріи, и когда я, принявъ во вниманіе очень хорошіе успѣхи и поведеніе сего ученика, за два послѣдніе года аттестованнаго тою же самою инспекціею балломъ 5, просилъ преосвященнаго Михаила оказать ему снисхожденіе, милость владыки истолкована была ученикамъ инспекторомъ, какъ его личное ходатайство за ихъ товарища. 3) Тоже сказано было и воспитаннику того-же класса У—му, замѣченному въ склонности къ употребленію спиртныхъ напитковъ и оставленному въ семинаріи по моему ходатайству предъ преосвященнымъ. 4) Воспитаннику IV класса Ч—му, уволенному изъ семинаріи послѣ экзаменовъ въ іюнѣ 1895 г. за малоуспѣшность, на точномъ основаніи § 133 уст. дух.

семинаріи, объявлено, что это сдѣлано по личному недовольству на него ректора. 5) По поводу моего распоряженія, что въ четвергъ на масляной недѣлѣ (1895 г.), послѣ вечера пѣнія не будетъ танцевъ, ибо неприлично устраивать ихъ въ духовно-учебномъ заведеніи, когда, по случаю траура по императорѣ Александрѣ III, и въ свѣтскихъ заведеніяхъ они отмѣнены,—инспекторъ, въ присутствіи воспитанниковъ VI класса, позволилъ себѣ выразить сожалѣніе объ этомъ и сказать: „что за вечеръ безъ танцевъ“!

Такія и подобныя некорректныя дѣйствія не слѣдовало оставлять безъ вниманія и вразумленія производящаго ихъ, но я крѣпился, пока не истощилось всякое терпѣніе. Узнавъ отъ преосвященнаго, что инспекторъ, сваливая вину съ большой головы на здоровую, жаловался на меня, что я будто бы не обратилъ вниманіе на какое-то его заявленіе о нехожденіи воспитанниковъ въ церковь,—рѣшился войти съ докладомъ къ владыкѣ, въ которомъ изложилъ существенное изъ того, чѣмъ сердце болѣло въ теченіе пяти лѣтъ. Преосвященный упрекнулъ меня за мягкосердечіе въ служебномъ дѣлѣ, пожурилъ, почему не слушался его и заступался за инспектора, когда слѣдовало давно сдѣлать представленіе объ увольненіи его, и сказалъ, что обо всемъ напишетъ оберъ-прокурору. Я снова заступился за Д. Н. и усердно просилъ преосвященнаго не поднимать вопроса объ увольненіи его. Владыка сдался на мою просьбу, но когда оберъ-прокуроръ прибылъ въ Полтаву на торжество открытія памятника, онъ безъ сомнѣнія сообщилъ ему о существующихъ отношеніяхъ инспектора ко мнѣ. Вотъ почему его высокопревосходительство, при уходѣ изъ семинаріи 12-го сентября, выразилъ желаніе, чтобы у насъ водворился миръ и согласіе, особенно между ректоромъ и инспекторомъ.

Наказъ оберъ-прокурора о мирѣ не осуществился у насъ. Скоро въ жизни и служебной дѣятельности инспектора обнаружилось отсутствіе самообладанія, приведшее къ неблагоприятнымъ послѣдствіямъ. У преосвященнаго возникла переписка съ Петербургомъ... Инспектору предложено было подать прошеніе объ увольненіи. Онъ просилъ оставить его на службѣ до 2-го августа 1896 г.—до выслуги 35-ти лѣтъ. Запросили преосвященнаго... На устное предложеніе его ко мнѣ (26-го декабря 1895 г.) высказать мнѣ-

ніе, какъ отвѣтить, я просилъ оказать милость. „Въ зимнее время, говорилъ я, семейному человѣку весьма затруднительно перебраться на наемную квартиру, да и учебное время, по слухамъ, будетъ значительно сокращено, такъ что, Богъ дастъ, съ дѣлами управимся и безъ новой помощи“. Владыка не совсѣмъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, ибо признавалъ неудобнымъ для себя писать „нѣтъ и да“, но сказалъ, что подумаетъ еще. Сердечный старецъ отвѣтилъ таки въ благопріятномъ смыслѣ и инспекторъ продолжалъ службу до сентября 1896 г. Конечно, служба это была для него тяжелымъ нравственнымъ испытаніемъ и не могла располагать къ добрымъ чувствамъ по отношенію ко мнѣ, котораго онъ ошибочно считалъ виновникомъ случившагося. Мнѣ больно вспоминать объ этомъ... Богъ свидѣтель, я никогда не желалъ зла умному, но жалости достойному Д. Н. Скорбно и понынѣ, что въ мое ректорство совершилось оставленіе имъ службы при семинаріи и мое имя напрасно злословилося.

Преосвященный Михаилъ, епископъ Прилукекій.

Какъ разъ въ то время, когда по волѣ епархіальнаго начальства возникъ вопросъ о перемѣнѣ инспектора въ семинаріи, по волѣ высшаго начальства состоялось перемѣщеніе викарія Полтавской епархіи, епископа Прилукскаго Михаила, на номинальное викаріатство Тульское, съ титуломъ епископа Каширскаго, и одновременно назначеніе его въ помощь по управленію архіепископу Таврическому Мартиніану.

Преосвященный Михаилъ (Грибановскій), магистрантъ Петербургской академіи 1884 г., по оканчаніи курса въ санѣ іеромонаха состоялъ привать-доцентомъ въ академіи по кафедрѣ основнаго богословія, въ 1887 г. назначенъ былъ и. д. инспектора и утвержденъ въ степени магистра богословія, въ 1888 г. возведенъ въ санъ архимандрита и утвержденъ въ должности инспектора, а въ августѣ 1890 г. уволенъ по разстроенному здоровью отъ духовно-учебной службы и назначенъ (22-го августа) настоятелемъ посольской церкви въ Аѣинахъ. Назначеніе это состоялось одновременно съ увольненіемъ отъ той же службы покойнаго ректора Полтавской семинаріи М. Ѡ. Гаврилова, перемѣщеніемъ меня въ Полтаву и настоятеля церкви въ Аѣинахъ, архимандрита Геннадія, въ

Витебскъ. По всей вѣроятности всѣ эти передвиженія сдѣланы были ради архимандрита Михаила, здоровье котораго нуждалось въ тепломъ климатѣ, что, разумѣется, весьма похвально, но зато и очень странно, почему, заботясь о молодомъ многообщающемся дѣятелѣ, поторопились объ увольненіи много потрудившагося старца—ректора Полтавской семинаріи.

Назначеніе архимандрита Михаила епископомъ Прилуцкимъ, викаріемъ Полтавской епархіи, состоялось 28-го іюля 1894 г., а хиротонія его въ святительскій санъ совершилась 6-го августа въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ. Не могу сказать, насколько правящій владыка Полтавскій Иларіонъ былъ доволенъ назначеніемъ ему въ викаріи ученаго мужа, четыре года вращавшагося въ Лондахъ въ дипломатическомъ мірѣ, но судя по тѣмъ распоряженіямъ, какими онъ облекъ его немедленно по прибытіи въ Полтаву, можно предполагать, что назначеніе это радовало его. Въ день пріѣзда викарія, 23-го августа, для встрѣчи его на границѣ епархіи посланъ былъ ключарь собора, а мнѣ и уѣздному благочинному предложено было встрѣтить его на станціи Божковъ, въ 17 верстахъ отъ города. Всему духовенству, во главѣ съ кафедральнымъ протоіереемъ, приказано было явиться на городскую станцію и здѣсь представиться пріѣзжающему, что и исполнено было въ точности. Съ вокзала прибывшаго епископа повезли въ Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ, послѣ торжественной встрѣчи и поклоненія святынямъ въ соборномъ храмѣ, онъ и водворился въ предназначенныхъ ему покояхъ. На слѣдующій день преосвященный викарій представлялся правящему архіерею, побывалъ въ кафедральномъ соборѣ и навѣстилъ начальника губерніи, а черезъ день, 25-го августа, принималъ начальствующихъ и учащихъ въ семинаріи и училищахъ—епархіальномъ женскомъ и окружномъ духовномъ. Послѣ очень любезнаго пріема преосвященный выразилъ желаніе ближе познакомиться съ наставниками и съ своей стороны содѣйствовать благоуспѣшному развитію дорогого ему и любимого имъ учебно-воспитательнаго дѣла.

Порученіе семинаріи попеченію викарія.

Нѣсколько дней спустя, кажется 31-го августа, преосвященный Иларіонъ вмѣстѣ съ своимъ викаріемъ прі-

ѣхалъ въ семинарію. Послѣ встрѣчи начальствующими и учащими, преосвященные направились въ церковь, а оттуда послѣдовали въ залъ, гдѣ собраны были всѣ воспитанники. Архипастыри встрѣчены были иѣнїемъ „исполла эти деспота“. Владыка Пларіонъ, обратившись къ преосвященному Михаилу, въ лестныхъ для семинарской корпораціи выраженїяхъ высказался объ ея учебно-воспитательной дѣятельности, а о воспитанникахъ съ отеческою благосклонностію свидѣтельствовалъ, что въ поведенїи ихъ въ теченїе десяти лѣтъ не обнаруживалось серьезныхъ проступковъ. Затѣмъ сказалъ, что поручаетъ преосвященному Михаилу имѣть семинарію въ своемъ благопопеченїи, попросилъ его благословить воспитанниковъ и самъ, благословивъ ихъ, отбылъ изъ семинаріи, оставивъ викарїя знакомиться съ нею. Въ тотъ же день правленїю семинаріи дано было предложенїе, чтобы журналы педагогическіе представлялись на благоусмотрѣніе преосвященнаго викарїя и только о важнѣйшихъ учебно-воспитательныхъ вопросахъ доводилось до свѣдѣнія правящаго архїерея.

Годъ съ небольшимъ продолжилось попеченїе преосвященнаго Михаила о семинаріи. Въ виду его частыхъ заболѣванїй, особенно дѣятельнаго участїя въ жизни ея онъ не могъ проявлять. Въ теченїе учебнаго года онъ посѣщалъ ее рѣдко и съ веденїемъ дѣла преподавателями могъ судить только по отвѣтамъ воспитанниковъ на экзаменахъ, которые сравнительно часто посѣщались имъ. Отношенїе его къ семинаріи было благожелательное. Для наставниковъ у него двери широко были открыты, а не закрывались и для воспитанниковъ, что не всегда было удобно и желательно въ учебно-воспитательномъ отношенїи. Нѣкоторые изъ наставниковъ излишне часто посѣщали владыку и непринужденно вели бесѣду съ нимъ. Благодаря этимъ бесѣдамъ, преосвященный зналъ о семинаріи больше, чѣмъ излагалось въ педагогическихъ журналахъ правленїя и что могъ сообщить ему я, какъ ректоръ. Положенїе мое между двумя архїереями было довольно затруднительное. Зная характеръ правящаго, нужно было быть весьма осторожнымъ въ сношенїяхъ съ викарїемъ его, тѣмъ болѣе, что задушевность отношенїй между ними не долго длилась. И я дѣйствительно велъ себя осторожно. Только съ журналами педагогическими и

визитами офіціальными я являлся къ преосвященному викарію и велъ съ нимъ дѣловую бесѣду. Изъ послѣдующаго видно будетъ, что моя осторожность избавила меня отъ крупной неприятности.

Популярность епископа Михаила. Тренія въ взаимныхъ отношеніяхъ архіереевъ.

Слѣдуетъ сказать, что преосвященный Михаилъ сразу пріобрѣлъ популярность въ Полтавскомъ свѣтскомъ мірѣ. Еще до прибытія его ходили въ городѣ импонирующіе слухи, что онъ ученый архіерей и интеллигентная особа, пользующаяся благовниманіемъ въ высшихъ правящихъ кругахъ. Слухи эти, исходившіе отъ начальницы института благородныхъ дѣвицъ Н. В. Б., знавшей преосвященнаго еще во время его архимандритства и инспекторства въ академіи, очень интересовали Полтавскихъ дамъ, и онѣ, конечно, не упускали случая, чтобы познакомиться съ интереснымъ архіереемъ, получить отъ него благословеніе, послушать его ученыя разговорныя рѣчи и глубоко-назидательныя размышленія надъ евангеліемъ. Участилось паломничество въ Крестовоздвиженскій монастырь. Послѣ богослуженія нѣкоторые изъ почитателей обоего пола заходили на чашку чаю къ гостепріимному владыкѣ и выражали ему не всегда умѣстные восторги; бывали воздыханія, а не обходилось и безъ судачества. Разумѣется, все, происходившее на монастырской горѣ, дѣлалось извѣстнымъ въ архіерейскомъ домѣ. Благопопечительный аргусъ, въ образѣ одной старой дѣвы ревниво слѣдилъ за творившимся и обо всемъ въ преувеличенномъ видѣ дѣлалъ доклады правящему владыкѣ. Стало обнаруживаться недовольство установившимся на горѣ порядками. Судачницы изъ лагеря старой дѣвы, большинству коихъ мѣсто было за прилавкомъ, а не въ гостиной архіерея, поддерживали недовольство вздорными сплетнями. Къ несчастію, преосвященный Иларіонъ, несмотря на свои выдающіяся административныя способности и дѣловитость, на свои богатые природныя дарованія, на свои проповѣдническіе таланты, удивительную находчивость и сообразительность, не чуждъ былъ подозрительности. Ему почему-то воображалось, что академисты относятся къ нему, какъ семинаристу по образованію, недоброжелательно, что

его начальственные распоряженія якобы ими критикуются и неохотно исполняются, что въ семинаріи были бы весьма рады, еслибы его замѣнили архіереемъ изъ академистовъ и т. п. По іерейской совѣсти утверждаю, что никогда ничего подобнаго не замѣчалось мною въ семинаріи, и я всегда глубоко огорчался, когда преосвященный, находясь въ нерасположеніи духа, высказывалъ такую подозрительность къ моимъ сослуживцамъ. Иныхъ онъ даже называлъ по имени и указывалъ на нихъ, какъ на поклонниковъ преосвященнаго Михаила. Отсюда слѣдуетъ заключить, что старческое сердце правящаго архіерея стало постепенно охлаждаться, и онъ въ преосвященномъ Михаилѣ уже не усматривалъ того, что ему навѣяно было сверху одними и тѣми же благожелателями обоихъ. Поэтому, когда черезъ годъ съ чѣмъ-то пошатнувшееся здоровье епископа Михаила потребовало поѣздки въ Крымъ, а потомъ и совершеннаго переезда туда, съ увольненіемъ отъ викаріатства Прилукскаго (30 ноября 1895 г.), преосвященный Иларіонъ не пожалѣлъ объ этомъ. Справедливость требуетъ сказать, что и большая часть членовъ семинарской корпораціи не высказывали сожалѣнія о его уходѣ отъ насъ. Тѣмъ не менѣе, дня за четыре до выѣзда преосвященнаго изъ Полтавы (19-го декабря), корпорація семинарская, хотя и не въ полномъ составѣ, ходила къ нему проститься и поднесла св. икону. Мною сказано было нѣсколько словъ, въ коихъ выражалась благодарность владыкѣ за благорасположенность къ семинаріи вообще и въ частности къ ея учащей корпораціи, и высказаны благожеланія о добромъ здоровьѣ и благоплодной дѣятельности на новомъ мѣстѣ служенія. Видимо онъ былъ тронутъ нашимъ вниманіемъ, благодарилъ насъ и съ своей стороны выразилъ благожеланія семинаріи и всѣмъ трудящимся въ ней.

Письмо епископа Михаила на мое имя и его рѣчь воспитанникамъ семинаріи.

Въ день отъѣзда въ Симферополь, 19-го декабря, преосвященный Михаилъ прислалъ мнѣ при письмѣ свою прощальную рѣчь воспитанникамъ и просилъ прочесть ее имъ. Письмо ко мнѣ я счелъ несудобнымъ оглашать, а рѣчь прочиталъ послѣ 4-го урока. Одно выраженіе въ рѣчи относи-

тельно *обновленія церкви Полтавской* показалось мнѣ весьма неудобнымъ, и я его опустилъ при чтеніи. Для соблюденія полной корректности по отношенію къ епархіальному архіерею слѣдовало доложить ему о рѣчи уѣзжающаго преосвященнаго до ея прочтенія, но я этого не могъ сдѣлать, потому что получилъ ее незадолго до окончанія классныхъ занятій. Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго повѣствованія, содержаніе рѣчи весьма не понравилось владыкѣ правящему, а прочтеніе ее воспитанникамъ, безъ его вѣдома, вызвало минутную вспышку и чуть не порицаніе мнѣ за показавшуюся ему некорректность съ моеї стороны. На рѣчь наложено было запрещеніе и она мною не опубликована. Года два назадъ въ неподлинномъ видѣ она появилась на страницахъ Таврическихъ епархіальныхъ вѣдомостей. Кто ее доставилъ редакціи, я не знаю, но полагаю, что это сдѣлано смотрителемъ Симферопольскаго духовнаго училища А. П. Лео—мъ, собирателемъ и издателемъ рукописей епископа Михаила. Въ виду нѣкоторой разности опубликованнаго текста рѣчи съ находящимся у меня подлинникомъ и для объясненія той нервности, какую она породила, не могу не отвести ей и письму преосвященнаго ко мнѣ подобающаго мѣста въ своихъ воспоминаніяхъ. Вотъ что въ нихъ написано:

„Ваше высокопреподобіе, достоуважаемый отецъ ректоръ! Къ моему глубокому сожалѣнію я не имѣю возможности лично проститься съ воспитанниками ввѣренной вамъ семинаріи. Въ продолженіи годичной своей службы съ вами я всегда видѣлъ, какъ дороги и близки для васъ духовные и матеріальные интересы учениковъ; какъ вы всегда отечески горячо ходатайствовали за тѣхъ изъ нихъ, которымъ угрожало строгое дисциплинарное наказаніе; какъ вы при всякомъ случаѣ жалѣли и щадили ихъ неопытность и горячность, изыскивая всякія средства поддержать дисциплину чисто отеческими мѣрами внушенія, выговора и т. п., принимая такимъ образомъ всю тяжесть дѣла лично на себя, лишь бы только не портить ихъ будущности;—зная все это и предполагая, что и воспитанники ваши чувствуютъ эту незримую вашу къ нимъ любовь сквозь вашу видимую суровость и, можетъ быть, взыскательность, я надѣюсь доставить и вамъ и имъ пріятное, прося васъ прочитать и передать имъ мой прилагаемый при семъ прощальный привѣтъ.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ уваженіемъ и искренней любовью остаюсь вамъ преданный Михаилъ, епископъ Канпирскій“.

Въ рѣчи преосвященнаго воспитанникамъ дословно написано такъ:

„Дорогіе питомцы Полтавскоіи семинаріи! Искренно и глубоко сожалею, что лишень возможности лично проститься съ вами, благословить васъ и высказать вамъ свои прощальныя сердечныя пожеланія. Молю Бога, да поможетъ Онъ вамъ Своею благодатною силою быть достойными того великаго званія, къ которому Онъ призываетъ васъ. Не угашайте въ себѣ духа, но воспламеняйте его! Заботьтесь всячески о его подъемѣ и не поддавайтесь той будничной рутинѣ, тому будничному настроенію, которое окружаетъ каждого изъ насъ и въ школѣ и въ жизни и каждого старается втянуть въ себя...—Учебная сторона вашего дѣла, можетъ быть, представляется вамъ въ видѣ скучныхъ учебниковъ и балльныхъ отмѣтокъ. Но станьте выше этого мелкаго и недостойнаго возрѣнія. Вдумайтесь, сколько человѣческихъ усилій было положено, сколько Божіей любви и мудрости было проявлено, прежде чѣмъ открыть тѣ истины, которыя вамъ предлагаются въ этихъ сухихъ, повидимому, книгахъ. Подумайте о томъ, сколько свѣта знанія и любви сосредоточено въ ихъ краткихъ формулахъ и положеніяхъ, и какъ, съ какимъ самоотверженіемъ рвались и рвутся къ этому свѣту самые лучшіе, самые чистые и святые изъ людей! Можеть быть вспомните рассказы вашихъ отцовъ и дѣдовъ, какъ старины проводили цѣлыя ночи надъ латинскими учебниками по богословію и философіи, лишь бы почерпнуть изъ нихъ какую нибудь крупицу знаній! и этими именно тружениками двигалась и наука и жизнь нашей русской церкви! А кто изъ васъ не знаетъ и теперь такихъ деревенскихъ мальчиковъ и подростковъ, которые рады были бы просидѣть часы и дни надъ учебной книгой, лишь бы поучиться и знать кое-что,—и они лишены всякой возможности сдѣлать это! Представьте, сколько можно внести свѣта въ тьму народной жизни, благодаря тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя вы получаете изъ учебниковъ, сколькихъ можно нравственно облагородить, привести къ Христу и церкви, сколькимъ можно открыть богатство нашей православной вѣры и нашего чуднаго богослуженія,—если живо и сознательно воспри-

нять то, что предлагается вамъ. Обратите свое сердечное вниманіе на все это, и вы поймете, что будничныи взглядъ на учебное дѣло — взглядъ низменныи и ложныи, взглядъ, къ которому всегда склоняетъ насъ врагъ челоѵческой жизни и развитія, врагъ Христова свѣта и духовнаго совершенства.

А если вы встанете на высоту Христіанскаго взгляда на ваше просвѣщеніе, то само собою установится и ваше отношеніе къ той дисциплинѣ, къ тому строю жизни, который установленъ въ вашемъ заведеніи. Вы будете выше всякихъ стѣсненій, вы не будете чувствовать ихъ. Вы сами свободно пойдете на молитву, сами свободно признаете и часы занятій и часы отдыха и сна, и вышніи основныи требованія дисциплины будутъ совершенно совпадать съ вашимъ внутреннимъ стремленіемъ урегулировать свою жизнь, чтобы больше поработать и легче просвѣтитъ своей душой: не забудьте, что вышній воспитательныи порядокъ вашей жизни есть тоже результатъ усилій лучшихъ людей долговременнаго опыта, и кто смотритъ на все это только какъ на произволъ начальства или на выдумку придуманную лишь въ видахъ одного безцѣльнаго стѣсненія, тотъ глубоко и грубо ошибается. Это все тотъ же низменныи, будничныи взглядъ, о которомъ я говорилъ выше и который недостойнъ вашего высокаго призванія.

Наконецъ не могу не умолять васъ на прощаньи примѣнить ту же высокую точку зрѣнія и на ваше будущее служеніе въ качествѣ просвѣтителей народа и пастырей его. Вы конечно сами знаете, какъ велики и святы эти задачи, но вамъ нужно поработать надъ собою, чтобы сердцемъ и всеи душой почувствовать это величіе и святость ихъ и отдаться безраздѣльно ихъ жизненному выполненію. Въ васъ — будущее русской земли и русской православной церкви. Въ вашихъ рукахъ душа народа, выполненіе всѣхъ его надеждъ, осуществленіе всеи его глубокой вѣры. Стыдно и горько будетъ, если мы окажемся недостойными своей высокой миссии, и страшное наказаніе ожидаетъ насъ за это отъ Бога, не говоря уже о презрѣніи народа и всеи будущей исторіи... Можетъ быть васъ страшитъ незамѣтность вашего будущаго подвига? Но представьте себѣ, что хотя бы десятокъ изъ васъ каждый годъ вступалъ въ жизнь съ

полнымъ самоотверженіемъ, съ жаждой послужить церкви и народу общими и дружными усиліями,—тогда на вашихъ глазахъ произошло бы обновленіе Полтавской церкви, а съ ней и народной жизни и народнаго христіанскаго просвѣщенія. Неужели этого было бы недостаточно, чтобы удовлетворить самое великое сердце, самыя пламенныя его мечты? Нѣтъ, не незамѣтность подвига васъ удерживаетъ отъ стремленія къ нему, а тоже будничное неизменное настроеніе, о которомъ я говорилъ вамъ и которое стоитъ при дверяхъ сердца каждаго изъ насъ и ловитъ всякій моментъ войти въ него и овладѣть имъ. Будьте же свободны и стряхните его иго! Молитесь Господу и Онъ поможетъ вамъ! И на сердцахъ вашихъ, полномъ братской взаимной любви, будетъ весело и радостно, и вся жизнь и все настоящее и будущее освѣтится такимъ свѣтомъ, согрѣется такою теплотой, о которой теперь вы не можете и мечтать!.. Отъ всей моей души молю объ этомъ нашего Спасителя и Господа!

Если кому нибудь изъ васъ сердце подскажетъ, что только одна любовь къ вамъ и къ Божьей правдѣ водятъ сейчасъ моимъ перомъ,—я буду душевно благодаренъ, а если вы и въ жизни вспомните мои слова и приложите ихъ къ дѣлу, то я буду вполне счастливъ и возблагодарю Бога; только при этомъ попрошу присоединить и вашу сердечную молитву обо мнѣ. — Призываю на всѣхъ васъ благословеніе Божіе. Съ искренней къ вамъ любовью Михаилъ, Епископъ Каширскій“.

По прочтеніи этой сердечной рѣчи дѣйствительно благого архипастыря, выслушанной воспитанниками съ глубокимъ вниманіемъ и сопровождаемой одушевленнымъ пѣніемъ „многая лѣта“ уѣзжающему владыкѣ, я поѣхалъ въ монастырь попрощаться съ нимъ и поблагодарить за его благо-вниманіе къ питомцамъ и добрыя отношенія ко мнѣ. Жалко было смотрѣть на него, хрипота его казалась мнѣ зловѣщеною, но онъ удивительно былъ спокоенъ. День былъ холодный, ночью стало еще холоднѣе, а откладывать отъѣздъ было невозможно, потому что преемникъ уже пріѣхалъ и временно пріютился въ помѣщеніи эконома архіерейскаго дома. Съ почнымъ поѣздомъ Преосвященный отбылъ къ мѣсту своего новаго служенія и скорого вѣчнаго упокоенія († 19-го авг. 1898 г.). Провожавшихъ его на вокзалъ было достаточно; были многіе изъ семинарской корпораціи, но изъ духовен-

ства, кромѣ меня, о. смотрителя духовнаго училища и благочиннаго, никого не было!

Высоко, слишкомъ даже высоко стоять у насъ архіерен, когда они у власти или близки къ ней, но не дай Богъ никому испытывать на себѣ такого равнодушія, какое къ нимъ обнаруживается, когда сходятъ съ своихъ мѣстъ, отъ тѣхъ лицъ, которыя преклонялись предъ ними и лицемѣрно угождали имъ! Это нашъ непростительный грѣхъ и его настоящее имя *невоспитанность*.

Докладъ епархіальному преосвященному о рѣчи епископа Михаила и его отзывъ о ней.

На другой день, 20-го декабря, я явился къ преосвященному Иларіону по дѣламъ служебнымъ и для отчетности о прошедшемъ днѣ. Владыка былъ не въ духѣ,—нога сильно побаливала, что его, въ виду затяжности леченія, очень беспокоило. Разказалъ ему про письмо ко мнѣ преосвященнаго Михаила и содержаніе его рѣчи къ воспитанникамъ и объяснилъ, что за краткостію времени, оставшагося до окончанія классныхъ занятій, не могъ явиться къ нему для доклада о рѣчи. Выслушалъ меня спокойно и никакого недовольства не обнаружилъ. Но вѣроятно послѣ меня были и другіе докладчики или докладчицы съ болѣе подробными свѣдѣніями о вчерашнемъ днѣ. Должно быть что нибудь они припутали и относительно рѣчи преосвященнаго Михаила, ибо рано утромъ слѣдующаго дня явился ко мнѣ келейникъ съ записочкой отъ преосвященнаго, въ которой просилъ прислать ему письмо и рѣчь бывшаго викарія или самому принести. Отослалъ требуемое съ келейникомъ, а самъ часа черезъ два или три отправился къ нему, чтобъ справиться относительно боли въ ногѣ. Владыка встрѣтилъ меня, какъ и всегда, любезно. Поговорили о разныхъ дѣлахъ, сообщилъ, что боль въ ногѣ менѣе чувствительна, но опухоль есть; вызванъ изъ Кременчуга извѣстный докторъ-хирургъ Бугаевскій, но онъ можетъ пріѣхать только на третій день праздника. Я собрался уходить, но былъ удержанъ и выслушалъ весьма цѣлестный отзывъ о письмѣ и рѣчи преосвященнаго Михаила. Говорилъ преосвященный съ неудовольствіемъ и раздраженіемъ; находилъ неумѣстнымъ обращеніе къ воспитанникамъ безъ его разрѣшенія; усматривалъ въ этомъ какую-то демонстративность со стороны пре-

освященнаго Михаила, некстати подписавшагося своимъ новымъ титуломъ „Епископъ Канирскій“; обратилъ особенное вниманіе и придавъ значеніе словамъ *объ обновленіи Полтавской церкви*, которыми якобы порицается дѣятельность Полтавскихъ архипастырей, не сумѣвшихъ обновить оную, причемъ упомянулъ о знаменитомъ въ свое время архіепископѣ Гедесонѣ (съ 1834 по 1849 г.), бывшемъ ректорѣ Кіевской академіи епископѣ Іереміи (съ 1849 по 1850 г.) и многопотрудившемся архіепископѣ Іоаннѣ (съ 1862 по 1887 г.). Нелестно отозвался и о письмѣ ко мнѣ. „Что это за комплименты? Развѣ вы нуждаетесь въ какой нибудь защитѣ? Хорошо, что не прочитали письмо воспитанникамъ, которое могло бы быть истолковано въ превратномъ смыслѣ“. При этомъ далъ понять, что не всякому слову можно довѣрять! Между прочимъ сказалъ, что вчера, подъ минутнымъ впечатлѣніемъ, хотѣлъ было написать оберъ-прокурору о случившемся и упомянуть, что ректоръ прочиталъ письмо, не доложивши ему, но теперь онъ успокоился и оставилъ это дѣло.

Выслушавъ беспокойную рѣчь своего добраго владыки, мнѣ больно было предположить, что онъ сомнѣвается въ моей искренней къ нему преданности, и я взволнованно выразилъ ему это. Онъ сказалъ, что вполне увѣренъ во мнѣ; знаетъ, что не только въ глаза, а и всегда выражаю свою искренность къ нему; что этому дѣлу не будетъ придавать больше значенія, но рѣчь нанечатать не разрѣшаетъ.

Въ разговорѣ обнаружилось недовольство преосвященнаго на семинарскую корпорацію, члены которой якобы неблагожелательны къ нему. Тѣ изъ нихъ, которые во-время и не во-время заходили къ преосвященному Михаилу, потеряли въ его глазахъ значеніе, причемъ Л. и Н. назывались по имени, какъ больше другихъ не правившіеся ему за свой якобы критицизмъ. Все горе происходило оттого, что владыка Иларіонъ, не обучавшійся въ академіи, относился подозрительно ко всему исходящему отъ *ученыхъ*.

Я воспользовался переменною его настроенія и указалъ на неудобство передачи семинаріи въ завѣдываніе викарія, ставящее въ щекотливое положеніе ректора. Мое заявленіе принято было во вниманіе и новому викарію завѣдываніе семинаріею не поручалось.

Прот. І. Пичета.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Февраля

№ 3

1913 года.

Содержаніе: Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ о состояніи Харьков. Епарх. жен. училища. (Продолженіе).

I.

Епархіальныя извѣщенія.

а) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія должности.

1) Діаконъ Андреевской церкви с. Дарына, Суджанскаго уѣзда, *Димитрій Курдюмовъ*, 31 января опредѣленъ на священническое мѣсто при Троицкой церкви сл. Мироновки, Харьковскаго уѣзда.

2) Діаконъ-псаломщикъ Успенской церкви г. Ахтырки *Владиміръ Бародасевскій* 27 января опредѣленъ на діаконское мѣсто при Пятиницкой церкви сл. Бакировка, Ахтырскаго уѣзда.

3) Учитель народнаго училища *Матвей Горобецъ* 26 января опредѣленъ на діаконское мѣсто при Архангело-Михайловской церкви сл. Ольшаной, Лебединск. уѣзда.

4) Безмѣтный діаконъ *Александръ Краснокутскій* 31 января опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Успенской ц. гор. Ахтырки.

5) Личный почетный гражданинъ *Николай Казанскій* 31 января опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Успенской церкви сл. Двурѣчной, Купянск. уѣзда.

б) О смерти духовенства.

1) Священникъ Покровской церкви с. Великаго, Волчанскаго уѣзда, *Петръ Никитинъ*, 26 января умеръ.

2) Псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви сл. Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда, *Петръ Якубовичъ*, 2 февраля умеръ.

в) Обь утвержденіи церковныхъ старостъ.

1) Къ Рождество-Богородичной церкви гор. Валокъ старостою 31 января утвержденъ мѣщанинъ *Константинъ Бурякъ*.

2) Къ церкви сл. Мартовой, Волчанскаго уѣзда, старостою 3 февраля утвержденъ крестьянинъ *Іаковъ Сушковъ*.

3) Къ церкви с. Старой Рябины, Богодух. уѣзда, старостою 23 января утвержденъ крестьянинъ *Шикита Савченко*.

4) Къ церкви с. Соколова, Зміевск. уѣзда, старостою 20 января утвержденъ крест. *Василій Гацюра*.

5) Къ церкви с. Ново-Покровскаго, Зміевского уѣзда, старостою 3 февраля утвержденъ крест. *Кирилль Огарковъ*.

6) Къ церкви с. Верхняго Бишкина, того-же уѣзда, старостою 30 января утвержденъ крест. *Петръ Лактіоновъ*.

7) Къ церкви с. Спѣваковки, Изюмскаго уѣзда, старостою 24 января утвержденъ крестьянинъ *Василій Заяць*.

8) Къ церкви с. Михайловки, того-же уѣзда, старостою 28 января утвержденъ крестьянинъ *Стефанъ Романько*.

9) Къ церкви с. Пашкова, того-же уѣзда, старостою 2 февраля утвержденъ крестьянинъ *Иматій Склярвъ*.

10) Къ церкви с. Кабанья, Купинскаго уѣзда, старостою 23 января утвержденъ крестьянинъ *Василій Задирака I*.

11) Къ церкви с. Ново-Никольска, того-же уѣзда, старостою 2 января утвержденъ крест. *Андрей Тончій*.

12) Къ церкви с. Анниной, Лебединскаго уѣзда, старостою 22 января утвержденъ крест. *Михалъ Устименко*.

13) Къ церкви с. Петренкова, Староб. уѣзда, старостою 19 января утвержденъ крестьянинъ *Кадратъ Чурина*.

14) Къ церкви с. Петро-Павловки, того-же уѣзда, старостою 21 января утвержденъ крест. *Иванъ Шевцовъ*.

15) Къ церкви с. Бѣлявки, того-же уѣзда, старостою 23 января утвержденъ крест. *Климентъ Коцюберда*.

16) Къ церкви с. Свято-Димитріевки, того-же уѣзда, старостою 28 января утвержденъ крест. *Василій Удоденко*.

17) Къ церкви с. Безгиновой, того-же уѣзда, старостою 28 января утвержденъ крест. *Симеонъ Пташенко*.

г) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

1) Священникъ с. Шелудковки, Зміевск. уѣзда, *Иларіонъ Жуковъ*, 17 января утвержденъ въ должности Шелудковскаго народнаго училища.

2) Священникъ с. Мосьпановой, Зміевского уѣзда, *Петръ Тимошевъ*, 18 января утвержденъ въ должности законоучителя Мосьпановскаго народнаго училища.

3) Священникъ с. Борщевой, того-же уѣзда, *Владиміръ Леонтовичъ*, 18 января утвержденъ въ должности законоучителя Борщевскаго народнаго училища.

д) Вакантныя мѣста.

1) Священническія:

При Іоанно-Богосл. ц. с. Шандриголовой, Из. уѣзда.

2) Діаконскія:

При Дмитріевской ц. с. Бишкина, Леб. уѣзда.

3) Псаломщицкія:

При Скорбященской ц. с. Богородичнаго, Из. у.

» Архангело-Мих. ц. с. Журавнаго, Ахт. у.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1911—1912-й учебн. годъ.

(Продолженіе *).

II. Составъ учащихся.

Харьковское Епархіальное женское Училище—шестиклассное, съ восемью параллельными отдѣленіями и 7 дополнительныхъ педагогическимъ классомъ.

Составъ учащихся въ немъ въ концѣ 1911—1912 учебнаго года показывается слѣдующая таблица:

К Л А С С Ы	Общее число учащихся	Духовныхъ	Инословныхъ	Живущихъ въ обществѣ	Приходящихъ	На полномъ Епархіальномъ содержаніи	На уменьшенномъ	Стипендіатки и содержавшія на средства благотворителей	Окончившія курсъ и удостоен. аттестатовъ.
1-й нормальный	50	49	1	50	—	3	—	3	—
1-й параллельный	44	42	2	44	—	3	—	3	—
1-й дополнительный	46	42	4	46	—	3	—	2	—
2-й нормальный	54	50	4	53	1	3	1	7	—
2-й параллельный	49	47	2	49	—	2	—	6	—
2-й дополнительный	52	51	1	52	—	7	—	4	—
3-й нормальный	46	46	—	45	1	4	1	4	—
3-й параллельный	47	46	1	47	—	5	—	6	—
4-й нормальный	44	44	—	44	—	5	4	5	—
4-й параллельный	47	46	1	45	2	4	1	5	—
5-й нормальный	56	53	3	56	—	9	3	3	—
5-й параллельный	43	41	2	43	—	4	1	7	—
6-й нормальный	37	36	1	37	—	2	1	4	36
6-й параллельный	42	42	—	40	2	3	2	7	41
7-й дополнительный	33	31	2	32	1	—	—	2	32
	690	666	24	683	7	59	14	70	109

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2 за 1913 г.

Примѣчаніе. За дочерей духовенства Епархіальнаго вносились 125 руб., за дочерей духовенства ипокрхіальнаго — 180 р. и за двѣиць свѣтскаго званія—250 руб. въ годъ.

III. Учебно-воспитательная часть.

Учебно-воспитательное дѣло въ Училищѣ опредѣлялось требова- ніями «Устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ», циркулярными разъясненіями по духовно-учебному вѣдомству, объяснительными записками при учебныхъ программахъ, утвержденныхъ Св. Синодомъ 6—28-го сентября 1895 года, и по учебной таблицѣ, предложенной къ руководству по опредѣленію Св. Синода отъ 23 августа—5 сентября 1907 года, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ учебномъ курсѣ Епархіальныхъ женскихъ училищъ, а также «Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 2—29 іюня 1908 года за № 4718, съ руководственными указаіями и правилами по воспитательной части въ духовно-учебныхъ заведе- ніяхъ», пронечатанныхъ въ циркулярѣ по духовно-учебному вѣ- домству за № 24.

а) Недѣльное распределение уроковъ съ объясненіемъ причинъ ка- кихъ либо уклоиеній отъ предписаній установленной программы, если таковыя были допущены.

Согласно п. 10 § 24 «Устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ» въ началѣ учебнаго года о. Инспекторомъ классовъ, по соглашенію съ преподающими лицами, было составлено недѣльное расписание уроковъ, которое, по разсмотрѣніи его Совѣтомъ училища, было утверждено Его Высокопреосвященствомъ. Расписание было состав- лено согласно таблицѣ, выработанной Учебнымъ Комитетомъ и на- печатанной въ № 36 «Церковныхъ Вѣдомостей» за 1907-й годъ, и для 7-го педагогическаго класса согласно таблицѣ, напечатанной въ № 41 «Церковныхъ Вѣдомостей» за тотъ же годъ. Въ 1 классѣ было 26 уроковъ, въ томъ числѣ пять необязательныхъ уроковъ французскаго языка и одинъ урокъ нѣмецкаго языка. Во 2 классѣ 27 уроковъ, въ томъ числѣ четыре урока французскаго и одинъ нѣмецкаго языка. Въ 3 классѣ 26 уроковъ, въ томъ числѣ четыре урока французскаго языка. Въ 4 классѣ 28 уроковъ, въ томъ числѣ 3 урока французскаго языка. Въ 5 классѣ 30 уроковъ, въ томъ числѣ 3 урока французскаго языка и 1 урокъ дидактики, оставлен- ный Совѣтомъ Училища въ этомъ классѣ по прежней программѣ съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, такъ какъ для воспитан- ницъ, оставляющихъ училище по окончаніи 6-го класса, не доста-

точно 3-хъ уроковъ въ 6 классѣ для основательнаго знакомства съ педагогикой теоретически, а главное практически. Въ 6 классѣ 30 уроковъ, въ томъ числѣ 2 урока французскаго языка и 1 урокъ гигіены, введенный въ 6 классѣ, согласно журнальному постановленію Совѣта училища, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, въ виду желательности и необходимости ознакомленія всѣхъ воспитанницъ училища съ курсомъ общей гигіены. Въ 7 педагогическомъ классѣ 29 уроковъ, въ томъ числѣ два урока руководѣля.

Въ составленномъ расписаніи уроки были распределены такъ, что въ трехъ младшихъ классахъ не допускалось въ одинъ день трехъ, а въ остальныхъ классахъ болѣе четырехъ уроковъ по обязательнымъ научнымъ предметамъ. Кромѣ сего, при составленіи расписанія имѣлось въ виду удовлетворить и тому педагогическому требованію, по которому болѣе трудные для усвоенія предметы должны ставиться на первые часы, а сравнительно легкіе—на послѣдніе часы, а также и тому, чтобы не назначались въ одинъ день только легкіе предметы, а въ другой—трудные.

Уроки начинались въ 9 часовъ утра, а оканчивались въ два часа 20 минутъ пополудни. Перемѣны между уроками были по 10-ти минутъ, а между 2-мъ и 3-мъ уроками—въ 40 мин. (завтракъ).

По средамъ и пятницамъ Великаго Поста, когда совершалась литургія Пржедосвященныхъ Даровъ, уроки начинались въ половинѣ девятаго часа утра и продолжались 35 минутъ.

Въ часы, свободные отъ уроковъ, воспитанницы занимались приготовленіемъ заданныхъ уроковъ, исполненіемъ письменныхъ работъ, внѣкласснымъ чтеніемъ книгъ, музыкой, руководѣлемъ, или же играми и прогулками на открытомъ воздухѣ.

б) Указаніе учебныхъ руководствъ, употребляемыхъ въ училищѣ, но не указанныхъ въ установленной программѣ.

Всѣ предметы училищнаго курса изучались преимущественно по учебнымъ руководствамъ и пособіямъ, указаннымъ въ общеобразовательныхъ программахъ для Епархіальныхъ училищъ. Изъ неуказанныхъ въ установленной программѣ учебниковъ въ училищѣ были въ употребленіи нижеслѣдующіе: а) по Закону Божию въ 4 и 5 классахъ—«Записки по Закону Божию» Прот. А. Лаврова, въ 5 и 6 классахъ по Церковной Исторіи К. П. Побѣдоносцева «Исторія христіанской Церкви до IX-го вѣка»; б) по русскому языку употреблялись «Хрестоматіи» Галахова 1 и 2 часть, Филонова, Смирновскаго и Невзорова; этимологія и синтаксисъ проходились по учебнику

Преображенскаго; въ качествѣ пособій по этому предмету употреблялись: «Задачи по русскому правописанію» Красногорскаго, «Зрительный диктантъ» Зелинскаго, «Курсъ спетематическаго диктанта» Смирновскаго во 2 и 3 классахъ; в) по Славянскому языку: «Этимологія» Григоревскаго; г) теорія русской Словесности проходилась по учебнику Бѣлоруссова; д) Исторія русской литературы—по учебнику Пезеленова и по «Очеркамъ русской литературы» Саводника, а также «Исторія русской литературы» М. Орлова; е) по Космографіи въ качествѣ учебниковъ служили: «Космографія» Аригейма и Малинина; ж) по алгебрѣ—«Краткая алгебра» Киселева; з) по геометріи—«Элементарная геометрія» Давыдова; и) по физикѣ въ качествѣ руководства служилъ учебникъ Краевича «Основная физика»; і) по природовѣдѣнію учебникъ Нечаева; к) по дидактикѣ—«Учебникъ дидактики» Мирнопольскаго и Смирнова 2-я часть; по церковному пѣнію «Практическія упражненія къ методу обученія хоровому пѣнію» Н. Брянскаго; по чистописанію—прописи Гербача; по французскому языку—учебникъ Триплинга; по нѣмецкому языку—Вѣлицкаго, по гигиенѣ—«Курсъ гигиены» братьевъ Черевковыхъ. Въ 7 классѣ въ качествѣ пособій при учебныхъ занятіяхъ употреблялись: «Изложеніе христіанской православной вѣры» и «Существенныя черты христіанскаго правоученія» Протоіерея П. Смирнова и «Методика Закона Божія» Н. Страхова; по Исторіи русской литературы—В. Саводникъ; «Методика русской грамоты» Н. Страхова; по русской исторіи—учебникъ исторіи Елпатьевскаго, «Учебникъ Всеобщей Исторіи» П. Виноградова; по физикѣ—Краевича и Дрентельна, по алгебрѣ—«Краткая алгебра» Киселева и «Сборникъ алгебраическихъ задачъ» 1 и 2 ч. Шапошникова и Вальцева, таблица логарифмовъ Лалаанда и «Записки по методикѣ элементарной ариѳметики» Вишневецкаго; по Психологіи—Барцова и «Записки по педагогикѣ» Скворцова; по естествовѣдѣнію—Шменля и «Курсъ химіи» Полянскаго; по Гигиенѣ—Черевкова и Волковой; по церковному пѣнію—учебникъ элементарной теоріи музыки Спасской и «Гармонія музыки»—Чайковскаго.

в) Выполнена ли въ каждомъ классѣ установленная программа, и если нѣтъ, то почему именно и какія мѣры предприняты были къ выполненію пропущеннаго.

Преподаваніе всѣхъ предметовъ училищнаго курса велось по программамъ, изданнымъ и утвержденнымъ Св. Синодомъ, а также согласно съ тѣми измѣненіями и дополненіями въ учебномъ курсѣ Епархіальныхъ женскихъ училищъ, которыя были сдѣланы впо-

слѣдствіи и указаны въ циркулярномъ опредѣленіи Св. Синода отъ 23 августа-5-го сентября 1907 года за № 5077. Все требуемое программами выполнялось во всѣхъ классахъ съ надлежащею полнотою и обстоятельностью; при чемъ удѣлено было достаточно времени на повтореніе пройденнаго или въ полномъ объемѣ курса или въ главныхъ частяхъ.

Методы и приемы преподаванія соответствовали возрасту, степени развитія учащихся и характеру изучаемыхъ предметовъ.

Въ частности, Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта была проведена по руководству Протоіерея Д. Соколова. При изученіи Ветхаго Завѣта преимущественно обращалось вниманіе на Мессіанское значеніе его; при изученіи Новаго Завѣта указывался величественный образецъ святости въ лицѣ Господа нашего Іисуса Христа, при чемъ многія мѣста Св. Писанія прочитывались по Евангелію. Въ 3 классѣ изученіе Богослуженія совершалось по учебнику Протоіерея Свирѣлина, порядокъ же богослужебныхъ дѣйствій проходилъ по богослужебнымъ книгамъ, при чемъ, знакомясь со смысломъ богослужебныхъ пѣснопѣній, воспитанницы важнѣйшія изъ нихъ заучивали и наизусть. Катихизисъ въ 4 и 5 классахъ изучался по руководству припомытнаго Митрополита Филарета и пособію къ нему—Протоіерея Лаврова, каковое употреблялось для облегченія воспитанницамъ болѣе связнаго запоминанія содержанія катехизиса, при чемъ для болѣе лучшаго усвоенія христіанскихъ истинъ прочитывались подтверждающія ихъ мѣста Св. Писанія. Церковная Исторія въ 5 и 6 классахъ изучалась по руководству Протоіерея П. Смирнова, мало однако пригодному по своей сжатости и нечетливости передачи событій и раскрытія ученія Церкви на соборахъ. Въ дополненіе къ учебнику въ классѣ прочитывалась книга «Дѣяній Св. Апостолъ» съ краткимъ объясненіемъ содержанія ея. Для большей наглядности при преподаваніи Закона Божія употреблялись карты—Палестины, картины изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, карты по Церковной Исторіи и Богослужебныя книги.

При обученіи русскому языку въ первыхъ трехъ классахъ имѣлось въ виду, во первыхъ, научить воспитанницъ читать бѣгло, сознательно и выразительно и прочитанное связно передавать какъ устно, такъ и письменно (3 кл.); во вторыхъ—систематически познакомить ихъ съ этимологіей и синтаксисомъ русскаго языка; въ третьихъ—сообщить имъ навыкъ писать съ соблюденіемъ правилъ этимологіи и синтаксиса. Для достиженія этой цѣли ученицы занимались чтеніемъ доступныхъ ихъ пониманію статей и заучиваніемъ

наизусть стихотвореній и басенъ. Чтеніе статей и стихотвореній сопровождалось объясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій. Грамматическія и синтаксическія правила закрѣплялись въ памяти учащихся на предварительномъ разборѣ примѣровъ и писемъ ихъ въ классѣ и на дому.

При изученіи теоріи Словесности по руководству Бѣлоруссова имѣлось въ виду познакомить ученицъ со свойствами слога, видами и родами словесныхъ произведеній; пріучить ихъ вникать во всѣ подробности читаемаго произведенія и находить главную мысль его. Для сей цѣли лучшія образцы словесныхъ произведеній прочитывались ученицами дома, а потомъ преподавателемъ въ классѣ, разбирались и выяснялись ученицамъ ихъ планъ, основная мысль и послѣдовательное раскрытіе ея второстепенными. При изученіи русской Литературы по руководству Незеленова и Саводника имѣлось въ виду не только надлежащее изученіе до-Петровскаго періода нашей Литературы, но и болѣе глубокое ознакомленіе воспитанницъ съ литературною дѣятельностью главнѣйшихъ русскихъ писателей послѣдующаго періода.

Гражданская Исторія проходила въ 2 классѣ—эпизодическій курсъ Русской Исторіи по краткому руководству Рождественскаго, въ 3 классѣ—Исторія древняго востока и Греціи по руководству Шловайскаго, въ 4 классѣ—Исторія древняго Рима, Исторія среднихъ вѣковъ, въ 5 классѣ—Новая Исторія—по тому же руководству, въ 6 классѣ систематическій курсъ Русской Исторіи проходили по руководству Рождественскаго. При изученіи Исторіи обращалось особое вниманіе на выдающіяся эпохи въ жизни народовъ. Учащими разъяснялся общій смыслъ событій, ихъ причины и результаты. При изложеніи событій Отечественной Исторіи, для лучшаго пониманія ихъ, приводились аналогичныя свѣдѣнія изъ исторіи другихъ народовъ. Карты и хронологическія таблицы составляли необходимую принадлежность при изученіи исторіи, а для возстановленія связи историческихъ фактовъ уроки исторіи почти всегда сопровождались повтореніемъ по вопросамъ.

Географія изучалась по руководствамъ: во 2 классѣ начальный курсъ по учебнику Раевского, въ 3 и 4 классахъ Вѣсевропейскія страны и Европа по учебнику Раевского, въ 5 классѣ Россія по учебнику Бѣлоха и въ 6 классѣ физическая и математическая географія по Космографіи Малинина и Аригейма. Знакомство съ географическими мѣстностями и запоминаніе географическихъ названій пріобрѣталось чрезъ разсмотрѣніе географическихъ картъ, картинъ и

глобусовъ. Сухой географическій матеріалъ разнообразился живописнымъ описаніемъ мѣстностей и быта преподавателемъ или чтеніемъ географическихъ хрестоматій. Свѣдѣнія изъ физической и математической географіи, необходимыя для пониманія географическихъ терминовъ, воспитанницы усвоили наглядно при помощи глобуса, теллурия и др. приборовъ.

Ариѳметика изучалась по руководству Кисилева, задачникамъ Гольденберга, Малинина и Буренина. Въ 1 классѣ изучались дѣйствія надъ простыми числами, въ 2-мъ надъ именованными, въ 3-мъ надъ дробями простыми и десятичными, а въ 4 классѣ изучались отношенія, пропорціи и тройныя правила съ правилами смѣшенія и процентовъ. Въ 5 и 6 классахъ алгебра и геометрія проходились по руководствамъ Кисилева и Давыдова (геометрія). Въ 5 классѣ по алгебрѣ пройдено объ алгебраическихъ знакахъ и дѣйствіяхъ, объ одночленѣ и многочленѣ и дѣйствіяхъ надъ ними, о пропорціяхъ и объ алгебраическихъ дробяхъ. По Геометріи—объ аксіомахъ и теоремахъ, о линіяхъ и углахъ, о треугольникахъ, о параллельныхъ линіяхъ и параллелограммахъ, о хордахъ и углахъ въ кругѣ и о подобныхъ треугольникахъ. Въ 6 классѣ по алгебрѣ, послѣ повторенія пройденнаго въ 5 классѣ, воспитанницы были ознакомлены съ извлеченіемъ квадратнаго корня отъ чиселъ и съ квадратнымъ уравненіемъ, съ возвышеніемъ въ степень и извлеченіемъ корня изъ одночленовъ, а равно съ составленіемъ и рѣшеніемъ уравненій 1-й степени съ однимъ и болѣе неизвѣстнымъ. По геометріи же въ 6 классѣ воспитанницы были ознакомлены съ правильными многоугольниками и измѣреніемъ площадей прямоугольныхъ фигуръ, съ свойствами кривыхъ линій окружностей, круга и многоугольниковъ, а равно съ измѣреніемъ длины окружности и площади круга, призмы, параллелепипеда, пирамиды, цилиндра, конуса и шара. Изученіе математики, въ виду особой трудности ея, производилось практическимъ путемъ: теоретическія правила выводились чрезъ разсмотрѣніе особыхъ примѣровъ и закрѣплялись въ памяти учащихся рѣшеніемъ устныхъ и письменныхъ задачъ.

Физика изучалась по руководству Краевича (основанія физики). Въ 5 классѣ прошли отдѣлы: объ общихъ свойствахъ тѣлъ, гидростатику, аэростатику и аэродинамику, о теплотѣ и парахъ и краткія свѣдѣнія о простѣйшихъ химическихъ явленіяхъ. Въ 6 классѣ—о магнетизмѣ, акустику, механику, оптику и электростатику съ электродинамикой. Для лучшаго ознакомленія съ физическими явленіями производились необходимыя физическіе опыты на приборахъ.

При изученіи Дидактики въ 5 и 6 классахъ по руководствамъ Миропольскаго и Смирнова 2 часть было обращено вниманіе на усвоеніе воспитанницами способовъ начального обученія предметамъ, указаннымъ въ программѣ церковно-приходскихъ школъ. Съ этой цѣлью воспитанницы, по установленной очереди, посѣщали образцовую церковно-приходскую школу при Училищѣ и давали здѣсь пробныя уроки по заранѣ составленнымъ ими конспектамъ по всемъ предметамъ школьнаго курса.

Природовѣдѣніе въ 4 и 5 классахъ изучалось по руководству профессора Нечаева, Зеленекаго и Лебедева. Воспитанницы пріобрѣтали общія свѣдѣнія о воздухѣ, водѣ, землѣ, строеніи и жизни растений, животныхъ и человѣка. Изученіе явленій природы совершалось наглядно, по образцамъ мѣстной природы, или по картинамъ природы и человѣка, или по коллекціямъ минераловъ и препаратовъ животныхъ.

По церковному пѣнію занятія воспитанницъ состояли въ ознакомленіи съ квадратной и круглой системами нотъ и изученіи осьмоголаснаго церковнаго пѣнія, а въ 6 классѣ также и изученіи краткой методики преподаванія церковнаго пѣнія въ начальной школѣ. Воспитанницы изучали трехъ-голосныя и четырехъ-голосныя церковныя пѣсеннопѣнія, употребляемыя при Богослуженіи.

По чистописанію и рисованію, по каковымъ предметамъ нѣтъ особыхъ программъ, занятія воспитанницъ состояли въ письменныхъ упражненіяхъ по руководству Гербача, въ черченіи разныхъ геометрическихъ фигуръ и въ рисованіи простыхъ предметовъ съ натуры.

Занятія по рукодѣлью состояли въ обученіи шитью: воспитанницы занимались шитьемъ форменныхъ платьевъ и разнаго бѣлья, необходимаго въ ихъ быту.

Изученіе французскаго языка происходило по руководству Трилинга и состояло въ чтеніи и письмѣ по французски, въ изученіи правилъ грамматики, переводѣ съ французскаго на русскій языкъ и въ составленіи простыхъ разговорныхъ фразъ по французски. Изученіе нѣмецкаго языка состояло въ чтеніи и переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій, заучиваньи нѣмецкихъ словъ и письмѣ нѣмецкихъ фразъ въ тетрадяхъ и на доскѣ.

Занятія воспитанницъ по музыкѣ состояли въ игрѣ на рояли и на скрипкѣ гаммъ, этюдовъ и легкихъ пьесъ въ 2 и 4 руки.

За выполненіемъ учебныхъ программъ, направленіемъ и методами преподаванія имѣлъ наблюденіе Инспекторъ классовъ, который съ этою цѣлью посѣщалъ уроки наставниковъ, просматривалъ записи

уроковъ въ классныхъ журналахъ и иногда посѣщалъ вечернія занятія воспитанницъ. Въ видахъ наблюденія за вниманіемъ ученицъ и поведеніемъ ихъ уроки посѣщались и г-жею Начальницею Училища.

(Продолженіе будетъ).

Содержаніе. Трехсотлѣтній юбилей царствованія на Руси Дома Романовыхъ и значеніе этого юбилея для русскаго государства и русскаго народа.—О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьковской епархіи. *Архимандрита Досифея*.—**Епархіальная хроника.**—Открытіе въ Харьковѣ законоучительскихъ собраній.—**Иноепархіальный отдѣлъ.**—Къ вопросу о борьбѣ съ хулиганствомъ въ деревнѣ.—**Разныя извѣстія и замѣтки.**—Русскій священникъ на войнѣ.—Объявленія.

II.

Трехсотлѣтній юбилей царствованія на Руси Дома Романовыхъ и значеніе этого юбилея для русскаго государства и русскаго народа.

Триста лѣтъ тому назадъ русское государство добровольнымъ избраніемъ всѣхъ своихъ сословій, единогласнымъ движеніемъ воли всего своего населенія, хотѣніемъ „всей русской земли“ ввѣрило свою судьбу, покорило себя отеческой волѣ и царственному водительство царственной династіи Романовыхъ. Избраніемъ на царство Михаила Теодоровича Романова начинается наследственно-преемственное на Руси царствованіе царей изъ Дома Романовыхъ. Съ этого момента высшіе интересы Россіи, русскаго государства и народа объединились съ интересами и жизнью этой династіи, члены которой чрезъ вступленіе на всероссійскій престолъ вступаютъ въ духовное родство, правящую связь и общеніе съ народомъ, становясь его любвеобильнымъ отцомъ, о чадѣхъ (поданныхъ своихъ) „веселящимся“. Русскій Православный Царь въ глазахъ Русскаго народа есть выразитель народно-государственнаго единства, символъ его величія, славы и чести. Объединяя въ себѣ все государство, всѣ народности населенія, Царь стоитъ виѣ отдѣльныхъ классовъ населенія. Православно-Русскій народъ видитъ въ своемъ Царѣ носителя Божественной воли, вырази-

теля высшихъ законовъ неба, блюстителя порядка, правды и законности. Въ немъ одномъ народъ сосредоточиваетъ высшую правду, милость и законность, отъ него одного онъ ждетъ и кары и милости. Православная Церковь, освѣщая и благословляя это духовное родство Царя съ народомъ при его вступленіи на престолъ, молитвенно испрашиваетъ у Господа благодатную помощь на великое служеніе его народу и государству чрезъ священное миропомазаніе или коронованіе его на царство. По ученію церкви православной и вѣрованію православно-Русскаго народа, Самъ Богъ благодатно скрѣпляетъ духовно-нравственное родство Царя съ народомъ, дѣлаетъ Царя орудіемъ Своей воли, выразителемъ Своего промыслительнаго попеченія о государствѣ и чрезъ его законы и дѣйствія ведетъ государство къ назначенной свыше цѣли.

Это духовное родство Царя съ народомъ, освященное Св. Церковью и выраженное въ самодержавной власти Царя, никто изъ людей не можетъ, не смѣетъ ограничить или прекратить. И церковь, желая блага и счастья государству, молить Бога „умудрить“ Государя, даровать ему Божественныя силы и помощь на благо народу и эту мысль выражаетъ въ молитвѣ: „огради миромъ державу, глаголи мирная и благая въ сердцахъ Ихъ (членовъ царствующаго Дома) о церкви Твоей святѣй и о всѣхъ людяхъ, да и мы въ тишинѣ Ихъ проживемъ тихое житіе въ правовѣрїи и во всякомъ благочестїи и чистотѣ“. Въ этомъ вѣрованїи, въ такомъ пониманїи взаимныхъ отношеній Царя и народа и заключается, изъ него вытекаетъ великое значеніе настоящаго юбилея царствующей династїи для государства и народа. Юбилейное празднество царствующей нашей династїи есть вмѣстѣ великій праздникъ, славное торжество и Русскаго государства и русскаго народа, жизнь которыхъ за прожитыя триста лѣтъ слилась воедино.—Конечно, Русское государство существовало, росло, развивалось и крѣпло и ранѣе царствованія Дома Романовыхъ, исторїя Россїи гораздо древнее исторїи Романовыхъ. Но воцареніе на Руси перваго родоначальника нынѣ царствующей династїи совпало съ нѣкоторымъ измѣненіемъ направленія государственной жизни Россїи, съ новымъ курсомъ политической жизни нашего государства. Поэтому юбилей царственной династїи Романо-

выхъ есть вмѣстѣ юбилей этой новой жизни русскаго государства.

Государи изъ Дома Романовыхъ вывели Русь изъ національной замкнутости на широкій путь общенія съ Западно-Европейскою культурою, приобщили русское общество къ высокой христіанской цивилизаціи, выработанной на прочныхъ началахъ и въ полномъ согласіи христіанской нравственности съ идеями науки и просвѣщенія. Представители этого славнаго царствующаго Дома сдѣлали Россію дѣятельнымъ участникомъ и членомъ обще-Европейскаго концерта народовъ и государствъ, и дали Россіи возможность и силу вліять на ходъ обще-Европейской политики и мирнымъ путемъ сдерживать эгоистическіе порывы отдѣльныхъ народовъ. Всѣми мѣрами содѣйствуя развитію въ Россіи идей просвѣщенія, наукъ и искусствъ, обосновывая жизнь государства на широкихъ началахъ христіанской гуманности, справедливости и высшаго добра, Государи изъ Дома Романовыхъ постепенно измѣнили самый укладъ государственной жизни, воспринявъ новыя формы и органы внутренняго правленія, наиболѣе отвѣчающія высшимъ задачамъ и культурнымъ цѣлямъ государственной жизни. Всецѣло проникшись высокими идеями нравственнаго общенія со своими подданными, самоотверженно служа истинной пользѣ своего государства, беззавѣтно любя свой народъ, Государи изъ Дома Романовыхъ своими мудрыми законами и распоряженіями обогатили Россію, развивъ съ ней промышленность, ремесла и высококультурные способы веденія экономической жизни. Сами всегда одушевляясь искренно христіанскою вѣрою и сыновнею преданностью Церкви православної, Русскіе Цари, всегда оставаясь первыми сынами Церкви и являя живой примѣръ благочестивой жизни христіанской, всегда были ревностными и могущественными защитниками вѣры православної, охранителями догматовъ ея, носителями и исполнителями законовъ и установленій ея, строителями и щедрыми украсителями святыхъ храмовъ Божіихъ. Заботясь о проведеніи въ жизнь своихъ подданныхъ твердыхъ основъ христіанской нравственности, непреложныхъ законовъ правды Божіей, Русскіе Цари всегда побуждали и побуждаютъ свое правительство о непремѣнномъ согласованіи законовъ и установленій государственно-гражданскихъ

съ религіозно-церковными. Церковь православная и вѣра Святая всегда были душею Русскаго государства, одухотворяющимъ началомъ государственно-гражданской жизни на Руси. Въ заботахъ объ этомъ, Государи изъ царствующаго Дома Романовыхъ уничтожили крѣпостное право, даровали скорый, милостивый и правый судъ, развили общественную и государственную благотворительность на самыхъ широкихъ и жизненныхъ началахъ. Въ развитіи благотворительности на Руси принимали въ теченіе истекшихъ трехсотлѣтъ самое теплое, жизненно отзывчивое и чрезвычайно дѣятельное участіе царицы и царевны, великія княгини и княжны изъ царствующаго Дома Романовыхъ. Благодаря этому участію многія тысячи благотворительныхъ учрежденій, учебныхъ заведеній и приютовъ раскинуты по всему лицу обширной Россіи и служатъ на благо и утѣшеніе всѣмъ несчастнымъ, обездоленнымъ калѣкамъ и безпріютнымъ сиротамъ. Этимъ христіански-милостивымъ служеніемъ государству и народу династія Романовыхъ увѣковѣчила свое имя въ сердцахъ многомиліоннаго населенія Россіи и самая теплая и благодарная молитва непрерывно несетя изъ благодарныхъ сердець Россіянъ къ Всемогущему Господу, моля о милостивомъ воздаяніи правосудія Божія.

Сознавая, что глубокая религіозность и истинно-высокая нравственность можетъ пайти твердую опору и незыблемую поддержку въ правильномъ умственномъ развитіи и истинно-христіанскомъ просвѣщеніи общества, Государи Русскіе въ теченіе истекшаго трехсотлѣтія съ особеннымъ вниманіемъ и энергіей заботились о расширеніи и уцеленіи правильно поставленнаго образованія, покрывъ Россію огромнымъ количествомъ разнообразныхъ по своему типу низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

Чтобы дать Россіи возможность спокойно развиваться, преусугвѣвать и совершенствоваться во внутренней жизни, Государи въ теченіе истекшаго трехсотлѣтія съ особенною заботливостью и отеческимъ вниманіемъ охраняли Россію отъ внѣшнихъ враговъ, входя въ добрососѣдскія отношенія съ одними или заставляя силою другихъ не беспокоить государство. Постепенное расширеніе предѣловъ, обезопасеніе границъ, приобрѣтеніе морскихъ свободныхъ выходовъ изъ

государства составляли всегдашнюю заботу царствующаго Дома, и въ этомъ отношеніи Домъ Романовыхъ достигъ блестящихъ результатовъ. Въ настоящій торжественный праздникъ трехсотлѣтняго юбилея своего царствованія на Русѣ, царственный Домъ Романовыхъ съ благоговѣйнымъ смиреніемъ созерцаетъ, что онъ управляетъ самымъ великимъ, самымъ могущественнымъ и сильнымъ государствомъ въ мірѣ. И это величіе царственнаго Дома есть вмѣстѣ и нераздѣльно благородное величіе всей Россіи, всего мыслящаго ея населенія. И за это въ настоящій юбилейный праздникъ самая искренняя задушевно пламенная и усердная молитва благодарныхъ Россіянъ за своего Царя-Батюшку и за весь его царственный Домъ да будетъ первымъ поздравительнымъ подаркомъ Державному Юбиляру!..

Унаслѣдовавъ отъ Дома Рюриковичей родственную связь съ славянствомъ, соединивъ себя съ народомъ въ національное единство, Государи изъ Дома Романовыхъ въ теченіе истекшаго трехсотлѣтія твердо держались строгаго національнаго направленія въ своей государственной политикѣ, стремясь согласовать его съ христіанскими, общечеловѣческими идеями. Повинуясь ученію православной Церкви, которая проповѣдуетъ и учитъ своихъ чадъ созидать національное благоустройство и величіе отдѣльныхъ государствъ и народовъ въ непремѣнномъ согласіи съ высшими идеями общечеловѣческаго братства и союза всѣхъ народовъ и государствъ, Русскіе Государи Дома Романовыхъ, бережно охраняя и всячески заботясь о благоустроеніи кореннаго, славянскаго населенія Россіи, никогда въ тоже время не относились деспотически къ другимъ національностямъ, населяющимъ ее, и всѣ тѣ изъ нихъ, кои хотѣли найти подъ покровомъ и мудрымъ правленіемъ Россіи новую для себя отчизну и не обнаруживали особой строптивости и неуживчивости съ кореннымъ населеніемъ, всѣ они всегда отечески принимались Русскими Государями, какъ вѣрные сыны и покорные дѣти. Россія подъ мудрымъ и христіански гуманнымъ правленіемъ своихъ Царей никогда никого не тѣснила, никому никогда не мѣшала у себя благоустроиться, лишь бы только не наносился серьезный и явный вредъ государству. За триста лѣтъ царствованія Дома Романовыхъ множество иноземцевъ и иностранцевъ нашли себѣ въ Россіи самый ра-

душный пріемъ и подъ покровомъ законовъ Россійскихъ создали свое благополучіе—матеріальное и служебное. Поэтому и все иноземное население Россіи въ настоящій юбилейный праздникъ, всѣ мыслящіе Россіяне единымъ сердцемъ и едиными устами вознесутъ теплую восторженную молитву за Царя и весь царствующій Домъ, какъ слабый даръ Державному Юбиляру. Держась глубоко національной политики и считая себя представителями и защитниками вѣры Православной, Государи изъ царствующаго Дома Романовыхъ всегда поддерживали нравственную связь и духовное общеніе съ братьями-славянами Балканскаго полуострова, страдавшими подъ тяжкимъ игомъ ислама. Братская связь Россіи съ Балканскимъ славянствомъ и религіозное единеніе ихъ по вѣрѣ Православной побуждали Русскихъ Царей открыто выступить на защиту ихъ и вести тяжкія войны съ нѣкогда могущественною и сильною Турціею. Смѣло можно сказать, что Русскіе Государи Дома Романовыхъ постепенно разрушили Турцію и возродили балканское славянство, давши свободу отдѣльнымъ народамъ и государствамъ Балканскаго полуострова, какъ Болгарія, Сербія, Греція и Черногорія, не смотря на сочувственную поддержку Турціи со стороны государствъ Западной Европы. Успѣшно начатая война Балканскихъ государствъ съ Турціею 1912 года является естественнымъ результатомъ всѣхъ прежнихъ войнъ Россіи съ Турціею и братской помощи Россіи въ дѣлѣ развитія балканскихъ государствъ. Окончательный разгромъ Турціи Балканскими государствами въ истекшемъ 1912 году является лучшимъ юбилейнымъ подаркомъ Царственной Русской Династїи и всей братской Россіи со стороны братьевъ славянъ. Молитвенное участіе въ юбилейныхъ торжествахъ Россіи братьевъ славянъ и всѣхъ вообще Балканскихъ государствъ и народовъ будетъ естественною благодарною данью за то великое благо и счастье, которое излилось отъ Государей и всего народа Русскаго на эти народы, по долгу христіанской любви и національнаго единства.—Великія заслуги и славныя дѣянїя Государей Русскихъ изъ Дома Романовыхъ за истекшее трехсотлѣтіе на столько многочисленны, разнообразны и плодотворны какъ въ исторїи Россіи, такъ и Европы, что не только изложить, но и перечесть ихъ нѣтъ положительной возможности. Счастливы Русскій на-

родъ, счастливо славянство, что Господу угодно было для ихъ благополучія воздвигнуть этотъ Царственный Родъ и не оставлять его своею благодатною помощію. Въ благоговѣйномъ восторгѣ преклоняясь предъ мудрымъ Промысломъ Божиимъ, отечески хранящимъ Россію, возблагодари, православный Русскій человѣкъ, въ этотъ великій и священный для тебя и твоего дорогого отечества праздникъ, возблагодари въ искренне сердечной молитвѣ Господа Бога, даровавшаго тебѣ и твоей родинѣ такихъ великихъ Государей. Они триста лѣтъ вели Россію по пути духовнаго развитія и совершенства, по пути внутренняго благоустроенія и внѣшняго величія, славы и блеска; они учили и учатъ русскихъ людей жить разумною жизнью, пользоваться въ жизни плодами просвѣщенія, результатами наукъ, искусствъ; они бережно хранили Вѣру Православную—твердый залогъ нашего государственнаго и общественнаго благополучія; они помогали и помогаютъ Россіи обогащаться чрезъ правильную культуру и разработку естественныхъ богатствъ и природныхъ даровъ страны, они вели и ведутъ населеніе страны по пути правильнаго развитія промышленности, торговли и экономического развитія.

Въ благодарномъ сознаніи всего этого вознеси, Русскій человѣкъ, пламенную молитву за этихъ своихъ Благодѣтелей, чтобы Господь сохранилъ ихъ Домъ на многіе вѣка и столѣтія, возлюби всѣмъ сердцемъ своего Государя и научись быть; всегда вѣрнымъ сыномъ своей родины, честнымъ слугою своего дорогого отечества, покорнымъ исполнителемъ законовъ своего Государя,—въ этомъ и будетъ наилучшій твой подарокъ незабвенно-дорогому Державному Юбиляру въ настоящій великій праздникъ. Осѣни себя святымъ крестомъ и въ молитвенномъ сознаніи и сыновней покорности волѣ Божіей всегда помни, что преданность Вѣрѣ Православной, покорность Церкви Божіей и Ея святымъ законамъ, любовь къ родинѣ и ея природнымъ Государямъ—истинный залогъ твоего и твоей родины благополучія и счастья. Пусть этотъ великій и славный праздникъ, переносящій наше сознаніе и память въ давно прошедшія времена и нашу мысль къ оцѣнкѣ давно прошедшихъ событій, научить насъ быть разумными и въ нашемъ настоящемъ, служащемъ залогомъ нашего будущаго. Пусть растетъ и цвѣтетъ святая

Русь подъ скипетромъ Царственной Династіи Романовыхъ на долгіе и многіе вѣка и столѣтія, на счастье и благо всего славянства и всего вѣрнопогоданнаго населенія Россіи!... (X. E. B.).

О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьковской епархіи.

Въ послѣднее время приходится нерѣдко читать въ журналахъ и газетахъ, а также и слышать разговоръ въ обществѣ о томъ, что институтъ монашества отжилъ свой вѣкъ, что монастыри не нужны, что нынѣшніе монастыри не приносятъ обществу никакой пользы, что монахи—дармоѣды, что молиться—де можно и дома—сколько угодно. А вотъ, говорятъ, древніе монастыри дѣйствительно приносили пользу: основывали монастыри въ пустынныхъ мѣстахъ и эти пустыни культивировали и обращали въ селенія и даже въ города, не говоря—де о томъ, что прежніе монахи проводили жизнь подвижническую—святую. Такъ! Разберемъ эти мысли: правильны ли онѣ! Говорятъ: древніе монастыри дѣйствительно приносили пользу; они пустынные мѣста превращали въ заселенныя. Да вѣдь нынѣ всѣ уже пустынные мѣста заселены настолько, что большинство крестьянъ страдаютъ отъ безземелья. Но, несмотря на это, все таки и нынѣ нашлись такіе монахи, которые основали недавно монастыри въ неприступныхъ Уральскихъ горахъ, напр. монастырь св. Креста и проч. Въ недавнее время основанъ монастырь даже въ Камчаткѣ... А монахи-миссіонеры? Вы ихъ не считаете? А вѣдь миссіонеры напр. въ Сибири, кромѣ спасенія души, немало и культивировали инородцевъ... Что можетъ быть труднѣе жизни миссіонера, хотя бы напр. въ Алтайскихъ горахъ? Мнѣ напр. сообщалъ одинъ миссіонеръ Киргизской миссіи, близкій мой родственникъ: случилось, говорилъ онъ, пріѣдетъ киргизъ въ станъ въ осеннюю дождливую ночь и приходится ѣхать до улуса верстъ 60 верхомъ. А вѣдь мы, говоритъ миссіонеръ, не кавалеристы: проѣдешь верстъ 40 и всего тебя разломить, слѣзешь съ коня, да и ляжешь отдохнуть прямо на мокрую траву. А вѣдь нужно еще бояться

звѣря, а то встрѣтишь въ тайгѣ человѣка, нелучше звѣря, напр. варнака... (бѣглый каторжникъ). Мнѣ приходилось читать въ „Благовѣстникѣ“ записки самоѣдекаго миссіонера, жившаго въ станѣ еще далѣе отъ Нижне-Колымска, ближе къ Сѣверному океану. При этомъ станѣ была устроена церковь, потому что это мѣсто называлось „Самоѣдекое становище“, гдѣ происходила лѣтомъ ярмарка и куда съѣзжалась масса самоѣдовъ. Миссіонеру дѣйствительно было тогда не скучно: служилъ онъ почти каждый день и у него очень много было требъ; крестилъ, случалось и взрослыхъ, затѣмъ бракосочеталъ такихъ лицъ иногда, которые имѣли уже дѣтей, которыхъ тоже нужно было крестить и пр. А затѣмъ десять мѣсяцевъ іеромонахъ жилъ только съ миссіонерскимъ псаломщикомъ. Однажды зимою у него вышли запасы и онъ отправился въ Нижне-Колымскъ на оленяхъ, конечно; но тамъ для миссіи ничего не было заготовлено, кромѣ ржаной муки и немного гречневыхъ крупъ, которыхъ привезъ онъ всего 10 фунтовъ. Его псаломщикъ настолько былъ радъ, конечно, и голоденъ, что съѣлъ крупъ сырыхъ, недожидая когда онѣ сварятся, болѣе фунта, какъ бы какое лакомство... Вѣдь безъ слезъ нельзя читать, какъ эти, можно сказать, мученики проводили зиму... Вьюга вѣдь тамъ не здѣшняя: ихъ вовсе заметало снѣгомъ. А морозы? Вѣдь они бываютъ тамъ болѣе 50°, такъ что дышать трудно... Вѣдь тою же зимою нужно ѣхать на оленяхъ или собакахъ по Самоѣдскимъ чумамъ. А въ Камчаткѣ? Тамъ миссіонеры получаютъ почту изъ Россіи только два раза въ годъ... Нѣтъ, господа критики монашествующихъ, имѣются труженики и сейчасъ, да вѣдь мы, по монашескому смиренію, не любимъ трубить предъ собою... Нужно принять къ свѣдѣнію, что и прежде спасались монахи не все въ новооткрытыхъ монастыряхъ, а спасались вообще въ обителяхъ. Что касается того, что въ міру можно молиться сколько угодно,—объ этомъ мы и не споримъ; но для чего и нынѣ идутъ въ монастыри?

Вопервыхъ для того, чтобы отдохнуть, такъ сказать, душою отъ нашей многомятежной жизни. Недаромъ святые отцы называютъ нашу жизнь житейскимъ моремъ. Многіе-ли изъ людей благополучно плаваютъ по житейскому морю и достигаютъ тихой пристани? Наоборотъ—не для многихъ ли изъ насъ житейское море представляетъ сплошныя бури и

даже ураганы, которые и уносятъ въ мѣста погибели неосторожныхъ христіанъ-пловцовъ, въ особенности тѣхъ, которые вмѣсто того, чтобы плавать по житейскому морю на кораблѣ церковномъ, спасающемъ пловцовъ своихъ отъ бурь и непогодъ, т. е. отъ разныхъ сомнѣній,—ввергаютъ жизнь свою утлымъ ладьямъ (ложнымъ учителямъ), которые, конечно, не могутъ противостоятъ бурнымъ волнамъ житейскимъ и губятъ совершенно неосторожныхъ плователей, приводя ихъ къ вѣчной гибели...

Вотъ, чтобы успокоить мятущуюся душу свой, добрые христіане и спѣшатъ въ святія обители, которыя служатъ тихою и безопасною пристанью въ житейскомъ морѣ.

Хотя весьма рѣдкіе люди посѣщаютъ монастыри съ намѣреніемъ поселиться въ нихъ, но многіе христіане посѣщаютъ монастыри ради умиротворенія своей мятущейся совѣсти, ради утѣшенія въ скорбяхъ, а преимущественно ради спасенія своей души.

Въ самомъ дѣлѣ: кто изъ насъ не испыталъ разныхъ житейскихъ огорченій? Кто не понесъ тяжелыхъ утратъ? Кто не перенесъ изъ насъ разныхъ бѣдъ и напастей? Кто изъ насъ не перенесъ жестокой и обидной клеветы? и проч.

Конечно, на всякомъ мѣстѣ владычество Господне, вездѣ можно встрѣтить храмы Божіи, гдѣ можно искать утѣшенія въ своихъ скорбяхъ; но тихія святія обители, въ особенности пустынные, удаленныя отъ жительствова, преимущественно располагаютъ къ сердечной молитвѣ. И вотъ мятущаяся душа, пришедшая въ отчаяніе отъ разныхъ житейскихъ тревоженій, спѣшитъ въ святую обитель, гдѣ вся обстановка и весь монастырскій режимъ—неволью располагаютъ поклонника къ усиленной молитвѣ, дѣйствующей, какъ извѣстно, успокоительно на израненныя скорбями сердца.

Возьмемъ примѣръ: ну, хотя нашу Харьковскую лавру—Святогорскую пустынь. Вотъ пріѣхалъ въ эту святую обитель какой нибудь страдалецъ, которому, какъ говорится, и свѣтъ не милъ, котораго, можетъ быть, почти силою затащили въ монастырь.

Человѣкъ потрясенъ горемъ, онъ не можетъ даже уснуть, чтобы хотя на время благодѣтельный сонъ немного

освѣжилъ его... Чтобы хотя нѣсколько освѣжить себя, страдалецъ выходитъ на чистый воздухъ.

Ночь. Тихая монастырская ночь: не слышно ни шума, ни гама, обычныхъ въ городахъ. Ярко мерцаютъ безчисленныя звѣзды небесныя на горизонтѣ и луна освѣщаетъ окрестныя горы и доли, покрытыя лѣсомъ. Уже самое созерцаніе этой дивной природы дѣйствуетъ успокоительно на нервы. Человѣкъ, взирая на небо, невольно переносится мыслью къ Существу, находящемуся превыше небесъ... „Небеса повѣдаютъ славу Божию“. Полночь—ни звука! Но вотъ послышался первый ударъ мелодичнаго монастырскаго колокола: и въ воздухѣ какъ бы все вздрогнуло... Затѣмъ полились гармоническія волны отъ металлическаго благовѣстника. Все и всѣ проснулись въ св. обители: и монастырскіе насельники и богомольцы и всѣ спѣшатъ въ храмъ Божій—вознести къ престолу Божию свои молитвы или благодарственныя, или усерднопросительныя. Вошелъ несчастный въ храмъ Божій и видитъ, что здѣсь все располагаетъ къ молитвѣ: и священныя изображенія на всѣхъ стѣнахъ св. храма, видитъ изображенія Господа Бога, далѣе—постоянной Ходатаицы и Заступницы за родъ человѣческой Царицы небесной и, наконецъ, всего воинства небеснаго—св. Архангеловъ и Ангеловъ и всѣхъ Святыхъ; слышитъ чтеніе, слышитъ божественныя слова и невольно сердце удрученнаго горемъ человѣка успокаивается. Напр. возьмите во вниманіе въ особенности шестопсалміе, составленное изъ псалмовъ св. царя и пророка Давида. Кто изъ насъ не умилялся ими? На кого изъ насъ не сходилъ духъ успокоенія? Напр.: *Господи! что ея умножиша стужающіи ми? Мнози востаютъ на мя: мнози глаголютъ души моей, нѣсть спасеніе ему въ Бозѣ его. Ты же, Господи, заступникъ мой еси, слава моя, и возносяй главу мою. Гласомъ моимъ ко Господу возвахъ, и услыша мя отъ горы святыя своя. Не убоюся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на мя.* (Псаломъ 3).

Господи! да не яростію Твоею обличити мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеша мене. Яко на Тя, Господи, уповахъ, Ты услыши, Господи Боже мой. Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи отъ мене, воими въ помощь мою, Господи спасенія моего. (Псаломъ 37).

Господи Боже спасенія моего! Да увидеть предъ тя молитвы моя: приклони убо Твое къ моленію моему. (Псаломъ 87).

Господи! услыши молитву мою, внуши моленіе мое во истинны Твоей, услыши мя въ правду твоей. Скоро услыши мя, Господи, исчезе духъ мой: не отвори лица Твоего отъ мене. Изми мя отъ врагъ моихъ, Господи, къ Тебѣ прибѣгохъ. Изведи отъ печали душу мою. Услыши мя, Господи, въ правду твоей: и не види въ судъ съ рабомъ твоимъ. Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву. (Псал. 142).

Далѣе богомолецъ слышитъ гармоническое пѣніе, соответствующее Ангельскому славословію; видитъ благоговѣнно стоящую братію, въ томъ числѣ видитъ глубокихъ старцевъ, которые могутъ присутствовать при Богослуженіи только при помощи стасидій, въ которыхъ они стоятъ или сидятъ, видитъ и обоняетъ облака ѳиміама, возносящагося къ сводамъ св. храма, какъ бы къ престолу Божію, видитъ все это и невольно чело его опускается до пола церковнаго и изъ груди несчастнаго страдальца вырываются вздохи; и благодѣтельныя слезы успокаиваютъ страдальца и мятущійся духъ его постепенно успокаивается. Да, братія, по истинѣ св. обители есть мѣста, гдѣ всѣ „озлобленные, милости Божіей и помощи требующіе“ получаютъ благовременную помощь...

И сколько христіанскихъ душъ св. обители избавили отъ гибели и вѣчной и временной. Сколько они избавили отъ мрачнаго отчаянія людей, впавшихъ въ многоразличныя бѣды и напасти; спасли отъ отчаянія такихъ людей, которые стояли на краю гибели, которымъ, по видимому, не оставалось никакой надежды на успокоеніе...

Для доказательства этого изъ тысячи примѣровъ-укажу только на два примѣра, сей часть только пришедшихъ мнѣ на умъ. Эти два примѣра поразительнымъ образомъ доказываютъ то, какъ св. обители спасли отъ невыразимыхъ страданій двухъ высокопоставленныхъ женщинъ.

Кто изъ насъ не читалъ безъ содраганія объ участи князя Ивана Долгорукова—фаворита Императора Петра II? Жестокій Биронъ сначала заключилъ его въ тяжкое подземелье въ Сибири, куда явилась къ нему въ видѣ ангела

утѣшительная его вѣрная супруга—княгиня Наталья Борисовна, урожденная графиня Шереметева¹⁾).

Но оказалось мало этого наказанія безчеловѣчному Бирону, который приказалъ князя Долгорукова наказать еще жесточе. Какъ же наказать? Страшно и говорить: Биронъ приказалъ четвертовать князя... Напоминать читателямъ о сверхъ-человѣческихъ страданіяхъ княгини Наталіи Борисовны я не буду, ибо всякій изъ насъ можетъ представить себѣ, что испытала и перенесла несчастная княгиня...

Но и это еще не все: Провидѣніе готовитъ ей еще одно и послѣднее испытаніе. У нея оставалось единственное утѣшеніе, у нея оставался единственный сынъ ея—отрокъ, кажется, лѣтъ 14. И вотъ этотъ отрокъ умираетъ... Несчастливая княгиня совсѣмъ готова потеряться, готова придти въ отчаяніе; но промыслъ Божій, къ которому она обратилась за помощію, напомнилъ ей о св. обители, въ которой она можетъ успокоиться. И вотъ несчастная Наталья Борисовна идетъ на берегъ рѣки Днѣпра въ Кіевѣ, обращаетъ въ послѣдній разъ взоръ свой на міръ Божій и бросаетъ въ Днѣпръ свое первое и послѣднее сокровище: свое золотое обручальное кольцо и уходитъ въ одинъ изъ Кіевскихъ женскихъ монастырей, гдѣ и принимаетъ схиму подъ именемъ Смарагды. Отъ пролитыхъ ею слезъ у нея совершенно вытекли глаза и она носила на глазахъ, вмѣсто темныхъ очковъ, перламутровые образки. Невозможно читать безъ слезъ этого поразительнаго и, можно сказать, потрясающаго разсказа...

Гдѣ же нашла утѣшеніе эта многострадальная женщина?—Въ св. обители... А вотъ и другой примѣръ: это супруга убитаго въ Бородинскую битву молодого генерала Тучкова. Эта любящая жена нѣсколько сутокъ разыскивала своего убитаго супруга на поляхъ Бородинскихъ, разыскивала и днемъ при солнечномъ свѣтѣ и ночью при помощи фонаря. Ей пламенно желательно было найти хотя бы останки своего мужа и похоронить; но напрасны были труды ея. Въ страшномъ горѣ она отправляется къ приснопамятному Филарету, митрополиту Московскому—за утѣшеніемъ.

¹⁾ Дочь сподвижника Императора Петра I, фельдмаршала Бориса Петровича, графа Шереметева.

Этотъ великій святитель и великій знатокъ сердець человѣческихъ посовѣтовалъ ей поступить въ монастырь, гдѣ она найдетъ успокоеніе. Что она и сдѣлала. Извѣстно, что она на Бородинскомъ полѣ основала женскій Спасо-Бородинскій монастырь. И не смотря на то, что она по рожденію была княжна, принимаетъ постригъ подъ именемъ Маргариты.

По разсказамъ очевидцевъ, она успокоилась отъ постигнутой ея горя, и только тихая грусть осталась напоминаніемъ того, что она перенесла въ міру тяжкую потерю.

Если приводить безчисленные примѣры для доказательства того, что несчастныя страдальцы находятъ успокоеніе въ обителяхъ, то это утомило бы и меня и читателей. Въ заключеніе не могу не указать на одинъ фактъ изъ нашей современной жизни, доказывающій, что св. обители служатъ лечебницами душевныхъ болѣзней: въ Хорошевскомъ монастырѣ, Харьковскаго уѣзда, недавно скончалась вдова Харьковскаго купца Ю. А. Г., схоронившая своего единственнаго сына, которому было, кажется, около 30 лѣтъ. Похоронивъ сына, она поселилась въ Хорошевской обители навсегда, гдѣ и нашла для себя и временное и вѣчное успокоеніе.

Во вторыхъ, добрые христіане посѣщаютъ св. обители для поклоненія святынямъ: или чудотворнымъ иконамъ, или св. мощамъ. Кто изъ насъ не испыталъ на себѣ или на близкихъ намъ людяхъ благодѣяній Божіихъ, изливающихся отъ чудотворныхъ иконъ, или отъ св. мощей?

Почти ежедневно приходится читать въ духовныхъ журналахъ, а иногда и въ газетахъ, о различныхъ исцѣленіяхъ отъ разныхъ недуговъ, въ особенности въ послѣднее время получаютъ многіе вѣрующіе христіанѣ исцѣленія при св. мощахъ новоявленнаго угодника Божія св. Іоасафа, Бѣлгородскаго чудотворца.

Мнѣ передавалъ недавно іерей Богодуховскаго женскаго монастыря о. П. Ч. слѣдующее: сестры Богодуховской обители въ числѣ, кажется, болѣе 100 отправились пѣшкомъ въ городъ Бѣлгородъ крестнымъ ходомъ съ иконою (большаго размѣра) святителя Христова Іоасафа, въ сопровожденіи монастырскихъ іереевъ. Прошли они взадъ и впередъ вполне благополучно—безъ усталости.

Когда я спросилъ о. П. Ч. о томъ, бываютъ ли и сейчасъ чудесныя исцѣленія отъ моцей святителя Іоасафа, то онъ сказалъ слѣдующее.

Когда мы пришли въ храмъ Бѣлгородскаго мужскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи святителя Христова Іоасафа, то увидѣли одного армянина съ сыномъ мальчикомъ, который вовсе не ходилъ, а приложившись къ мощамъ угодника Божія, сталъ твердо ходить. Прежде онъ не могъ даже двигать ногами, а тутъ сталъ ходить, а потомъ сѣлъ на табуретку, все смотрѣлъ на свои ноги и отъ радости постоянно двигалъ ими.

Насколько нашъ народъ любитъ св. обители, доказательствомъ этому служить слѣдующее: при посѣщеніи обителей почти всѣ богомольцы покупаютъ въ монастырскихъ лавкахъ виды св. обителей, образки, крестики, книжки и листки религіозно-нравственнаго содержанія, приносятъ домашней вынутыя просфоры; берегутъ это все, какъ святыню, и раздаютъ часть этого своимъ знакомымъ, которые все это принимаютъ съ благодарностію.

Архимандритъ Аванасій.

(Продолженіе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Открытіе въ Харьковѣ законоучительскихъ собраній.

Въ концѣ истекшаго 1912 года законоучитель Харьковской 2-й мужской гимназій, священ. І. Артипскій, обратился къ Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, съ ходатайствомъ объ открытіи въ г. Харьковѣ собраній о.о. законоучителей среднихъ, мужскихъ и женскихъ, мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Въ докладной запискѣ, представленной Владыкѣ, о. Артипскій подтверждалъ настоячивую и неотложную нужду въ такихъ собраніяхъ указаніемъ какъ на школьно-общественныя условія русской современности, при которыхъ приходится законоучителю вести отвѣтственное и важное дѣло религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія учащейся молодежи, такъ и на методологическія затруд-

непня, съ неизбѣжною возникающія при теперешнемъ «одиночествѣ» законоучителя, предоставленнаго въ своемъ подвигѣ самому себѣ, своему разуму, своимъ силамъ. Объединеніе Харьковскихъ законоучителей, затруднившееся доселѣ отсутствіемъ подходящаго мѣста для братскихъ собраній, теперь, съ устройствомъ Епархіальнаго дома, вполне возможно и достижимо.—Высокопреосвященный Владыка, самъ бывший нѣкогда законоучителемъ и еще недавно собиравшій у себя законоучителей для бесѣды съ ними, отнесся къ ходатайству свящ. І. Артинскаго сочувственно и разрѣшилъ повременныя собранія законоучителей въ залѣ Епархіальнаго дома; причемъ, общее руководство этими собраніями Владыка поручилъ Преосвященному Теодору, Епископу Сумскому, съ присвоеніемъ ему званія почетнаго предсѣдателя собраній, а предсѣдателемъ на нихъ назначилъ протоіерея о. І. Пичету.

На дняхъ (23-го января) въ Епархіальномъ домѣ состоялось, въ присутствіи Преосвященнаго Теодора, *первое* собраніе о.о. законоучителей (явилось 25 чел.).—Послѣ молитвы «Царю Небесный», пропѣтой всѣми собравшимися, почетный предсѣдатель, Преосвященный Теодоръ обратился къ собранію съ рѣчью, въ коей, отмѣтивъ крайне печальныя явленія современной общественной жизни (самоубійства, алкоголизмъ, невѣріе, распространеніе сектантства и проч.), которыя грозятъ чистотѣ и цѣлости православной вѣры среди учащейся молодежи, указавъ на то, насколько необходимымъ и благовременнымъ является учрежденіе въ г. Харьковѣ пастырско-законоучительскихъ собраній, ставящихъ своею задачею изысканіе мѣръ къ усиленію религіозно-воспитательнаго значенія преподаванія Закона Божія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ; объявивъ пастырско-законоучительскія собранія открытыми, Преосвященный предсѣдатель призвалъ Божіе благословленіе на собравшихся и пожелалъ успѣха въ ихъ занятіяхъ.—Предсѣдатель собраній о. І. Пичета ознакомилъ о.о. законоучителей съ организаціей собраній и порядкомъ занятій въ нихъ: будетъ читаться рефератъ или доклады по тому или другому вопросу, касающемуся учебно-воспитательной стороны преподаванія Закона Божія, и затѣмъ обсужденіе ихъ.

Затѣмъ былъ выслушанъ докладъ инициатора законоучительскихъ собраній свящ. І. Артинскаго. Основныя положенія доклада сводились къ слѣдующему. 1) Современный законоучитель въ свѣтской средней школѣ есть своего рода миссіонеръ. 2) Въ задачу его дѣятельности входитъ: а) научить юношество, преподать ему, по крайней мѣрѣ, минимумъ православно христіанскихъ истинъ, который бы

послужилъ основой для самостоятельной выработки учащимся христіанскаго міровоззрѣнія; безъ этого минимума, ясно, точно преподаваемаго, типъ интеллигентнаго человѣка не имѣетъ полноты и всесторонности своего развитія и выраженія; б) создать, по возможности, и соответствующее настроеніе чувства и направленіе воли, чтобы религіозныя познанія сдѣлались основоположными для всей жизни и дѣятельности учащихся и въ школѣ и внѣ ея. 3) Такія задачи законоучительства дѣлаютъ самое законоучительство подвигомъ и ставятъ законоучителя въ особое, можно сказать, единственное положеніе въ школѣ. Отсюда, необходимо, чтобы законоучитель, помимо всего другого, былъ не одиночкой, какимъ онъ теперь является («одинъ въ полѣ не воинъ»), а имѣлъ бы коллективный разумъ своихъ собратьевъ, связанъ былъ бы съ ними и внѣшне единствомъ союза, братства и т. д. и въ этомъ единеніи черпалъ бы для себя и нравственную поддержку, и теоретико-практическіе совѣты и указанія, какъ цѣлесообразнѣе и успѣшнѣе вести свое дѣло. Отсюда—и очевидная необходимость организациі братскихъ собраній о.о. законоучителей. 4) Опытъ другихъ городовъ показываетъ всю жизненность такихъ собраній (Новочеркасскъ, Москва и др.) 5) Первое изъ практическихъ условій успѣшнаго законоучительства въ свѣтской школѣ это создать религіозно-нравственную атмосферу въ классѣ, которая бы ясно указывала сознанію учащихся, что урокъ Закона Божія есть особенный урокъ, несравнимый ни съ какимъ другимъ. Какъ это сдѣлать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—зависитъ отъ такта и разумѣнія законоучителя. 6) Предварительнымъ же условіемъ («преддверіемъ»), по мысли докладчика, нужно бы признать не одно чтеніе молитвы передъ каждымъ урокомъ Закона Божія, но и слѣдующее за этимъ чтеніе учащимся Евангелія (по особому распределенію) и краткое объясненіе («проповѣдь») законоучителя, если это потребуется, притомъ такъ, чтобы все это было поставлено въ связь съ основною цѣлью—выработки въ учащихся христіанскаго міровоззрѣнія и настроенности. Будучи интимнымъ въ своемъ существѣ и индивидуальнымъ въ своемъ осуществленіи на практикѣ, это (пропедевтическое) обстоятельство могло-бы быть и общимъ для всѣхъ школъ и законоучителей.—7) Оставляя пока въ сторонѣ другія мѣры и средства религіозно-нравственнаго воздѣйствія на учащихся, докладчикъ обосновывалъ цѣлесообразность предложенной имъ на братское, общее обсужденіе мѣры указаніемъ на практику своихъ и другихъ законоучителей, а также ссылкой на отзывы самихъ учащихся. — Предложеніе Преосвященнаго Предсѣдателя — не поже-

дасть-ли кто высказаться по содержанию выслушаннаго доклада— вызвало живой обмѣвъ мыслей по затронутому въ докладѣ (во второй половинѣ его) вопросу. Скоро сужденія отъ частнаго вопроса (о чтеніи св. Евангелія передъ урокомъ) перешли къ общимъ вопросамъ учебно-воспитательной стороны преподаванія Закона Божія. Видно стало, сколько наболѣвшихъ вопросовъ скопилось на сердцѣ законоучителей... Преосвященный Предсѣдатель напомнилъ о.о. законоучителямъ, что законоучительскія собранія и учреждены съ цѣлью обсуждения вопросовъ законоучительства и практическаго осуществленія ихъ..., настоящее же собраніе имѣетъ характеръ организационный...

Присутствующіе выразили пожеланіе, чтобы слѣдующее собраніе состоялось въ возможно непродолжительномъ времени... Засѣданіе было закрыто. Но о.о. законоучители долго еще оставались въ залѣ собранія, дѣлясь другъ съ другомъ впечатлѣніями отъ перваго собранія, высказывая свои мысли и пожеланія касательно задачъ новооткрытыхъ пастырско-законоучительскихъ собраній, желательной и возможной пользы отъ нихъ. Слышались слова братской похвалы инициатору собраній и сыновней благодарности Высокопреосвященному Архипастырю, съ высокопроевѣщенной отзывчивостью и отеческимъ вниманіемъ отнесшагося къ ходатайству объ учрежденіи пастырско-законоучительскихъ собраній въ г. Харьковѣ.

С. I. П.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ вопросу о борьбѣ съ хулиганствомъ въ деревнѣ.

Въ печати весьма сильно отмѣчается поразительный ростъ хулиганства въ современной деревнѣ. Выросшее на почвѣ пьянаго разгула, хулиганство свидѣтельствуетъ о крайней деморализаціи деревенской молодежи и въ свою очередь служитъ толчкомъ къ дальнѣйшему разложенію селъ. Нѣкоторыя уѣздныя и губернскія земства видятъ одно изъ средствъ борьбы противъ этого печальнаго явленія въ возстановленіи законодательнымъ путемъ телѣсныхъ наказаній. Духовенство, интересы котораго такъ органически переплелись съ интересами народа, вмѣстѣ съ преданными Церкви мірянами, вступило въ рѣшительную борьбу съ хулиганствомъ, примѣняя средства моральнаго характера.

— На Съѣздѣ духовенства Самарской епархіи въ 1912 г., при

обсужденіи вопроса о мѣрахъ борьбы съ хулиганствомъ, для выясненія дѣла поставлено было три вопроса: что такое хулиганство? откуда оно появилось? какія мѣры должно принять для борьбы съ хулиганствомъ? Отвѣчая на первый вопросъ, члены съѣзда пришли къ заключенію, что хулиганы это—люди не имѣющіе нравственныхъ устоевъ, люди совершенно безпринципные. Относительно того, откуда появилось хулиганство, нѣкоторые говорили, что хулиганство сравнительно недавнее явленіе, именно девяностыхъ годовъ, когда типъ хулиганства уже обрисовывается Максимомъ Горькимъ. Другіе установили, что хулиганство появляется со времени движенія 1905 г. и причиной его служитъ паденіе религіозно-нравственныхъ устоевъ въ обществѣ сначала такъ называемыхъ интеллигентовъ (увлекающихся философій Ницше), а затѣмъ и въ народѣ. Ставили въ связь хулиганство съ пьянствомъ. Отмѣчали такое явленіе, что въ тѣхъ обществахъ, гдѣ нѣтъ пьянства, тамъ не замѣчается и хулиганства. По вопросу же о томъ, какія мѣры могутъ принять пастыри для борьбы съ такимъ уродливымъ явленіемъ въ жизни народа, какъ хулиганство, о.о. депутаты пришли къ принятію слѣдующихъ мѣръ: 1) единеніе пастырей между собою въ этомъ дѣлѣ; 2) собственный примѣръ высоконравственной жизни; 3) открытіе обществъ трезвости и вообще борьбы съ алкоголизмомъ, какъ имѣющимъ близкую связь съ хулиганствомъ; 4) забота о религіозно-нравственномъ развитіи дѣтей въ школахъ; 5) церковная проповѣдь, направленная противъ хулиганства; 6) воздѣйствіе на родителей чрезъ приходскіе совѣты и, наконецъ, распространеніе противохулиганской литературы.

Съѣздъ представителей церковныхъ братствъ Полтавской епархіи, обсуждая вопросъ о борьбѣ съ хулиганствомъ, призналъ необходимымъ усиленіе пастырскаго вліянія путемъ живого слова въ церкви и внѣ ея; привлеченіе молодежи въ члены братствъ, совершеніе по селамъ вечернихъ службъ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, чтобы народъ не забывалъ о святости праздничныхъ кануновъ; посѣщеніе учащими и учащимися всѣхъ школъ церковныхъ службъ; устройство чтеній съ туманными картинами; организація музыкальныхъ, нѣвческихъ и спортивныхъ кружковъ молодежи; расположеніе родителей къ тому, чтобы они не посылали на заработки подростковъ, гдѣ они безъ поддержки близкихъ нравственно гибнутъ; устройство въ общественныхъ мѣстахъ, а особенно тамъ, гдѣ собирается молодежь, передвижныхъ бібліотекъ, витринъ съ вывѣшиваніемъ листовъ, направленныхъ противъ главныхъ недуговъ молодежи:

пьянства, сквернословія, непочтительности къ старшимъ, игры въ карты и пр.

Подъ руководствомъ пастырей въ Черниговской губерніи сформировался «союзъ юношества», цѣль которыхъ—правдивное воспитаніе юношей въ духѣ христіанскаго вѣроученія и сообщеніе имъ практическихъ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ труда. Вліяніе «союзовъ юношества» на сельскую молодежь огромное, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они есть, произошла рѣзкая перемѣна въ правахъ сельской молодежи; пьянство и хулиганство въ мѣстностяхъ совершенно прекратилось.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Русскій священникъ на войнѣ.

„Религіозная сторона имѣетъ огромное значеніе въ воспитаніи русскаго воинства, въ развитіи крѣпкаго и могучаго духа русской арміи“.

„Служеніе священника на войнѣ“.

„Война—судъ Божій“.

„къ рекрутскому набору“.

Свящ. Г. І. Шавельскаго.

Въ прекрасной книжкѣ «Служеніе священника на войнѣ. Изъ наблюденій участника русско-японской войны», только-что отпечатанной, протопресвитеръ Г. І. Шавельскій подаетъ множество *практическихъ совѣтовъ* молодому и неопытному священнику, каковымъ онъ былъ самъ, отправляясь на Востокъ въ 1904 году, касательно нужнаго для священника въ походѣ и во время битвъ. Онъ какъ бы «собираетъ въ путь» священника, указывая, что ему съ собою брать, чего въ особенности на театрѣ (какъ-то дико выговаривать «театрѣ» въ отношеніи войны) войны онъ не найдетъ, и безъ чего обойтись ему будетъ невозможно. Тутъ и одежда, бѣлье; тутъ—непремѣнно обильное заготовленіе заранѣе «запасныхъ даровъ» для припащенія, каковыя готовить на мѣстѣ войны невозможно или очень трудно. Въ особенности меня въ книжкѣ заняли страницы, посвященныя дѣятельности священника вѣдѣ битвъ, вѣдѣ совершенія требъ надъ умирающими и ранеными. Намъ представляется дѣло священника на войнѣ именно, какъ сплошное требоуправленіе, присутствіе умирающихъ; что-то сухослужебное, механическое и формальное, если не

по существу, каковымъ конечно не можетъ быть неповѣданіе раненаго воина, то по времени этого «неповѣданія», которое ограничено часами и немногими днями послѣ всякаго сраженія. Впервые изъ книжки отца Шавельскаго я узнаю, что трудъ священника въ арміи совершенно непрерывенъ и въ высшей степени благотворенъ. Мы, которые знаемъ о войнѣ «по телеграммамъ», естественно думаемъ, что въ арміи ничего не происходитъ, пока «телеграммъ нѣтъ». Между тѣмъ сердце солдата постоянно копошится около завтрашняго дня, около слѣдующей недѣли, и онъ ходитъ передъ смертью не въ канунъ битвы, а цѣлый годъ, два года. Это страшное напряженіе души. «Постоянные опасности, близость смерти переносятъ мысль воина къ вопросамъ вѣчности; душа воина на войнѣ жаждетъ молитвы, чутко прислушивается къ слову о вѣчномъ, просится къ Богу. А отсутствіе повседневныхъ заботъ, развлеченій, однообразіе жизни только побуждаютъ воина въ это время тянуться къ церкви и богослуженію. Тутъ и слабовѣрующіе и невѣрующіе притекаютъ къ ней». Къ удивленію узнаемъ, что множество воинскихъ частей, около половины всего, не имѣли вовсе своихъ священниковъ: 1) почти все артилерійскія бригады, 2) войска пограничной стражи, 3) казачьи полки, 4) саперные и желѣзнодорожные батальоны, 5) все дивизионныя *обозы* (авторъ говоритъ: «и лазареты», но это представляется чѣмъ-то невѣроятнымъ и несбыточнымъ?!), 6) телеграфныя роты, 7) понтонныя батальоны, «словомъ, добрая половина дѣйствующей арміи не имѣли своихъ священниковъ» (стр. 17—18). Изъ нихъ артиллеристы, располагаясь вблизи пѣхотныхъ полковъ, гдѣ священникъ и богослуженіе постоянно есть, были удовлетворяемы въ религіозныхъ нуждахъ, приходя въ полкъ къ богослуженію; прочіе же, находясь вдали отъ полковъ и средоточія ихъ, были, такъ сказать, оголены отъ религіи. Въ особенности «положеніе казачьихъ частей, всегда находившихся или впереди арміи, или на далекихъ флангахъ, было ужасно: чины умирали безъ напутствія, погребались безъ священническаго благословенія; но мѣсяцамъ и не видѣли священника и не слышали богослуженія. Въ дивизионныя обозы заглядывали только нарочито командированный священникъ, но о такихъ командировкахъ догадывались рѣдко» (стр. 18). Иногда даже цѣлые отряды не имѣли своего священника, и тогда «изъ своихъ средствъ» солдаты и офицеры панимали «какого случится священника» и почти «яко бы священника». Такъ было съ наймомъ «какого-то безграмотнаго іеромонаха Іосифа, въ отрядѣ полковника Мадритова, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ». Какъ «безграмотный», едва ли вѣроятно, чтобы

онъ былъ посвященъ въ священники; но зато и жалованье ему, выговоренное, почти не платили; потому «штабы долго разбирали это дѣло», рассказываетъ авторъ-священникъ, нынѣ протопресвитеръ (примѣчаніе на стр. 19). Явно, какъ это дѣло было плохо устроено: и можетъ быть этимъ частью объясняется, что такъ хорошо была организована пропаганда и разсыпаніе «прокламацій» въ арміи на Востокѣ нашею всюду шныряющею социаль-демократіей, ищущей «покорить подъ ножи» своихъ еврейскихъ вождей «врага и супостата». т.-е. русскій безпризорный народъ.

Въ русско-японскую войну бѣгтвы пронеслись на большихъ разстояніяхъ времени. И вотъ какъ говоритъ объ этомъ времени о. Г. Шавельскій: «Идетъ бой—люди изнемогаютъ отъ труда, напряженія силъ и лишеній. Настаетъ затишье—люди не знаютъ, куда дѣвать время. Дѣла, занятій мало, а здоровыхъ развлеченій нѣтъ. На родинѣ мирное время можно скоротать книжкой, газетой; но на войнѣ ничего этого нѣтъ». На этой-то пустотѣ и ждуть война расслабляющіе, убивающіе пороки. «Бездѣлье и отсутствіе добрыхъ развлеченій—самые страшные враги человѣка, передъ которыми и сильные сдаются. Война страшна этой стороною своею... Слабовольные и неосторожные гибнутъ въ затишьи отъ того врага, который не переставая бродитъ по русской землѣ—отъ хмельнаго вина. Другіе ищутъ развлеченія въ картежной игрѣ, принося этому Молоху въ жертву и свое, и своихъ семействъ благополучіе, а иногда и жизнь свою. И вино, и картежная игра не мало унесли жертвъ въ минувшую войну. Борются съ тѣмъ и другимъ зломъ, охъ, какъ трудно.—такъ какъ тутъ приходится бороться не съ пороками только, а съ обстановкой, съ бездѣліемъ, напряженностью нервовъ, и все же священники бороться обязаны». Около офицера, передъ этими пороками, священникъ стѣненъ въ совѣтѣ страхомъ задѣтъ самолюбіе; и все, что прот. Шавельскій можетъ посоветовать, это подходить къ офицеру, съ дружбою, съ тайнымъ совѣтомъ, а въ минуту унынія успокоить и поддержать нервы. «Не побоясь зла, на что невозможно рассчитывать, священникъ можетъ здѣсь ослабить зло». Конечно, священникъ можетъ дать тотъ совѣтъ, какой обычно даютъ офицерамъ товарищи-офицеры; а вѣдь большая разница, есть ли въ компаніи «развлекающихся» офицеровъ хотя бы одинъ разсудительный или ни одного разсудительнаго. Если «ни одного», то компанія очень можетъ вся «закружиться» и дойти Богъ знаетъ до чего; если же хоть всего «одинъ» офицеръ разсудительный и трезвый, то отъ *большаго* бѣды онъ одинъ можетъ спасти компанію. Сколько мнѣ приходилось знавать (въ провинціи) полко-

выхъ священниковъ, они—въ большой и свѣтлой дружбѣ съ офицерствомъ, уввы, за зеленымъ столомъ. Но что же тутъ подѣлаешь. Игра конечно «по маленькой» и, ей-ей, партнеръ-священникъ отъ большихъ бѣдъ можетъ уберечь зарывающагося офицера-партнера. Я не оспариваю, что священнику «играть» грѣхъ; но по очень маленькой—все играютъ, прикрывъ ставни въ священническихъ квартирахъ; что ужъ грѣха тантъ... Но священники сдержанны въ игрѣ, да и вообще имѣютъ меньше страстей и азарта, чѣмъ офицеры. И «въ быту» вообще они могутъ поправить и даже предупредить маленькимъ грѣшкомъ большой грѣхъ. Едва ли это они могутъ сдѣлать, устраниаясь вовсе отъ «компаніи офицерской».

Гораздо успешнѣе, по понятнымъ причинамъ, дѣятельность священника между солдатъ. «По опыту скажу»,—пишетъ прот. Г. Шавельскій,—«никто не можетъ такъ поддержать, ободрить, наставить и направить на войнѣ нашего солдата, какъ это можетъ сдѣлать священникъ» (стр. 22). Въ противоположность Мирной Россіи, въ противоположность «у себя дома»,—на войнѣ священникъ постоянно среди солдатъ, и стоитъ ему, отойдя отъ своей палатки, заговорить на ходу съ солдатомъ, какъ сейчасъ подойдутъ другіе солдаты и слушаютъ. Жатва—готова, почва всегда голодна и жадно поглощаетъ всякую каплю поученія. «Учи, поддерживай вѣру и бодрость духа, вѣрность долгу, царю и родинѣ, разбирай все вопросы, какія выдвинула полковая жизнь и боевое время, подготовляй свою часть къ бою, къ побѣдѣ, чтобы бой встрѣтила она безъ страха».

Пособникомъ священника здѣсь могла бы быть книжка; дѣло это опять было совершенно пренебрежено въ мишувшую войну; и только присылку маленькихъ библіотечекъ изъ Петербурга, распоряженностью извѣстнаго о. Ф. Орнатскаго, предсѣдателя «Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православія», восполнило этотъ недостатокъ. Всѣхъ такихъ библіотекъ было выслано 20, по 10 р. за библіотеку, и каждая библіотечка состояла изъ 173 названій книгъ и брошюръ, религіозно-нравственнаго и патріотически-историческаго содержанія. «Передъ войной,—говоритъ авторъ,—о книжкѣ забыли. Въ списокъ вещей, какими должна быть снабжена воинская часть, даже такая крупная, какъ полкъ, о библіотекѣ нѣтъ помину. Библіотеками и не запаслись ни части, ни священники, отправлявшіеся на войну. Предполагалось, что библіотека будетъ лишнимъ грузомъ, стѣняющимъ передвиженіе части, у которой все должно быть взвѣшено и размѣренно. О библіотекѣ вспомнили на войнѣ, когда люди въ промежутки между боями томилась отъ

скуки и бездѣлья и съ жадностью голоднаго набрасывались на каждую печатную строку»... Авторъ настаиваетъ, что обозъ, везшій нѣсколько тысячъ пудовъ полковыхъ вещей, не въ правѣ отказаться отъ 2—3 пудовъ книжекъ, и библиотечками должны быть снабжены въ будущемъ все войсскія части.

Самая незначительная матеріальная помощь священника солдату, ласковое его слово, или слово строгое, если солдатъ обидѣлъ мѣстнаго жителя,—все дѣлается моментально и широко извѣстно по арміи,—говоритъ авторъ,—хотя бы и было сдѣлано укромно или тайнѣ. Армія, по тѣснотѣ единенія и общія въ ней движенія, сама есть говорящая газета, живая почта и моментальный телеграфъ. И если у священника есть положительныя добрыя качества, если онъ сколько-нибудь активенъ, онъ быстро получаетъ любовь, вліяніе и авторитетъ. Здѣсь, на войнѣ, все воспринимается, какъ воспринимается съ особенною силой лекарственныя травы *in statu hascente*, т. е. въ моментъ цвѣтенія. Все—въ работѣ, въ напряженіи: и душа хватаетъ всякое услышанное слово и всякій увидѣнный поступокъ съ невѣроятной жадностью. Вотъ отчего здѣсь такъ легко рождается—подвигъ и паника, смерть за отечество и бунтъ, моментальная дезорганизация и величайшая дисциплина. И священникъ долженъ пользоваться этою раскаленною атмосферою «войска въ движеніи».

Книжки о Шавельскаго,—какъ эта, такъ и еще другая—«Къ рекрутскому набору», написаны очень кетати, написаны очень хорошо; а всюду разъяснены въ нихъ практическія указанія, безъ сомнѣнія, будутъ приняты во вниманіе и помогутъ устраненію кое-какихъ воиющихъ недочетовъ въ дѣлѣ организаціи церковнаго духа арміи.

(«Новое Время»).

В. Розановъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

и всѣхъ добрыхъ ревнителей вѣры православной.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ.

(подписной годъ съ 1-го марта)

на ежемѣсячный **бесплатный** художественный журналъ

„СЪЯТЕЛЬ“.

(Въ годъ около 300 страницъ текста и не менѣе 50 прекрасно исполненныхъ фото-цикографіей картинъ на другой мѣловой бумагѣ), съ платнымъ приложеніемъ къ нему:

1000 назидательныхъ иллюстрированныхъ листковъ (религіозно-нравственнаго, патріотическаго и противуалкогольнаго содержанія),

подъ общимъ названіемъ

„Крупица пиши духовной“.

для раздачи народу (50 разныхъ названій въ годъ, по 20 экземпляровъ каждаго листа).

Листки „Крупицы пиши духовной“ большого формата, въ 4 страницы; на 1-й страницъ обязательно хорошая картинка.

Цѣна листковъ „Крупица пиши духовной“

(подписная цѣна на журналъ «Святель» съ приложеннымъ листкомъ «Крупица пиши духовной»):

на 1 годъ—за 1000 листковъ и 12 номеровъ журнала **4** руб., на 1/2 года—за 500 листк. и 6 номер. журнала **2** руб., на 3 мѣсяца за 240—250 листк. и 3 номера журнала **1** руб. Съ пересылкой и доставкой по почтѣ. Отдѣльно на журналъ „Святель“ подписка не принимается, листки же разныхъ названій могутъ быть высланы почтовыми посылками по слѣдующимъ цѣнамъ: за 1000—**4** р.; за 500—**2** р. **25** коп.; за 100—**50** коп., съ пересылкой.

Подробная програма съ образцами листковъ „Крупица пиши духовной“ высылается бесплатно, по первому требованію.

Адресь: Редакція журнала „Святель“, г. Уфа.

Редакторъ издатель *Свящ. І. Хохловъ.*

НАСТОЯЩАЯ КНИГА

Д Л Д

СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЕЙ.

(Сборникъ свѣдѣній, касающихся преимущественно практической дѣятельности отечественнаго духовенства).

С. В. Булгакова.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, исправленное и дополненное новыми свѣдѣніями, со включеніемъ всѣхъ узаконеній, распоряженій и разъясненій послѣдняго времени по вопросамъ пастырской практики.

Вся книга заключаетъ въ себѣ около 1800 страницъ большого формата и убористой печати.

ЦѢНА КНИГИ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Извлеченія изъ нѣкоторыхъ отзывовъ печати о первомъ (см. А), второмъ (см. Б) и третьемъ (см. В) изданіи

настоящей книги для священно-церковно-служителей.

А. «Нѣтъ изданія болѣе необходимаго и полезнаго для духовенства, какъ полный сборникъ по всѣмъ вопросамъ церковно-гражданской жизни и православнаго богослуженія, такъ чтобы вмѣсто

десятка, а иногда и болѣе пособій, священникъ вполнѣ могъ бытъ обезпеченъ одной книгой, представляющей, такъ сказать, ручную церковную бібліотеку. Этой потребности стараетсяъ удовлетворить г. Булгаковъ своей Настольной книгой (Вогосл. Библиогр. Лист., 1892 года, № 12).— Въ ней найдется все важнѣйшее, главнѣйшее и существенное (Цер. Вѣст., 1892 г., № 25).— Церковно-практическій отдѣлъ книги является наилучшимъ въ ряду другихъ руководствомъ, и въ этомъ отношеніи представляетъ собою особенную цѣнность для нашихъ священно-церковно-служителей (Цер. Вѣд., 1892 г., № 22).— Настольная книга г. Булгакова даетъ массу свѣдѣній церковно-практическаго характера и тѣмъ самымъ способствуетъ правильному, достойному выполненію задачъ пастырскаго служенія (Моск. Цер. Вѣд., 1892 г., № 12).

Б. Смѣло можемъ рекомендовать книгу г. Булгакова, какъ наилучшую и полезнѣйшую энциклопедію самыхъ нужнѣйшихъ и необходимѣйшихъ для отечественнаго духовенства свѣдѣній (Страникъ, 1900 г., апр.).— Читатель найдетъ въ книгѣ г. Булгакова руководственныя указанія относительно самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ пастырской дѣятельности (Цер. Вѣд., 1900 г., № 22).— Второе изданіе Настольной книги для священно-церковно-служителей есть какъ бы совершенно новый трудъ почтеннаго автора. Въ виду же того, что тѣ измѣненія и дополненія, надъ которыми съ такимъ усердіемъ и искусствомъ потрудились г. Булгаковъ при второмъ изданіи своей книги, касаются самыхъ важныхъ сторонъ русской церковной жизни, означенное изданіе является весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу духовную литературу. Вообще Настольная книга г. Булгакова, признанная въ ея первомъ изданіи безусловно полезною (см. Церк. Вѣсти. 1892 г., № 25), во второмъ своемъ изданіи должна быть признана безусловно необходимою для священно-церковно-служителей (Вѣр. и Раз., 1900 г., апр.).

В. Книга г. Булгакова должна быть признана необходимою принадлежностію каждой церковной бібліотеки. Неоспоримо также и то, что, по настоятельной надобности, особенно для приходскихъ священниковъ, въ частомъ пользованіи сочиненіемъ г. Булгакова, оно должно представлять собою въ ихъ обиходѣ именно „настольную“, въ полномъ смыслѣ этого слова, книгу. Цѣну книги слѣдуетъ признать самой умѣренной (Цер. Вѣд., 1913, № 5).

Стоимость пересылки книги—за 6 фунтовъ. Выписывающіе непосредственно отъ автора въ предѣлы Европейской Россіи за пересылку не платятъ; выписывающіе же въ предѣлы Азіатской Россіи (куда книга, въ виду дороговизны посылки, будетъ выслана исключительно подъ заказной бандеролью) прилагаютъ часть стоимости пересылки въ размѣрѣ 60 коп. на каждый экземпляръ книги.

*Адресъ для требованій: Харьковъ, Куликовская улицы, д. № 37,
Сергью Васильевичу Булгакову.*

Ни перваго, ни втораго изданія Настольной книги для священно-церковно-служителей въ продажѣ нигдѣ не имѣется.

На семь объявленій резолюція Высокопреосвященнаго Арсенія, Архієпископа Харьковскаго, послѣдовала такая:

«1913 г. 5 февр. Въ Редакцію журнала «Вѣра и Разумъ» для напечатанія сего объявленія съ рекомендаціей къ выпискѣ въ церковныя бібліотеки для руководства духовенства Харьковской епархіи въ его церковно-пастырской жизни. А. Арсеній.»

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсеція, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова, — „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?— В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаци“. К. Истомина.— „Ультрамонтантское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Статьи объ антихристѣ. Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“, Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Закоуъ жизни“ Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ **приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, или будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминонъ.